100 ВЕЛИКИХ ДИПЛОМАТОВ

100 великих (Вече)

100 великих дипломатов

«ВЕЧЕ»
2009

100 великих дипломатов / «ВЕЧЕ», 2009 — (100 великих (Вече))

ISBN 978-5-9533-3977-3

Очередная книга из серии "100 великих" рассказывает о самых известных и удачливых дипломатах всех времен и народов. Перед читателем пройдет яркая портретная галерея профессионалов – от Перикла до президента Рузвельта, от Сигизмунда Герберштейна до Александры Коллонтай, от князя Горчакова до графа Чиано (зятя Муссолини). Кроме того, полагает автор, государственные деятели, политики, правители часто обнаруживают куда больший дипломатический талант, нежели карьерные дипломаты, например Иван III, Генрих IV, Людовик XI, Наполеон, Петр I, Фридрих II, Рузвельт, Сталин, Черчиль… Они держали в своих руках все нити международных отношений, войны и мира, умело сочетали в своей политике дипломатические и военные методы.

ISBN 978-5-9533-3977-3

, 2009

© ВЕЧЕ, 2009

Содержание

Введение 5
Ашшурбанипал 6
Фемистокл 10
Перикл 15
Филипп II 22
Чжан Цянь 27
Цезарь Гай Юлий 30
Приск Панийский 36
Теодорих Великий 40
Юстиниан I Великий 45
Петр Патрикий 49
Григорий VII 52
Иннокентий III 56
Фридрих II Штауфен 61
Филипп IV Красивый 64
Чжэн Хэ 69
Людовик XI 72
Иван III 76
Лоренцо Медичи 83
Никколо ди Бернардо Макиавелли 87
Сигизмунд Герберштейн 91
Иван Михайлович Висковатый 96
Уильям Сесил 100
Генрих IV 104
Антонио Поссевино 110
Аксель Густафсон Оксеншерна 115
Конец ознакомительного фрагмента. 120

Игорь Анатольевич Мусский
100 великих дипломатов

Введение

Советский энциклопедический словарь так определяет слово «дипломатия»: «Официальная деятельность глав государств, правительств и специальных органов внешних сношений по осуществлению целей и задач внешней политики государств, а также по защите интересов государства за границей». Можно сказать, что дипломатия является средством внешней политики. Для успешной дипломатической деятельности необходимо хорошо знать международные отношения и положение дел в каждой стране.

«Задача дипломатии – поддерживать связь между двумя суверенными государствами при помощи переговоров», – пишет известный автор трудов по дипломатии англичанин Г. Николсон. А английский посол Генри Уоттон заметил как-то, что «посол – это честный человек, которого посылают за границу лгать для блага своей родины».

Г. Николсон отдает приоритет профессиональным дипломатам, считая, что только люди, посвятившие себя целиком дипломатической карьере, оказываются на высоте положения в межгосударственных переговорах, но с этим трудно согласиться. Государственные деятели, политики, правители часто обнаруживают куда больший талант, нежели карьерные дипломаты.

Достаточно назвать таких правителей, как Иван III, Генрих IV, Людовик XI, Наполеон, Петр I, Фридрих II, Рузвельт, Сталин, Черчилль, Хусейн Бен Талал и др. Многие правители держали в своих руках все вопросы международных отношений, войны и мира. В своей политике они умело сочетали дипломатические и военные методы. Читателям нашей книги предстоит в этом убедиться.

Но что же отличает удачливого дипломата от неудачливого? Бисмарк не без иронии говорил, что у всякого человека, следовательно и у всякого дипломата, бывает так, что ему везет и счастье пролетает совсем близко от него, разница между дипломатом искусным и бездарным заключается в том, что первый успевает вовремя ухватиться за край одежды пролетающей мимо него фортуны, а бездарный непременно прозевает и упустит этот момент. В данном издании представлены исключительно искусные дипломаты.

Ашшурбанипал

(? – ок. 630 до Р. Х.)

Царь Ассирии в 669 – ок. 635 года до Р. Х. Вел активную военную и дипломатическую борьбу с Египтом, Эламом, Вавилонией за сохранение и упрочение Ассирии. Вошел в историю и как собиратель древних письменных памятников.

Ашшурбанипал был последним могущественным царем Ассирии. Личность и политика этого царя достаточно полно освещены благодаря открытию археологами в 1849–1850 годах государственного архива и библиотеки династии Саргонидов.

В 669 году до Р. Х. царь Асархаддон передал престол Ассирии своему сыну Ашшурбанипалу, а другого сына, Шамаш-Шумукина, сделал царем Вавилона. Ашшурбанипал, вероятно, являлся любимцем отца и бабки – энергичной и властной Накии, поэтому именно его

объявили наследником ассирийского престола, а затем он получил верховную власть над обоими царствами.

До вступления на престол Ашшурбанипал, согласно традиции, руководил службой разведки и строительными работами. Его можно по праву отнести к самым образованным из ассирийских царей. В детстве он учился не только стрелять из лука и править колесницей, но и клинописи, основам ассиро-вавилонской науки и литературы.

Царствование Ашшурбанипала отмечено напряженной борьбой с антиассирийскими коалициями, которые возникали то на одной, то на другой границе. Ашшурбанипал был искусным дипломатом, что, впрочем, не мешало ему проявлять такую же жестокость, какую проявляли и другие ассирийские цари. Для достижения политических целей он прибегал не только к хитроумным интригам, но и убийствам неугодных соперников.

В начале правления Ашшурбанипала международная обстановка была благоприятной для Ассирийского царства. Ей удалось добиться покорности со стороны двух независимых островных государств – Тира и Арвада. Около 665 года до Р. Х. царь Лидии Гигес направил посольство к Ашшурбанипалу с просьбой о помощи против киммерийцев. С аналогичной просьбой к ассирийскому царю обратилось и другое малоазиатское царство, Табал, в горах Тавра.

Не столь благополучно складывались для Ассирии отношения с Египтом. Здесь агрессивная политика Ашшурбанипала наталкивалась на отчаянное сопротивление фараонов эфиопской династии, правивших в ту эпоху. Самым неуступчивым из них был Тахарка.

После того как ассирийским войскам удалось изгнать Тахарку из Египта, фараон не ушел далеко и разбил лагерь на противоположном берегу Нила. Правители северных территорий, среди которых наиболее влиятельным был Нехо, владетель Саиса и Мемфиса, вероятно, вступили с Тахаркой в переговоры. Однако людям Ашшурбанипала удалось захватить Нехо в плен и переправить его в Ассирию.

При ассирийском дворе Нехо пользовался большим почетом. Царь подарил ему дорогие одежды, меч в золотых ножнах, колесницу, лошадей и мулов. Разумеется, делал он это не случайно. Ашшурбанипал решил создать в Египте влиятельную ассирийскую партию. С этой целью он освободил Нехо, и тот с помощью своих египетских друзей и ассирийских отрядов победил Тахарку и завладел египетским престолом. Ашшурбанипал утвердил своего протеже во главе египетских царьков, но для подстраховки назначил при нем ассирийского наместника.

Однако главным врагом Ассирии являлось государство Элам. Ашшурбанипал попытался установить с ним мирные отношения (возможно, лишь с целью выиграть время), но Элам пренебрег этими попытками и поддержал антиассирийское восстание в Южной Месопотамии.

Поход Ашшурбанипала на юг в 663 году до Р. Х. оказался не особенно удачным, но вскоре по неизвестным причинам эламский царь и предводители восставших умерли. По-видимому, здесь не обошлось без интриг ассирийского царя. В Эламе начались династические распри. Ашшурбанипал предоставил убежище некоторым из претендентов на эламский престол, полагая, что их можно будет использовать в дальнейшей политической игре.

В 655 году до Р. Х. ассирийский царь получил чувствительный удар: неожиданно вернул себе независимость Египет. Сын Нехо Псаметих изменил ассирийскому владыке. Опираясь на поддержку ливийских и греческих наемников, он отделился от Ассирии. Ашшурбанипал не мог послать против него войска, так как продолжал конфликтовать с Эламом.

В 653–652 годах до Р. Х. восстал вавилонский царь, брат Ашшурбанипала. Шамаш-Шумукин был связан родством с вавилонской знатью, кроме того, имел сторонников в Ассирии, на которых мог рассчитывать. Он создал в Вавилонии мощное войско, а также привлек на свою сторону вавилонскую и халдейскую знать. Шамаш-Шумукин тайно заключил союз

с арабскими шейхами, с арамейскими племенами, с Мидией, возможно, с Египтом и, бесспорно, с непременным участником всех существующих антиассирийских коалиций – Эламом. Вавилон стал центром международных союзов и политических интриг, направленных против Ассирии.

Узнав о военных приготовлениях Шамаш-Шумукина, Ашшурбанипал объявил его узурпатором и стал готовиться к войне. Ассирийский царь понимал значение Вавилона. Полное подчинение старинного торгового и культурного города развязывало ему руки в отношении двух враждебных стран – Египта и Элама.

Антиассирийская коалиция выглядела достаточно грозно, поэтому Ашшурбанипалу пришлось вести борьбу с большой осторожностью. Царь Ассирии сознавал, что исход всей кампании зависит от поведения таких богатых и влиятельных городов Междуречья, как Вавилон и Ниппур, и соседнего царства Элам, поэтому он использовал дипломатические каналы, немедленно обратившись к названным городам с посланием. Обещания сохранять впредь вольности города имели решающее значение для всей последующей истории отношений с вавилонским царем. Вавилон и Неппур изменили Шамаш-Шумукину и перешли на сторону Ашшурбанипала.

Ценным источником для знакомства с ассирийской дипломатией служат тайные донесения царских уполномоченных. Во всех городах «царь вселенной» имел своих людей, которые обычно именовали себя в переписке царскими рабами или слугами. Ассирийские уполномоченные следили за всем, что происходило в пограничных областях и соседних государствах, докладывая царю о приготовлениях в войне, передвижении войск, заключении союзов, приеме и отправлении послов, заговорах, восстаниях, постройке крепостей, перебежчиках, угоне окота, урожае, о всех важных событиях.

Подготовив дипломатическую почву, Ашшурбанипал отправился во главе войска в Вавилонию. Ассирийцам удалось воспрепятствовать соединению эламитов с вавилонянами. Шамаш-Шумукин потерпел поражение и отступил к Вавилону. Положение осажденных вавилонян оказалось безнадежным. Эламское войско, спешившее на помощь, было разбито по дороге.

«Царем» Вавилона был назначен некий Кандалану – ставленник Ашшурбанипала.

После разгрома Шамаш-Шумукина многие вавилоняне бежали из опустевшего города в соседний Элам. Ашшурбанипал, не имея возможности вести военные действия, старался разжечь раздоры в правящей верхушке Элама. Он устранял неугодных ему правителей, а на их место ставил своих приверженцев. Наконец снарядил посольство.

Прибыв в Элам, ассирийские послы потребовали немедленной выдачи беглецов. Эламский царь Индабигас вступил в переговоры с ассирийцами, но отказался выполнить их требования. Вскоре после этого Индабигас был убит одним из своих военачальников – Уммалхалдашем, который провозгласил себя царем Элама. Однако Уммалхалдаш не оправдал доверия Ашшурбанипала и был свергнут с престола, а Элам подвергся жестокому опустошению.

После изгнания Уммалхалдаша на престол Элама ассирийцами был возведен новый царь – Таммарит. Некоторое время Таммарит послушно выполнял приказы ассирийского царя, но потом неожиданно изменил ему, организовав заговор против Ашшурбанипала и перебив ассирийские гарнизоны, стоявшие в Эламе. Это послужило поводом для начала военных действий между Эламом и Ассирией. Во время этой войны эламский царь был убит, и на политической арене вновь появился Уммалхалдаш. Он захватил город Мадакту и крепость Бет-Имби, но на этом его успехи закончились.

Около 639 года до Р. Х. Сузы в очередной раз были взяты ассирийцами.

Занятие ассирийскими войсками столицы Элама еще не означало полного покорения страны. Война продолжалась. Враждебные Ассирии силы объединились вокруг вавилон-

ского царевича Набу-Бел-Шумата. Ашшурбанипал поручил Уммалхалдашу, который вновь искал сближения с ассирийским царем, поймать опасного вавилонянина. В конце концов мятежное движение было подавлено, а Набу-Бел-Шумат лишил себя жизни. После этого Элам утратил политическую самостоятельность и вошел в состав Ассирийского царства.

Взгляды Ашшурбанипала обратились в сторону Урарту и других северных государств, где его привлекали железные и медные рудники, обилие скота и торговые пути, которые связывали север с югом и запад с востоком. Ванское царство было наводнено ассирийскими разведчиками и дипломатами, следившими за каждым движением царя Урарту и его союзников.

Один из ассирийских посланников доносил из Урарту о прибытии послов от народа страны Андин и Закария в город Уази. Они прибыли по очень важному делу – поставить в известность жителей этих мест, что ассирийский царь замышляет против Урарту войну. По этой причине они предложили им вступить в военный союз. Далее указывается, что на военном совещании один из военачальников предлагал даже убить царя Ашшура.

Борьба между Ассирией и Урарту продолжалась несколько столетий, но не привела к определенным результатам. Несмотря на ряд поражений, которые нанесли ему ассирийцы, и на всю изворотливость ассирийской дипломатии, государство Урарту все же сохранило свою независимость и даже несколько пережило своего сильнейшего противника.

В своих надписях Ашшурбанипал изображает себя заботливым государем, доблестным воителем, бесстрашным охотником и мудрецом, постигшим все науки, искусства и ремесла. Однако вопреки утверждениям его анналов он почти никогда не принимал личного участия в военных походах.

Он был хорошо образован. В своем ниневийском дворце царь собрал огромную библиотеку – более 20 тысяч превосходно выполненных клинописных табличек, своего рода энциклопедию знаний и литературы. Ашшурбанипал все время заботился о пополнении своей библиотеки, сам отбирал для нее тексты.

О последних годах жизни Ашшурбанипала известно мало (его анналы заканчиваются 636 годом до Р. Х.). Существует даже предположение, что около 635 года до Р. Х. он был отстранен или отказался от власти и остаток своих дней провел в городе Харране, в Северной Месопотамии.

При Ашшурбанипале Ассирия достигла наивысшего могущества и захватила большую часть стран Ближнего и Среднего Востока. Границы Ассирийского царства простирались от гор Урарту до порогов Нубии, от Кипра и Киликии – до восточных границ Элама. Обширность ассирийских городов, блеск двора и великолепие построек превосходили все когда-либо виденное в странах Древнего Востока.

Однако беспрерывные войны истощали Ассирию. Число враждебных коалиций, с которыми приходилось бороться ассирийским царям, все возрастало. Положение Ассирии сделалось критическим, вследствие нашествия с севера и востока других народностей. Ассирия не выдержала этого напора, утратила свое руководящее положение в международных отношениях Востока и скоро стала добычей новых завоевателей.

Ашшурбанипал умер около 630 года до Р. Х. Как раз с этого времени и ведет отсчет новый период, для которого были характерны внутренние смуты в Ассирийской державе, приблизившие ее окончательное крушение.

Фемистокл

(ок. 525 – ок. 460 до Р. Х.)

Афинский полководец, вождь демократической группировки, в период Греко-персидских войн с (500–449 гг. до Р. Х.) архонт и стратег (в отдельные периоды). Сыграл решающую роль в организации общегреческих сил сопротивления. Добился превращения Афин в морскую державу и создания Делосского союза.

Фемистокл родился около 525 года до Р. Х. и принадлежал к старинному аристократическому роду Ликомидов. Мать его была иностранкой, поэтому некоторые не признавали Фемистокла полноправным афинянином. Позднее у него было отнято даже право гражданства.

Такое отношение развило в нем болезненное самолюбие.

Фемистокл начал часто выступать в суде и в народном собрании. Он предлагал провести коренные преобразования в армии и государстве, чем завоевал симпатии бедных слоев населения.

Аристократы, стоявшие в это время у власти в Афинах, считали сопротивление могущественной персидской державе безнадежным делом. Фемистокл, зная, что на суше персы во много раз сильнее греков, видел единственный путь к спасению в создании сильного флота. Он предложил употребить на постройку флота весь доход, полученный от Лаврийских рудников.

Угроза неминуемой войны заставила народное собрание принять предложение Фемистокла. Ежегодно афиняне начали строить по 20 боевых кораблей. Вскоре Афины стали самой могущественной морской державой в Элладе.

Фемистокл-дипломат хотел объединить все греческие государства для борьбы с персами. Он призывал греков забыть взаимные распри и подняться на защиту отечества. На Коринфском перешейке собрались представители греческих государств, и было решено, что сухопутные силы греков возглавят спартанцы. Несмотря на то что афиняне выставили больше военных кораблей, чем все остальные государства, командование флотом тоже было поручено спартанцу. Фемистокл считал, что не стоит спорить перед лицом врага: «В момент опасности единство настолько лучше внутренних раздоров, насколько мир лучше войны».

Между тем Персия закончила приготовления к вторжению в Европу. Перед началом похода царь Ксеркс отправил в Грецию послов с требованием дать ему «землю и воду», то есть полностью покориться. Многие государства подчинились персам. Афины, Спарта и их союзники решили оказать сопротивление.

На границе между Северной и Средней Грецией отряд в несколько тысяч греков под командованием спартанского царя Леонида занял удобный для обороны узкий Фермопильский проход.

Пока Леонид и его соплеменники защищали Фермопильский проход, афинский флот под командованием Фемистокла стоял у северной оконечности острова Эвбея, чтобы не позволить персам высадиться в тылу у спартанцев. Когда пришло известие о гибели защитников Фермопил, оставаться в Эвбейском проливе уже не имело смысла, и флот отплыл к югу, чтобы оборонять побережье Аттики. Следуя вдоль Эвбеи, Фемистокл высматривал удобные для высадки бухты и на скалах высекал четкие надписи, обращенные к морякам вражеского флота. На персидских кораблях почти не было персов, на них служили главным образом ионийцы – жители греческих городов Малой Азии, давно покоренных Персией.

«Ионийцы! – писал Фемистокл. – Вы – такие же греки, как и мы. Война идет не только за нашу свободу, но и за ваше освобождение. Переходите на нашу сторону, а если это невозможно, – вредите варварам, внося расстройство в их ряды!»

Фемистокл рассчитывал, что если эти надписи не побудят ионийцев перейти на их сторону, то, во всяком случае, встревожат персов и внесут распри в многоплеменное персидское войско.

Прорвавшись через Фермопилы, персы покорили Среднюю Грецию.

Сухопутные силы греков укрепились на Коринфском перешейке. Флот, в котором больше половины кораблей принадлежало афинянам, отошел в Саранический залив. Место для решающего сражения афинский стратег выбрал очень удачно – в проливе, отделявшем остров Саламин от материка.

Саламинская победа (480 года до Р. Х.), самая славная в истории морских битв эллинов, была одержана благодаря уму и таланту Фемистокла, а также мужеству и общему воодушевлению сражавшихся греков.

Чтобы ускорить отступление персов, Фемистокл придумал новую хитрость. Он отправил к царю своего персидского раба, чтобы предупредить Ксеркса, что эллины хотят послать

корабли к Геллеспонту разрушить мост, соединяющий Европу с Азией. Фемистокл, якобы друг царя, советует ему, пока персы еще господствуют на море, поспешить вернуться в Азию. Он же, Фемистокл, тем временем будет препятствовать союзникам и задерживать преследование.

С большей частью своих войск Ксеркс поспешил к проливу Геллеспонт, оставив в Аттике только небольшую армию под командой Мардония. Весной следующего года Фемистокл вместе с Аристидом разбил Мардония при Платеях у северной границы Аттики. Остатки персидского войска вынуждены были покинуть Элладу.

После победы стратеги всех государств собрались на Коринфском перешейке в храме бога Посейдона, чтобы решить, кому из них Эллада обязана своим спасением. На первое место каждый ставил себя, при этом признавая, что вслед за ним награды должен быть удостоен Фемистокл. В результате голосования высшую награду присудили Фемистоклу. С этим согласились даже спартанцы, вечные оппоненты афинян.

Спартанцы пригласили Фемистокла в гости, увенчали его оливковым венком за мудрость, подарили ему лучшую колесницу, а когда он уезжал, до самой границы его провожал почетный отряд из 300 знатных юношей: почесть, которой Спарта не удостаивала ни одного чужеземца.

Фемистокл одним из первых понял, что после изгнания персов главным соперником Афин станет Спарта. Борьба началась с конфликта из-за возведения крепостных стен в Афинах. Когда после побед над персидской монархией в 478 году до Р. Х. возник союз островных и приморских полисов, возглавляемый Афинами, спартанцы, опасаясь чрезмерного усиления афинской общины, попытались дипломатическим путем поставить Афины в зависимость от себя.

Спартанский совет старейшин послал во все греческие города, расположенные на известном расстоянии от берега моря, в том числе и в разоренные персами Афины, послов, которые предложили при восстановлении городов не строить крепостных стен.

Свое предложение спартанцы мотивировали тем, что они будут рассматривать строительство городских крепостных стен как враждебный акт против всех остальных общин.

Внешне это предложение было весьма миролюбивым, но так как спартанцы обладали сильнейшим сухопутным войском в Греции, то города, не защищенные стенами, оказались бы в полной зависимости от них.

Афиняне, вынесшие тяжелую войну с персами, опасались обострять отношения со Спартой. С другой стороны, принятие спартанских предложений ставило в зависимость от Спарты не только дальнейшее существование Афинского морского союза, но даже и демократического строя в Афинах.

Ведение переговоров со Спартой взял на себя Фемистокл. Отправляясь в Спарту, он предложил Афинскому совету начать строительство крепостных стен в самом спешном порядке. В Спарте Фемистокл уклонился от встречи с местными эфорами под предлогом болезни. После же начала переговоров они были вновь отложены вследствие отсутствия у Фемистокла и его товарищей по посольству полномочий.

Однако к этому времени спартанцы, услышавшие о постройке стен в Афинах, запросили Фемистокла. Он ответил, что ему ничего не известно, и посоветовал направить посольство в Афины. Одновременно Фемистокл тайно посоветовал задержать спартанских послов до его возвращения.

Когда же афинские стены были построены настолько, что за ними можно было обороняться, Фемистокл сообщил об этом спартанцам и попросил отпустить его в Афины, ввиду бессмысленности продолжения переговоров. И только после того как дипломат вернулся домой, спартанские заложники были отпущены на свободу. Афиняне благодаря дипломати-

ческой ловкости Фемистокла одержали верх, но с этого времени между Афинами и Спартой возникли крайне напряженные отношения.

Фемистокл продолжал укреплять морскую мощь Афин. Он построил и укрепил афинскую морскую гавань Пирей. По его совету союз греческих государств был расширен. Несколько городов-государств вступили в союз, признали главенство Афин и внесли деньги на строительство новых кораблей.

От островных государств Фемистокл требовал безоговорочного подчинения Афинам.

Популярность Фемистокла среди афинян начала падать. Народ боялся, что его политика вовлечет Афины в опасную войну со Спартой. Симпатии афинян перешли к Аристиду. Спарта видела в Фемистокле своего величайшего врага и не жалела денег, чтобы подорвать его влияние.

В 471 году до Р. Х. Фемистокл был изгнан из Афин. Он отправился в Аргос, государство, которое было враждебно Спарте. Фемистокл рассчитывал сблизить Аргос с Афинами и создать сильный антиспартанский союз. Однако спартанцы приняли меры, чтобы обезопасить себя.

Во время войны с персами спартанским войском командовал родственник царя Павсаний, который вступил в переговоры с персами, надеясь, что те помогут ему совершить переворот в Спарте. За изменнические сношения с персидским царем Павсания казнили. Спартанские правители обвинили Фемистокла, что он вместе с Павсанием вел переговоры с персами. Фемистокл защищался против этого обвинения письменно. Но его враги потребовали, чтобы он явился и предстал перед общеэллинским судом в Спарте. Фемистокл не явился, понимая, что он не уйдет оттуда живым, и был заочно обвинен в государственной измене. Таким образом, и Афины, и Спарта преследовали спасителя Греции как предателя.

Оставаться в Аргосе было небезопасно, и Фемистокл бежит на север, на остров Керкиру, но маленькое государство побоялось предоставить ему убежище. Фемистокл переправился на материк и явился к эпирскому царю Адмету. Некоторое время Фемистокл жил в Эпире и даже тайно вызвал туда из Афин свою семью. Когда его местопребывание было открыто, Афины потребовали его выдачи. Горными тропами Фемистокл с семьей перешел в Македонию, где сел на корабль, плывший в Азию. Это был со стороны Фемистокла отчаянный шаг, так как за его голову персидский царь назначил огромное вознаграждение – 200 талантов.

Высадившись в Малой Азии, Фемистокл некоторое время скрывался от людей, но долго так продолжаться не могло. Он решил отправиться в столицу к самому персидскому царю. В это время Ксеркс уже умер и правил его сын Артаксеркс. Через знакомого знатного перса Фемистокл передал царю письмо.

«Я, – писал он, – тот самый Фемистокл, который больше всех эллинов принес вреда персам. Я сделал это потому, что мне пришлось обороняться от нападения твоего отца. Но когда опасность для Греции миновала, я послал предупреждение царю Ксерксу и посоветовал ему скорее уйти из Европы. Этим я приобрел право на благодарность. Я и теперь в состоянии оказать тебе большие услуги. Через год я тебе это докажу».

Царь предоставил Фемистоклу свободу действий. В течение года афинянин изучал персидский язык и местные обычаи. Когда же спустя год он явился к царю, то занял при его дворе такое положение, какого не занимал никогда ни один из эллинов. Царь дал Фемистоклу в управление пять греческих городов на побережье Малой Азии. Фемистокл спокойно жил, пользуясь богатыми доходами со своих владений.

В 464 году до Р. Х. пришла весть о восстании Египта – одной из сатрапий персидской державы, – а также о том, что египтянам помогают афиняне. Артаксеркс вспомнил обещание Фемистокла и потребовал, чтобы тот выступил вместе с ним в поход на Грецию.

Фемистокл не пожелал пойти против своей родины. Он собрал друзей и, совершив жертвоприношение богам, принял яд.

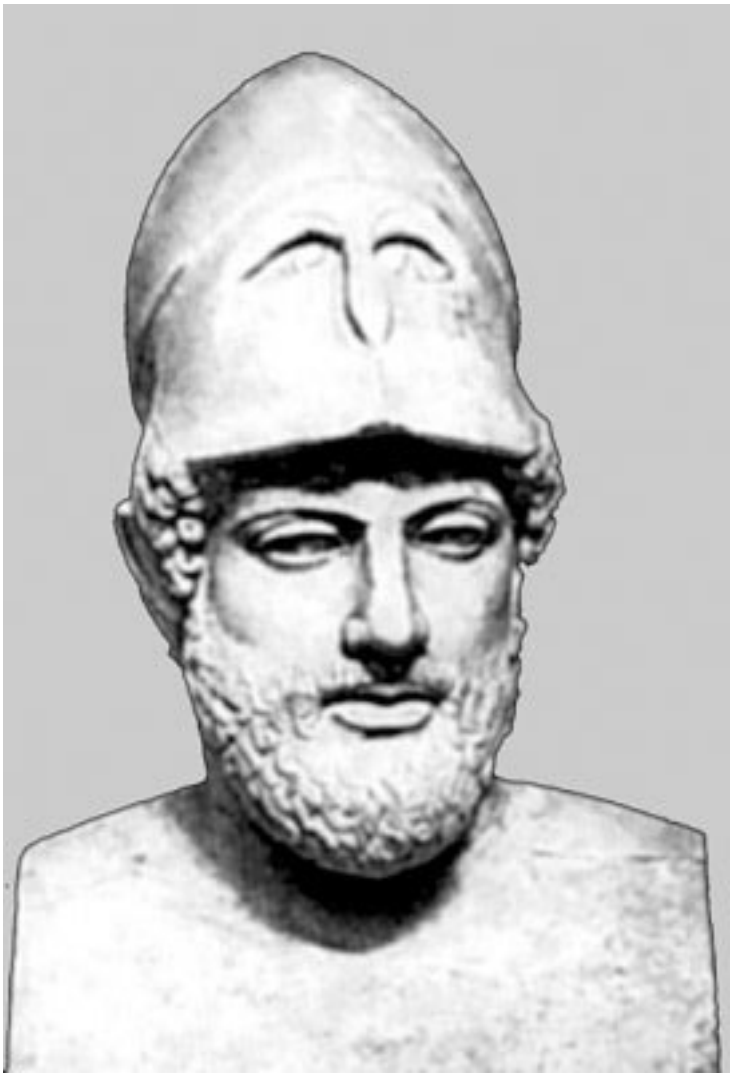
Узнав о самоубийстве Фемистокла, царь почувствовал еще большее уважение к человеку, который не захотел запятнать свою славу борца за свободу Эллады. Он не стал преследовать его семью (у Фемистокла было 10 детей) и оставил ей имущество отца.

Великий греческий историк Фукидид, живший несколькими десятилетиями позже, писал: «Фемистокл обладал исключительной способностью предвидеть события даже отдаленного будущего. За что бы он ни брался, у него всегда находились нужные слова, чтобы объяснить свои действия и убедить всех в своей правоте. Короче говоря, это был человек, которому его гений и быстрота мысли сразу подсказывали наилучший образ действий».

Перикл

(490–429 до Р. Х.)

Афинский стратег (главнокомандующий) в 444, 443–429 годы до Р. Х. (кроме 430), вождь демократической группировки. Законодательные меры Перикла способствовали расцвету афинской демократии. Стремился к усилению Делосского союза. Умер от чумы.



Великий государственный деятель Перикл родился около 490 года до Р. Х. Его отец Ксантипп, один из вождей рода Алкмеонидов, обладал богатством и влиянием. Своим положением Ксантипп во многом был обязан супруге Агаристе, внучке законодателя Клисфена.

До семи лет Перикл не покидал отчего дома.

Иногда отец приглашал его участвовать в пирах. Перикл внимал рассказам о подвигах предков. И знакомился с искусством, которым в совершенстве владел отец, – искусством

политической интриги. Вскоре он сделал еще одно открытие: победы достигаются не только в открытом бою. Благодаря дипломатическому искусству иногда можно добиться большего, чем оружием.

Не довольствуясь традиционным аттическим образованием, Перикл пополнял его в общении с художниками и философами. Среди них были Пифоклид, Дамон, Зенон. Но больше всего Перикл был обязан знакомству с философом Анаксагором.

Управление афинским государством стало его целью. И когда Перикл начал общественную деятельность и стал участвовать в государственных делах (около 464 года до Р. Х.), он посвящал своему призванию все свое время и все силы.

Во всех государственных делах он проявлял истинное бескорыстие и совестливость. Перикл редко выступал перед народным собранием. Только в особо важных случаях он выступал сам, причем всегда на стороне демократической партии, в то время утратившей свои позиции. Однако гений Перикла вдохнул в нее новую жизнь.

После изгнания Кимона руководимая им партия пришла к власти в Афинах (около 460 года до Р. Х.).

Перикл обязался беречь единство Делосского союза. Он призвал освободить моря от персидских кораблей и навсегда покончить с варварской угрозой.

Хотя непосредственно персы уже давно не угрожали Афинам, Перикл пришел на помощь ливийцу Инару, возглавившему восстание в Египте против персов. Афинянам и египтянам предстояло сражаться с отборными, численно превосходящими войсками Артаксеркса. И в 456 году до Р. Х. они потерпели поражение. Инар был взят в плен и распят, греки же, запертые на небольшом островке, после восьмимесячной осады сдались на милость победителей (весна 454 года до Р. Х.).

Перикл пришел к выводу, что Делосский морской союз, детище Аристида, изжил себя. Единственное спасение – полное подчинение союзников воле афинян. Не Делосский, а Афинский союз. Афинская держава – Архэ, полностью распоряжающаяся военными силами и средствами 200 государств!

Перикл решился на неординарный шаг – перенести союзную казну из Делоса в Афины. Для того чтобы смягчить недовольство союзников, он склонил на свою сторону самосцев, которые заявили, что для защиты казны необходим сильный флот и только в Афинах она будет в безопасности. Таким образом, союзный совет вынес определение согласно желанию Перикла.

Афины превратились в центр и столицу сильного морского государства.

Теперь было необходимо срочно решить вторую проблему – добиться единства греческого мира. Отношения со Спартой и Пелопоннесским союзом были чреваты войной. Вот уже 10 лет не прекращались военные столкновения в Элладе.

В 457 году до Р. Х. афиняне разгромили беотийцев при Энофитах и подчинили своему влиянию все города Беотии, кроме Фив.

На следующий год капитулировала Эгина. Ей пришлось дорого расплачиваться за свое упорство: она обязывалась передать военный флот, срыть стены и, став членом морского союза, уплачивать ежегодно 30 талантов – больше, чем кто-либо из остальных союзников.

Не давая спартанцам опомниться, Перикл немедленно организовал еще две экспедиции, чтобы убедить всех греков в возросшей мощи афинян. Под начальством Толмида он отправил флот к самой Лаконии. Разрушив спартанский арсенал, Толмид, правда, не сумел закрепиться на берегу и отплыл в Этолию, где покорил Халкиду и Навпакт.

В 454 году до Р. Х. сам Перикл во главе 100 триер двинулся из Пег в Мегариде вокруг Пелопоннеса. «Он опустошил не только большую часть побережья, но и проникал с гоплитами, находившимися во флоте, в глубь страны далеко от моря. Всех приводил он в страх своим нашествием и заставлял укрываться под защиту стен. Сикионцев он обратил в бегство

в открытом бою, энидцев запер в их городе, разорил их область и отплыл на родину, показав себя врагам – грозным, согражданам – осторожным и энергичным полководцем: действительно, с его отрядом не произошло ни одного даже случайного несчастья» (Плутарх).

Среди афинян и их союзников росла популярность Перикла как энергичного полководца и смелого воина, и мало кто видел в нем умного политика. В нем ценили смелость, а не проницательность, решительность, а не осторожность.

Сам же Перикл считал себя прежде всего политиком. По его настоянию народное собрание выделило средства на сооружение, равного которому не знал греческий мир. Нужно было слить воедино город и порт, а для этого соединить их коридором, надежно укрыться за стенами. В течение пяти лет афиняне возводили стены, протянувшиеся на 40 стадиев (около 7 километров). Афины теперь были защищены со всех сторон, кроме моря.

Перикл не желал конфликтовать со Спартой. По его предложению в 451 году до Р. Х. Кимон возвратился из изгнания и сразу же приступил к переговорам со Спартой. Без труда добился Кимон пятилетнего перемирия, ибо, по словам Плутарха, «спартанцы относились к Кимону настолько же дружелюбно, насколько были враждебны к Периклу и другим вождям народа».

Затем Кимон выступил против персов и одержал важную победу, завершившую 50-летний период Греко-персидских войн. Так называемый Каллиев мир, заключенный в 449 году до Р. Х., позднее нередко называли Кимоновым. В Сузах, столице державы Ахеменидов, союзное греческое посольство договорилось о том, что Персия сохраняет за собой Кипр, но отказывается от малоазийских владений и предоставляет греческим полисам полную независимость. Кроме того, персидскому флоту запрещалось появляться в Эгейском море в течение 50 лет.

Долгожданный мир, казалось, сулил спокойствие. Однако с уничтожением внешней угрозы исчезла последняя преграда для междоусобиц в Элладе. В сложных отношениях между Афинским и Пелопоннесским союзами переплетались экономические, политические и военные интересы. Конфликты начались, едва истек срок зыбкого пятилетнего перемирия между Афинами и Спартой.

Вызов бросили Фивы – единственная твердыня олигархов среди демократических беотийских городов. Под знамена фиванцев потянулись изгнанники-аристократы, мечтавшие о восстановлении прежних порядков. В 447 году до Р. Х. они захватили Херонею и Орхомен.

В афинском народном собрании звучали голоса немедленно расправиться с непокорными. Ссылались на то, что беотийцы, не получив поддержки Афин, выйдут из союза и станут добычей Спарты, которая, правда, открыто не вмешивается в события, но тайно готовит заговоры и мятежи.

Перикл выступил перед народом. Он предлагал не спешить, не раздувать конфликт в столь неподходящий момент.

Перикл предпочитал действовать наверняка. Он убеждал демос не ввязываться в сомнительные предприятия и испробовать другие средства, чтоб сохранить Беотию. Но стратег Толмид и тысяча добровольцев-гоплитов готовы были немедленно двинуться в поход, уверенные в легкой победе.

Народное собрание колебалось. Его не убедил и последний аргумент Перикла: «Ты не хочешь послушаться Перикла, Толмид? Пусть так! Но ты, по крайней мере, не ошибешься, если доверишься и подождешь самого умного советника – время».

Скоро это изречение стало крылатым, еще больше укрепив авторитет Перикла как разумного руководителя народа. Толмид же его оценил лишь перед своей гибелью. Его отряд был разгромлен, и афинянам пришлось покинуть Беотию. Повсюду олигархи возвращались к власти и заключали союз с Фивами.

Вслед за этим восстала Эвбея – остров, из которого, по словам Фукидида, афиняне «извлекали больше выгоды, чем из самой Аттики». Отпадение Эвбеи не только создавало непосредственную опасность для Афин, но грозило вызвать цепную реакцию: многие государства Афинского морского союза не скрывали того, что положение зависимых союзников их тяготит.

Перикл понял, что медлить нельзя. Он возглавил карательную экспедицию против Эвбеи. Едва он появился на острове, гонцы принесли еще более тревожное известие: подняли мятеж Мегары, уничтожившие афинский гарнизон, а спартанские войска под командованием царя Плистонакса подошли к границам Аттики.

Перикл спешно возвращается в Аттику. Едва появившись в Афинах, он узнает, что неприятель уже занял Элевсин. Перикл думает о спасении государства. Плистонакс еще молод, он во всем послушен Клеандриду, военачальнику, которого спартанское правительство назначило советником и помощником царя. А Клеандрид столь же опытен, сколь и корыстолюбив. Сумма в 10 талантов его вполне удовлетворяет. И Перикл без труда договаривается с ним втайне от всех. Пелопоннесские войска неожиданно уходят из Аттики. Когда они возвращаются на родину, возмущенные спартанцы приговаривают бежавшего Клеандрида к смертной казни, а на Плистонакса налагают огромный штраф, который он не в силах уплатить и потому вынужден покинуть Спарту.

Афины были спасены. Перикл получил полную свободу действий и снова покорил столь важную для Аттики Эвбею.

Триумфальное возвращение Перикла вселило новые надежды. В народном собрании опять раздались голоса, требовавшие покорения беотийских городов. Но теперь Перикл был непреклонен и категорически настаивал на прекращении военных действий. Всю жизнь он учился владеть собой и собственным настроением. На пороге 50-летия, достигнув вершины власти, он считал себя вправе усмирять страсти целого народа.

А демос был настроен воинственно.

Вождь демоса ставит на карту свою репутацию: он признает правоту соперников и настаивает на переговорах. Бесстрастно он опрокидывает один аргумент за другим и доказывает, что любая агрессия сейчас равносильна самоубийству.

Все знали, что знатные спартанцы охотно брали взятки, и Перикл, договариваясь с ними о мире, не жалел денег. В 445 году до Р. Х. державы заключают 30-летний мир. Спартанцы признают Афинский морской союз, а афиняне отказываются от всех владений в Пелопоннесе. Обе стороны обязуются не вмешиваться в дела друг друга.

Но Перикл не удовлетворился этим. В мыслях он видел Афины центром всей Эллады, объединителем и наставником всего греческого мира.

Двадцать послов разъехались по греческим городам. Вернулись они ни с чем. Спартанцы и их союзники уловили политический смысл плана Перикла, справедливо полагая, что Афины претендуют на роль не только политического, но и религиозного центра всей Эллады и хотят превратить свой морской союз в общегреческий.

Неудача не обескуражила Перикла.

Мир можно покорить не только оружием.

Перикл сделал Афины прекраснейшим городом Греции, украсив их великолепными зданиями и произведениями искусства.

В продолжение еще пятнадцати лет, до самой своей смерти, Перикл управлял афинским народом по своей воле, подобно монарху. Народное правление, по свидетельству историка Фукидида, было только видимым, на самом же деле было самовластие первого мужа в народе.

С союзниками, составлявшими главную часть аттической державы, Перикл поступал с благоразумной умеренностью, чтобы сохранить их в добром согласии с Афинами. Возло-

женная на них подать не была обременительной, но любые попытки проявить самостоятельность пресекались со всей строгостью.

Пришел час продемонстрировать не только силу, но и добрые намерения. Перикл во главе большой эскадры отправился в плавание к берегам Понта Евксинского.

Связи с черноморскими землями существовали издавна. Аттика питалась хлебом, доставлявшимся главным образом из стран Понта. Оттуда же привозили рыбу, лен, пеньку, смолу, шкуры, воск, строевой лес, мед, рабов, а из Афин отправляли предметы роскоши, масло, глиняную посуду. Перикл намеревался укрепить связи с далекими районами, оказать поддержку местным грекам-колонистам и показать всем, сколь велика мощь афинской державы.

Корабли торжественно двигались мимо островов Эгейского моря. Суда прошли Геллеспонт, и Перикл лишний раз убедился, насколько дальновиден он был, укрепляя опорные пункты на берегах пролива, отправляя сюда гарнизоны и поселяя клерухов. Владея проливами, Афины могли беспрепятственно торговать со странами Понта, не опасаясь конкуренции пелопоннесских городов. А сторожевые отряды вместе с афинскими колонистами и поселенцами в любой момент готовы были защитить демократические порядки в союзных полисах, если спартанцы возобновят свои враждебные происки.

Перикл искал новых союзников. Он хотел застраховать Афины от малейших случайностей.

Афинский флот подошел к Синопе. В этой старой цветущей колонии Милета давно уже правили тираны, которых поддерживали персы. С помощью афинян тиран был свергнут, управление перешло в руки городского совета, граждане стали избирать суд присяжных. Позднее Перикл предложил экклесии отправить в Синопу 600 клерухов, которые вместе с местными жителями поделили земли и дома, принадлежавшие тиранам.

Такой же демократический переворот Перикл произвел в Амисе, изгнав каппадокийского правителя. И сюда вскоре потянулись афинские клерухи, давшие городу другое название – Пирей.

Эскадра Перикла дошла до Кавказского побережья. Куда она двинулась дальше, исследователям установить не удалось. Возможно, она достигла и берегов Крыма. Во всяком случае, по странному совпадению, именно в 438–437 годах до Р. Х. в Боспорском царстве сменяются правители, и к власти приходит Спарток, основатель династии Спартокидов, с которыми у Афин устанавливаются самые дружественные отношения.

В том же году афиняне закрепляются на Фракийском побережье, в устье реки Стримона. На месте поселения, именовавшегося «Девять дорог» (здесь скрещивались пути, идущие от моря в глубь Фракии, от Геллеспонта к Македонии), возник город, получивший название Амфиполь.

В Афины Перикл возвратился удовлетворенным. Он был спокоен и уверен, что благосостоянию державы ничто не угрожает. Союзники покорны и не проявляют признаков недовольства, хотя ежегодные взносы значительно возросли.

Таким был золотой век Перикла.

В Афинах теперь мечтали о новых колониях и морских путях. Самые отчаянные предлагали снарядить экспедицию и отправиться в заморские края, чтобы обрести неслыханные богатства.

Перикл сдерживал страсти.

Заключив союзы с некоторыми городами Сицилии и Южной Италии, основав несколько поселений, Афины шаг за шагом теснили своих конкурентов на западном рынке. Перикл опасался усиления Спарты – и старался ослабить ее союзников.

Греческий мир раскололся надвое. Друг другу противостояли не Афины и Спарта, а два союза, две системы государств, связанных цепью сложных взаимоотношений. Любой

успех или неудача кого-нибудь из союзников меняли общее соотношение сил и вызывали реакцию в обоих лагерях. Никто не думал о войне, и никто не в силах был ее предотвратить.

В 434 году до Р. Х. Керкира и Коринф вступили в войну. Оба государства искали помощи у Афин. Керкира просила принять ее в Афинский союз. В то же время Коринф входил в Пелопонесский союз, с которым Афины заключили мирный договор.

Перикл долго размышлял, прежде чем дать ответ. Он не любил крайних решений. На следующий день он предложил заключить с Керкирой сугубо оборонительный союз. Афины обязывались помогать острову только в случае прямого нападения на него.

Помощь была оказана немедленно: из Пирея выступила в поход афинская эскадра из… 10 кораблей. Военачальники получили приказ не вступать в битву, если противник не высадится на территории Керкиры или ее владений. Перикл рассчитывал, что удовлетворит обе стороны; Керкира получит пусть символическую, но все же поддержку, Коринф же убедится в том, что Афины отнюдь не склонны нарушать договора и обострять отношения.

В 433 году до Р. Х. у Сиботских островов, неподалеку от Керкиры, произошло морское сражение, которое Фукидид назвал «величайшим из всех, когда-либо происходивших между эллинами». 150 кораблям пелопоннесцев противостояли 110 судов керкирян и 10 афинских триер. Схватка длилась почти целый день и прекратилась, когда на горизонте показались еще 20 кораблей, посланных Периклом.

В этой битве не было ни побежденных, ни победителей. Равновесие сил почти не нарушилось, но мир – тот самый 30-летний мир, который обязались сохранять Афины и Спарта, – повис на волоске. Коринф обвинил Афины в нарушении договора.

Спарта готовилась к войне. В Афины зачастили спартанские посольства. Третье посольство обратилось к афинянам с кратким предложением: «Лакедемоняне желают мира, и он будет прочно сохраняться, если Афины дадут эллинам независимость» – требование, исполнение которого уничтожило бы всю силу Афин, и если в нем было бы отказано, то спартанцы, начиная войну, представлялись бы борцами за эллинскую свободу. Требование это настраивало против Афин их союзников.

Народное собрание демонстративно выразило доверие Периклу. Демос благодарил его за заботу о безопасности государства и призывал отвергнуть притязания спартанцев и начать энергичные действия против них.

Стремился ли Перикл к этой войне? Вряд ли. Но он ясно видел, что ее не избежать, и потому обязан был готовиться к ней и внушать демосу надежду на успех. Механизм, приведенный в движение с его участием, вышел из-под контроля отдельных людей, и он бессилен был остановить, повернуть развитие событий в другую сторону.

Пелопоннесская война, в которой афиняне и спартанцы боролись за власть в Греции, началась в 431 году до Р. Х. и с незначительными перерывами продолжалась до 404 года до Р. Х.

Военные действия велись с переменным успехом, когда Афины поразила эпидемия чумы, от которой умерли многие знатные граждане.

После относительно неудачного похода суд присяжных отстранил Перикла от должности полководца и наложил на него штраф.

Перикл вернулся к частной жизни. В своем доме он принимал наиболее близких друзей. Рядом с ним была его жена Аспазия. Когда Перикл с ней познакомился, она была гетерой. Пленившись ее умом и манерами, он развелся с женой и вступил в новый брак. И, надо сказать, это супружество оказалось счастливым. Пока не пришла чума. Умерли сыновья Перикла, его любимая сестра. Но все эти несчастья не сломили великого афинянина.

Новые полководцы и ораторы показали свою несостоятельность, и народ призвал к власти Перикла. Афиняне попросили у него прощения, признали осуждение его несправедливым и передали ему достоинство стратега с более широкими полномочиями.

Но недолго стоял Перикл у власти. И его поразила чума. Перикл умер в 429 году до Р. Х. Ход последующих событий заставил афинян пожалеть об этой невосполнимой утрате. Ораторы и вожди народа признали, что не бывало характера более умеренного при высоком чувстве своего достоинства и более величественного при редкой доброте сердца.

Филипп II

(ок. 382–336 до Р. Х.)

Царь Македонии с 359 года до Р. Х. Отец Александра Македонского. Завершил объединение Македонии (359). Завоевал Фессалию, часть Иллирии, Эпир, Фракию и др. (359–336 до Р. Х.). К 338 году до Р. Х. (после битвы при Херонее) установил гегемонию над Грецией.

Филипп родился в семье царя Аминты III и Эвридики. Он происходил из рода Аргеадов. О детстве и юности будущего царя сведений сохранилось немного. Известно, что он находился в качестве заложника у иллирийцев, потом у фиванцев. Там он познакомился с Элладой столь основательно, как никто из македонян. Вероятно, Филипп возвратился на родину, когда у власти был его брат Пердикка III, который поставил его управлять частью Македонии.

В 359 году до Р. Х. царь Пердикка погиб в бою со вторгшимися иллирийцами; затем начали грабить Македонию и пеонийцы. Македоняне находились в растерянности: наследнику престола Аминге было всего шесть лет, а два соискателя трона, Павсаний и Аргей, проникли в страну, поддерживаемые один фракийским, другой – афинским войском. В этой непростой ситуации 23-летний Филипп выступил в качестве опекуна и защитника своего малолетнего племянника.

Филиппу удалось вытеснить из Македонии обоих претендентов; он успокоил подарками и обещаниями ионийцев и фракийцев; афинян же он привлек на свою сторону объявлением города Амфиполя свободным. Воспользовавшись передышкой, Филипп собрал войско из 10 000 пехотинцев и 600 всадников, и разбил армию иллирийцев. Таким образом, Филипп в течение года снова утвердил македонский престол, на который по воле народа сам вскоре взошел.

В течение нескольких лет ему удалось расширить владения Македонского государства. Македония сделалась великой балканской державой, простершейся от Ионийского моря до Понта. Доходы от фракийских золотых рудников позволяли Филиппу содержать самую большую и боеспособную армию, когда-либо существовавшую в Европе.

Аргеады давно мечтали выйти из-под опеки греческих городов и сделаться хозяевами этой части побережья. Филипп превзошел самые смелые замыслы своих предшественников.

Считая себя Гераклидом, то есть эллином, царь полагал, что ему предстоит еще более великая миссия в Элладе. Его государство располагало достаточным числом подданных, доходами и другими средствами. Он не нуждался в экономической эксплуатации эллинских городов. Македонское государство было достаточно богато. Для полного блеска в короне Филиппа недоставало лишь одного «драгоценного камня» – благородной и благотворной красоты греческой культуры.

Установление македонской гегемонии в Греции совершалось военным и дипломатическим путем. Филипп пускал в ход все имевшиеся в его распоряжении средства – подкуп, дипломатические послания («письма Филиппа»), материальную и моральную поддержку греческих «друзей Македонии», союзы с соседними варварскими князьями, дружбу с персидским царем, организацию восстаний во враждебных ему государствах. Особенно большое значение Филипп придавал подкупу, утверждая, что нагруженный золотом осел возьмет любую крепость. Оплачивалось не только политическое красноречие, но и политическое молчание.

Филипп II всеми средствами препятствовал образованию антимакедонских союзов. Начав с натравливания друг на друга греческих городов, расположенных на берегах Халкидского полуострова и Фракии, Филипп затем поочередно овладел Пидной, Олинфом. Вмешавшись под предлогом защиты Дельфийского храма в «священную войну», которую спровоцировали фиванцы с целью нападения на жителей Фокиды, македонский царь подчинил Фессалию. Благодаря перевесу в военной силе он покорил их всех, причем Афины даже не успели начать войну. Остальные города, особенно важный для него Амфиполь, он включил в состав своего государства в качестве подвластной территории. Часть жителей этих полисов была переселена во внутренние области Балканского полуострова, во вновь основанные поселения. К 350 году до Р. Х. все побережье оказалось в руках Македонии.

Считая выгодным для себя получить некоторую передышку, Филипп II начал с Афинами переговоры о мире, требуя признания всех его завоеваний. Афиняне дали предварительное согласие и отправили в Македонию посольство, во главе которого стоял брат руководителя сторонников Македонии Эсхина – Филократ. Однако когда афинское посольство прибыло в столицу Македонии Пеллу, Филипп отправился на фракийский берег и, захватив ряд греческих городов и побережье Херсонеса Фракийского, потребовал, чтобы афиняне признали и эти завоевания, с чем Филократ и его спутники согласились.

В 346 году до Р. Х. между Македонией и Афинами и их союзниками был подписан Филократов мир, признававший за македонским царем все завоевания.

Тем временем в афинском народном собрании шли дебаты между сторонниками и противниками македонской гегемонии. В центре спора был Филократов мир. Демосфен и другие демократические вожди считали этот мир губительным для Афин. Они требовали предания суду Эсхина и Филократа, которые подписали договор. По вопросу о Филократовом мире Демосфен произнес целый ряд речей («О мире», «Об острове Галоннесе», «Филиппики»).

Приверженцы Македонии, как и сам Филипп, также не оставались в долгу. В дошедших до нас речах Эсхина и письмах Филиппа II содержатся целые обвинительные акты против Демосфена и его друзей. Их обвиняли в клевете, демагогии и продажности.

У Филиппа II, который принимал в развернувшейся борьбе личное участие, были искусные секретари, да и сам македонский царь в совершенстве владел письменной и устной греческой речью. Об этом можно судить по нескольким сохранившимся открытым письмам царя, с которыми он обращался к афинскому народу.

Филиппу удалось достигнуть поразительных результатов. Еще в 346 году до Р. Х. он был избран членом Дельфийско-Фермопильской амфиктионии и стал арбитром в спорах между греческими народами. Это дало царю возможность представить борьбу с его противниками в Греции как «священную войну», которую он ведет по поручению амфиктионов.

И все же Демосфену удалось не только посеять недоверие к Филиппу, но и создать сильный антимакедонский блок, разрушить который мирным путем было невозможно. Оставался лишь один путь – война. В августе 338 года до Р. Х. при Херонее в Беотии состоялось грандиозное сражение между войсками Филиппа и Греческой союзной лигой, созданной Демосфеном. В результате союзная лига была разбита.

Греческие города по предложению Филиппа заключили между собой вечный мир. Этот мир давал каждому из них автономию, исключал любую войну между полисами в будущем и гарантировал от насильственных политических переворотов, независимо от того, будет власть демократической или олигархической. Для соблюдения договора был создан совет – синедрион, созывавшийся в Коринфе регулярно, а также, если возникала необходимость, и на внеочередные заседания. В синедрион входили представители городов-государств и областей. Синедрион имел право судить нарушителей мирного договора и обсуждать все панэллинские дела. Для проведения в жизнь военных решений, принятых синедрионом, участники его заключили симмахию (нечто вроде военного соглашения) и избрали «навечно» гегемоном македонского царя, который стал главнокомандующим объединенными союзными контингентами. Он имел право собирать и в каждом случае определять размеры ополчения, а также вносить различные проекты и назначать внеочередные заседания синедриона.

В действительности союз и синедрион были беспомощны, не имея исполнительной власти. Эта власть навечно принадлежала македонскому царю. Правда, он ничего не предпринимал без решения синедриона, но и тот без Филиппа тоже ничего не мог сделать. Но Филипп всегда мог рассчитывать в синедрионе на большинство, поддерживающее его планы, так как множество мелких государств и горных племен находилось в зависимости от Македонии. Теперь против воли царя в Элладе уже не могли начаться какие-либо военные действия или произойти мятежи и перевороты.

Македония благодаря личной унии стала наконец частью греческого мира, не утратив при этом своей самобытности; перед Элладой же надо было поставить новые заманчивые задачи. Чтобы как можно скорее укрепить гегемонию и всех привлечь на свою сторону, Филипп решил поставить перед Коринфским союзом цель: начать войну во имя отмщения за обиды, нанесенные грекам их старинными кровными врагами – персами.

Причиной войны не следует считать военный конфликт Македонии с Персией. Успеху похода должны были способствовать религиозные мотивы: возмездие за разрушение святилищ богов, совершенное персами в 480 году до Р. Х. Это подходило Филиппу, разыгрывавшему роль блюстителя священных прав, которую он исполнял еще в Фокидскую войну. Македоняне поклонялись тем же богам, что и греки, и, таким образом, повод для войны даже сближал два народа. В этом заключалась психологическая тонкость мотивировки похода, предложенной Филиппом.

Как и следовало ожидать, Коринфский союз согласился с Филиппом и вынес решение об объявлении войны. Более того, он назначил гегемона Филиппа стратегом-автократором этого похода, то есть его наделили полномочиями, далеко выходящими за рамки чисто военного руководства, и предоставили свободу судебных и внешнеполитических решений, которые в иных обстоятельствах находились в ведении синедриона.

В 337 году до Р. Х. была объявлена война. Год спустя Парменион начал наступление. Но сам Филипп не успел отправиться в поход во главе объединенного войска эллинов и македонян: его поразил кинжал мстителя. Что же произошло?

По своей природе Филипп был склонен к полигамии. Злые языки говорили, что все его свадьбы были связаны с очередными войнами. Историк Сатир, античный Лепорелло, насчитывает семь жен Филиппа, однако не все браки последнего считались одинаково законными.

На третьем году правления Филипп заключил свой четвертый брак, имевший огромные последствия как для Македонии, так и для всего мира. Филипп женился на дочери эпирского царя, к тому времени осиротевшей.

В середине 340-х годов до Р. Х. власть в Молоссии оказалась в руках ставленника Македонии Александра, брата его жены Олимпиады. Чтобы привязать царство молоссов к Македонии политически, Филипп в 342 году до Р. Х. передал под власть Александра греческие полисы, расположенные на эпирском побережье Адриатики, что было, очевидно, формальной компенсацией за отторжение от Молоссии Орестиды, Тимфеи и Паравеи. Такой акт нехарактерен для политики Филиппа, принципиально отрицавшего идею компенсаций. Однако решение македонского царя представляется обоснованным. Передав молоссам города Элатрию и Пандосию, Филипп сохранил тем не менее контроль над важнейшим центром региона – Амбракией, а вместе с ней – и над эпирским побережьем.

Филипп и Олимпиада прожили несколько счастливых лет, но самым счастливым был год рождения наследника – 356 год до Р. Х. В честь Александра Филэллина, жившего во время персидского нашествия, наследник получил имя Александр. Вскоре родилась его сестра (354 год до Р. Х.), которую назвали Клеопатрой.

Но чем старше становилась царица, тем откровеннее проявлялись в ней черты властолюбия и мстительности.

Филипп отстранился от жены.

Оставленная супругом Олимпиада вместе с сыном бежала к своему брату Александру и нашла там убежище, что, несомненно, было актом крайне недружественным по отношению к Филиппу и, во всяком случае, свидетельством независимости проводимой молосским двором политики. При дворе брата Олимпиада настаивала на объявлении войны Македонии; любопытно, что и сам Александр не исключал возможности войны и был к ней готов. Учитывая влияние и мощь Македонии в то время, следует признать, что решиться на открытый конфликт с нею можно было лишь при наличии реальных оснований для надежды на успех.

Показательно поведение Филиппа II в создавшейся ситуации. Война с молоссами в этот момент была равносильна срыву азиатского похода – войскам, уже переправленным в Азию, требовались подкрепления. Война эта угрожала и изменением позиции Греции, подчиненной Филиппом. Для сторонников демократии она означала бы, что в масштабах региона есть силы, способные оспорить власть Македонии; естественным результатом могло

стать оживление антимакедонской активности. Таким образом, война с молоссами отсрочила бы поход в Персию и подорвала бы доверие олигархов к Филиппу. Трезво оценив обстановку, македонянин предложил Александру руку своей дочери; брак этот должен был стать гарантией желания Филиппа заключить мир и союз с молосским царем.

Летом 336 года до Р. Х. в старинном престольном городе Эги проходила свадьба сестры Александра с эпирским царем. Великолепие праздника должно было продемонстрировать всем балканским подданным, македонянам и эллинам восстановление семейного мира, блеск династии и могущество государства.

Сопровождаемый двумя Александрами, зятем и сыном, царь проследовал ко входу в театр. Спустя несколько секунд царь упал, пораженный кинжалом охранника Павсания. Убийца, бросив оружие, попытался спастись бегством. Устремившиеся в погоню телохранители царя взять Павсания живым не сумели.

Гибель Филиппа II и поныне остается волнующей загадкой древности. По официальной версии, убийца хотел отомстить Атталу, надменному опекуну новой царицы, за то, что тот надругался над ним, будучи гомосексуалистом. Филиппа же он убил потому, что тот отказался дать ход судебному преследованию Аттала. Одновременно официальная версия содержала пункт о причастности к убийству рода Линкестидов, династов из Верхней Македонии, покоренной Филиппом.

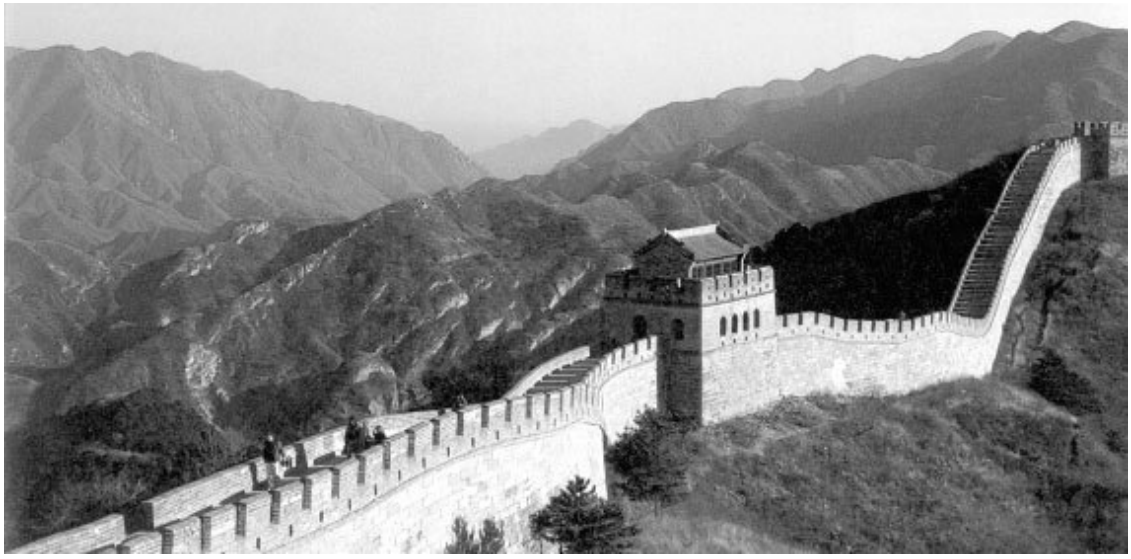
Однако очень скоро версия об убийце-одиночке перестала удовлетворять современников. Признавая личные мотивы Павсания и не отрицая возможную причастность к убийству Линкестидов, Плутарх и Юстин называют в числе соучастников жену Филиппа Олимпиаду и сына Александра.

Арриан и Курций предполагали, что убийство Филиппа явилось результатом широкого заговора, инспирированного внешними силами, заинтересованными в гибели македонского царя, в первую очередь – Персией. Существуют и другие версии, в частности, что организатором был молосский царь Александр.

Чжан Цянь

(? – ок. 103 до Р. Х.)

Китайский дипломат. Прошел из Китая в Среднюю Азию дорогой, получившей в Европе название Великого шелкового пути. Руководил дипломатической миссией в Усунь (ок. 116 до Р. Х.).



Чжан Цянь жил в эпоху роста и укрепления Китайского государства, которое снова объединилось после многолетних усобиц. В стране воцарился мир, быстро развивались земледелие и ремесла, наука и искусство.

О деятельности Чжан Цяня до 138 года до Р. Х. известно мало. Он был уроженцем области Ханьчжун (юг нынешней провинции Шаньси). В 140 или 139 годах до Р. Х. получил титул «лан» – занимал эту высокую караульно-комендантскую должность. Он часто бывал за границей, где пользовался доверием и заслужил, как пишет древний историк Сыма Цянь, «любовь южных и восточных иноземцев». По-видимому, Чжан Цянь до 138 года до Р. Х. состоял на дипломатической службе, выполняя какие-то поручения в южных областях и где-то на востоке, и успел зарекомендовать себя с лучшей стороны.

Китайские императоры с презрением относились к другим народам и всех некитайцев считали варварами. Чжан Цянь был сыном своего века, слугой императора, но он умел уважать чужие обычаи и приобретать друзей вдали от родины. Это во многом предопределило успех его миссии.

Чжан Цяня сопровождали сто человек. Правой его рукой был искусный охотник Ганьфу, по происхождению гунн, меткий стрелок из лука.

В 138 году до Р. Х. посольство отбыло на запад из Лунси, пограничного поста к северу от современного города Ланьчжоу. Вскоре после того как посольство вступило во владения гуннов, Чжан Цянь со своими спутниками был схвачен и доставлен к гуннскому правителю, который не причинил путешественнику вреда и даже уговаривал перейти к нему на службу. Однако он не отпустил Чжан Цяня ни к юэчжам, ни назад в Китай, а держал при себе.

Десять лет Чжан Цянь пробыл в плену. Все это время он как святыню хранил посольский бунчук – короткое древко с привязанным конским хвостом как знак власти или служебного положения. Лишь в 128 году до Р. Х. послу удалось бежать на запад. Через высокие перевалы Центрального Тянь-Шаня он вышел к южному берегу озера Жехай («Незамерзающее озеро», Иссык-Куль), к ставке усуньского племенного вождя.

Чжан Цянь направился в завоеванное юэчжами царство, которое он называет Дася. Но царь и не думал о мести гуннам и отвергал даже мысль о союзе с Китаем. Чжан Цянь прожил в Дася год, а в 127 году до Р. Х. отправился на родину.

Но по дороге гунны снова схватили Чжан Цяня. Во втором плену посол пробыл около года. Среди гуннской знати начались раздоры, и правитель был убит. Воспользовавшись смутой, Чжан Цянь со своей женой-гуннкой и охотником Ганьфу бежал в Китай. На этот раз он оказался в еще более опасном положении, чем после первого побега. Тогда он находился близ границы гуннских владений, за которой мог чувствовать себя в сравнительной безопасности. Теперь же оказался в глубине территории гуннов.

В Китай Чжан Цянь вернулся вместе с Ганьфу. Очевидно, все китайцы, входившие в состав посольства, и жена Чжан Цяня погибли. Посол остался жив и смог довести до конца миссию только благодаря своему единственному уцелевшему спутнику – охотнику Ганьфу, который, по выражению китайского историка Сыма Цяня, «в крайности бил птиц и зверей и доставлял пищу».

Чжан Цянь совершил подлинно сверхчеловеческий подвиг, он прошел более 14 тысяч километров.

Все эти годы Чжан Цянь ни на минуту не забывал своей цели и, проявив чудеса мужества, настойчивости и энергии, дошел до ставки вождя юэчжей, выполнил свою миссию и возвратился с подробным отчетом в Китай.

По возвращении на родину Чжан Цянь составил отчет о своем путешествии. Он дошел до нас только в изложении Сыма Цяня. Большое значение имели его данные об Индии. До него эта страна вообще не упоминалась в китайской литературе.

В столице Бактрии Чжан Цянь встречал купцов из страны Шеньду – Индии. Он осмотрел их товары и, к своему величайшему удивлению, обнаружил у индийских торговых гостей бамбуковые изделия из Южного Китая. И Чжан Цянь высказал гениальную догадку: эти изделия через руки неведомых посредников поступают из Китая в Шеньду – южным путем. Следовательно, была еще другая дорога из Китая на запад.

Чжан Цянь правильно наметил трассу из Китая в Индию через Бирму и Ассам, через моря Юго-Восточной Азии. Через несколько веков эти маршруты действительно стали важнейшими путями, связывающими Китай с долиной Ганга.

По этому маршруту на рубеже II и I веков до Р. Х. прошла южная ветвь торгового пути мирового значения – Великого шелкового пути из Восточного Китая в страны Средней и Западной Азии.

В 123–119 годах до Р. Х. Чжан Цянь участвовал в успешных походах против гуннов: китайские войска разгромили неприятеля и прогнали их за ангайские горы, в Северную Монголию. С той поры гунны уже не могли грозить Китаю опустошительными вторжениями.

Чжан Цянь предлагал пробиться на запад в направлении, которого он придерживался в своем путешествии, оттеснить гуннов к северу и цянов к югу и установить прямой и непосредственный контакт с Даванем, Юэчжи и Дася, странами богатыми и сходными по своему укладу со Срединной империей.

Он надеялся склонить эти страны в подданство к Китаю и таким образом «распространить китайские владения на 10 000 ли; тогда с переводчиками девяти языков легко узнать обыкновения, отличные от китайских, и распространить влияние Китая до четырех морей».

В 125 году до Р. Х. выдвигается фигура замечательного полководца Ли Гуанли, с именем которого теснейшим образом связано осуществление «плана десяти тысяч ли» Чжан Цяня. В качестве начальника крупного воинского отряда Чжан Цянь был назначен в штаб Ли Гуанли.

В 122 году до Р. Х. был предпринят поход в земли гуннов. Эта кампания была, однако, неудачной и едва не стоила жизни Чжан Цяню. Гунны окружили армию Ли Гуанли и истребили большую часть китайского войска. «Чжан Цянь замедлил прийти в назначенное время и был приговорен к отсечению головы, но избавился от смерти с потерею чинов и достоинства».

Но уже в 121 и 120 годах до Р. Х. китайцы одержали над гуннами ряд побед и очистили от них наньшанский коридор.

В 119 году до Р. Х. китайцы разгромили войско гуннов «на северной стороне песчаной степи», то есть к северу от Алашаня, и прогнали гуннов за Хангайские горы.

К этому времени, видимо, опальный Чжан Цянь снова получил доступ ко двору.

Чжан Цянь в беседах с императором предложил проект овладения Усунью. «“Если, – говорил он, – в настоящее время богатыми подарками склонить гуньмо [титул властителя усуней] переселиться на восток, на бывшие земли Хуньше-князя [то есть в район между Великой стеной и Лобнором], и вступить в брачное родство с Домом Шань, то можно надеяться на успех в этом; а если успеем, то тем самым отсечем правую руку у хуннов. Когда же присоединим к себе Усунь, то в состоянии будем склонить в наше подданство Дахя [Дася] и другие владения на западе”. Сын Неба поверил сему, дал ему должность хуннского пристава, 300 ратников с двумя лошадьми при каждом и до 10 000 голов быков и баранов… и подчинил ему множество помощников с бунчуками – для отправления их посланниками в разные владения, лежащие по сторонам проезжаемой дороги».

Так началась вторая миссия Чжан-Цяня в западные страны. На этот раз он отправлялся на запад через земли, очищенные от гуннов, по знакомому пути с большим отрядом; при этом повсюду, вплоть до Лобнора, были китайские военные посты, где путники могли найти приют, воду, пищу, фураж для лошадей и десятитысячного стада быков и баранов.

Поход этот состоялся между 118 и 115 годами до Р. Х. (скорее всего, в 116 году до Р. Х.).

Миссию в Усунь Чжай Цянь выполнил блестяще. Из ставки гуньмо Чжан Цянь отправил своих помощников с посланниками в Давань, Канцзюй, к большим юэчжи, в Дася, Аньси, Шэньду, Юйтянь и другие страны запада.

В 114 или в 113 годах до Р. Х. «по прошествии года» китайские послы возвратились, и с ними прибыли в Усунь (который, таким образом, Чжань Цянь сделал опорной базой Китая в странах запада) посольства из многих государств. Чжан Цянь с отрядом усуньских «вожаков и толмачей» с почетом возвратился в Китай.

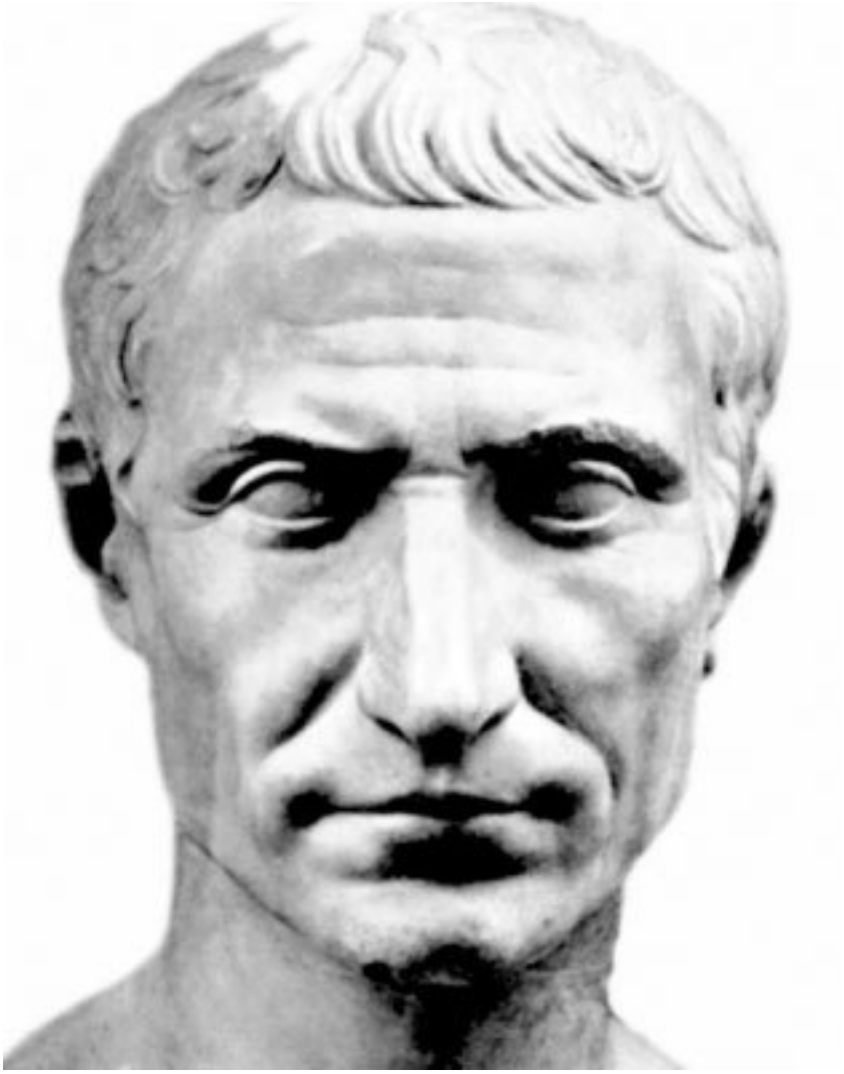
Значение усуньской миссии Чжан Цяня было огромно, и Сыма Цянь, заканчивая рассказ о втором походе Чжан Цяня на запад, отмечает, что в результате этого похода «Китай открыл сообщения с государствами, лежащими от него на северо-запад». Речь идет здесь не только об Усуне, но и о смежных областях, быть может, вплоть до Иртыша и Аральского моря. Кроме того, открыт был путь от Кашгара, через перевалы Тянь-Шаня в Семиречье и собраны новые сведения о Согдиане, Бактрии, Парфии и стране Шэньду.

Переход через Центральную Азию от Тянь-Шаня к границам Китая был последним путешествием Чжан Цяня. Вероятно, в 103 году до Р. Х. он умер. А спустя десять лет границы Китая расширились до Усуня и Даваня, и на землях, открытых для Китая Чжан Цянем, было основано четырнадцать новых провинций.

Цезарь Гай Юлий

(100—44 до Р. Х.)

Римский диктатор (в 49, 48–46, 45 гг. до Р. Х., с 44 года до Р. Х. – пожизненно). Начал политическую деятельность как сторонник демократической группировки. Добиваясь консулата, вступил в союз с Помпеем и Крассом. Консул в 59 году до Р. Х., затем наместник Галлии. Подчинил Риму всю альпийскую Галлию (59–51). В 49–45 гг. до Р. Х. оказался во главе государства. Убит в результате заговора республиканцев.



Он родился в 100 году до Р. Х. в двенадцатый день месяца квинтилия, который впоследствии в его честь был переименован в июль. Цезарь происходил из патрицианского рода Юлиев, древнего и знатного, но бедного.

Юлий Цезарь получил прекрасное образование, которое в те времена заключалось в изучении греческого языка, литературы, философии, истории и в овладении ораторским искусством, и быстро достиг выдающихся успехов в красноречии.

Цезарь был смелым и находчивым человеком; он умел оставаться хозяином положения даже в очень сложных ситуациях.

Как человек умный и хорошо владеющий собой, Цезарь не был бессмысленно жестоким. Своих врагов он охотнее прощал, чем убивал. По свидетельству римского историка Аммиана Марцеллина, Цезарь не раз говаривал, что «воспоминание о жестокости – это плохая подпора в старости».

Непомерное властолюбие было главной движущей силой всей его жизни, а девизом – слова из знаменитой в Древнем мире трагедии Еврипида «Финикиянки», которые постоянно были у него на устах: «Если уж право нарушить, то ради господства, а в остальном надлежит соблюдать справедливость».

Цезарь считал, что сможет ниспровергнуть аристократический республиканский строй, опираясь на широкие массы плебеев. Чтобы ублажить плебс, он не жалел расходов и погружался в долги. К тому времени, когда Цезарь достиг первой государственной должности, у него было долгов на тысячу триста талантов.

Когда в Риме скончался великий понтифик, который официально считался верховным жрецом государства, Цезарь пожелал занять этот пост и выставил свою кандидатуру на выборах, хотя у него было два сильных соперника, и одержал победу.

Цезарь неуклонно шел вверх. В 67 году до Р. Х. он получил должность претора (лицо с высшей судебной властью по гражданским делам). По истечении годичного срока на этой должности он получил в управление Испанию.

На пути к высшей власти у него имелись серьезные соперники: враждовавшие между собой фантастически богатый Красс и знаменитый полководец Помпей, фактически хозяин Рима.

В 60 году до Р. Х. Цезарь сделал неожиданный и очень ловкий дипломатический шаг, который имел чрезвычайно значительные последствия. «Ему удалось примирить Помпея и Красса, двух людей, пользовавшихся наибольшим влиянием в Риме. Тем, что Цезарь взамен прежней вражды соединил их дружбой, он поставил могущество обоих на службу себе самому и под прикрытием этого человеколюбивого поступка произвел незаметно для всех настоящий государственный переворот. Ибо причиной последовавших гражданских войн была не вражда Цезаря и Помпея, как думает большинство, но в большей степени их дружба, когда они сначала соединились для уничтожения власти аристократии, а затем поднялись друг против друга» (Плутарх). Так три самых могущественных человека в Риме заключили между собой тайный союз, триумвират (союз трех мужей), с целью ниспровержения власти аристократии и установления своей власти.

Чтобы упрочить этот тайный союз, Цезарь выдал замуж свою единственную дочь Юлию за Гнея Помпея; хотя Помпею тогда было 46 лет, а Юлии только 23 года, брак их оказался счастливым. Сам Цезарь из деловых соображений немного позднее женился на Кальпурнии, дочери видного политического деятеля Пизона.

В результате с помощью Помпея и Красса Цезарь был избран консулом на 59 год до Р. Х. и дал сенату основательно почувствовать, кто теперь стал подлинным хозяином Рима. В 58 году до Р. Х. в нарушение установленных правил Цезарь получил в управление провинцию Галлию (юг современной Франции и север Италии) сроком не на один год, а на пять лет.

В Галлии Цезарь проявил качества не только великого полководца, но и гениального дипломата. Причем примеры дипломатических удач Цезаря выглядят и бесспорнее, и убедительнее.

Галлия в то время переживала глубокий внутренний кризис. К древней вражде племен присоединились еще социальные противоречия между различными группами галльского населения. Цезарь в высшей степени искусно использовал все эти противоречия в интересах Римского государства.

С помощью «римских друзей» ему удалось организовать общегалльскую конференцию. То был своего рода дипломатический конгресс представителей всех галльских племен. Цезарь добился того, что конференция провозгласила его вождем и защитником общегалльских интересов. Этот чисто дипломатический ход облегчил Цезарю задачу покорения Галлии. К нему, как к третейскому судье и защитнику галлов, начали обращаться галльские племенные князья со своими нуждами, жалобами и взаимными доносами. Это позволяло Цезарю иметь полную информацию о внутренних делах Галлии, давало возможность вмешиваться в междуплеменные распри и весьма удачно осуществлять свои дипломатические и военные мероприятия.

Не будет преувеличением сказать, что фактически военные действия в Галлии почти все время протекали на фоне дипломатических усилий Цезаря по разобщению галльских племен и даже натравливанию друг на друга отдельных группировок внутри какого-либо одного племени (эдуев).

Среди богатого и разнообразного арсенала политических и дипломатических приемов, которыми пользовался Цезарь, постепенно выделился один лозунг – это лозунг милосердия, то есть мягкое и справедливое отношение к противнику, особенно побежденному. Правда, он приобрел решающее значение только в эпоху гражданской войны, но появился именно во время пребывания Цезаря в Галлии.

К середине 50-х годов до Р. Х. триумвират Помпея, Цезаря и Красса стал непрочным. Помпей и Красс враждовали друг с другом. К тому же они завидовали успехам Цезаря в Галлии и опасались усиления его политического влияния.

Цезарь предпринял меры, чтобы укрепить триумвират. Он нуждался в продлении своего наместничества в Галлии, а без помощи Помпея добиться этого было невозможно.

В апреле 56 года до Р. Х. по инициативе Цезаря состоялось знаменитое свидание триумвиров в Луке. Ему снова удалось примирить Красса и Помпея. Для того чтобы не допустить избрания консулом на 55 год до Р. Х. ставленника олигархической сенатской группировки Луция Домиция Агенобарба, непримиримого врага Цезаря, было решено, что Помпей и Красс выдвинут свои кандидатуры. Намерение это следовало держать в тайне, выборы оттягивать всеми возможными средствами до зимы, ибо к этому времени кандидатуры могли быть поддержаны в народном собрании солдатами Цезаря, уходящими на зиму в отпуск. Со своей стороны Красс и Помпей обязались продлить Цезарю управление Галлией еще на пять лет.

В январе 55 года до Р. Х. в Риме состоялись консульские выборы. Группировка Катона пыталась провести своего кандидата – Луция Домиция Агенобарба. Но исход выборов решили приведенные на Марсовое поле солдаты Цезаря, явившиеся чуть ли не в строю под командованием Красса-младшего. В результате вооруженного столкновения Домицию пришлось спасаться бегством, Катон был ранен в руку. В ближайшие же недели был принят закон, распределяющий провинции между новыми консулами, а затем они продлили полномочия Цезаря.

Казалось, все члены триумвирата полностью удовлетворены: позиции Цезаря стабилизировались и даже укрепились; Помпей рассчитывал своим новым консульством восстановить свое прежнее положение первого лица не только в сенате, но и в государстве; и наконец, Красс мог реализовать свои давнишние мечты о провинции, которая дала бы ему возможность освежить уже порядком увядшие лавры победоносного полководца. Проведенные в

жизнь с целью укрепления «союза трех» лукские решения поначалу действительно укрепили этот союз, но в дальнейшем они же и привели к его распаду.

Кампания 55 года до Р. Х. в Галлии началась, как об этом сообщает сам Цезарь, раньше, чем было намечено. Дело в том, что на левый берег Рейна переправились многочисленные германские племена узипетов и тенктеров. До Цезаря начали доходить слухи о том, что некоторые галльские племена вступают в переговоры с германцами. Тогда Цезарь созвал галльских вождей и правителей и, объявив им о своем намерении выступить против германцев, обязал присутствующих поставить в его войска определенный контингент конницы.

Спешно закончив приготовления, Цезарь двинулся по направлению к занятым германцами районам. Узипеты и тенктеры выслали навстречу римлянину своих послов, которые предложили мир и дружбу и попросили, чтобы Цезарь разрешил им поселиться на уже фактически занятой ими территории или указал иные места для поселения. Ответ Цезаря был таков: не может быть и речи о дружеских отношениях, если германцы намерены остаться в Галлии, ибо здесь нет свободной территории, но так как убии, живущие на правом берегу Рейна, просили у римлян помощи и защиты от свевов, то он, Цезарь, может дать убиям распоряжение в обмен на эту защиту принять на свою территорию узипетов и тенктеров.

Послы заявили, что им необходим трехдневный срок для ответа, и просили римлянина приостановить на это время продвижение его армии. Цезарь же, находя эту просьбу лишь уловкой, рассчитанной на то, чтобы германцы могли дождаться возвращения своей конницы, отправленной за провиантом, продолжал свой марш и подошел к германскому лагерю на расстояние около 18 километров. Тогда снова явились германские послы с теми же самыми просьбами. Цезарь на сей раз обещал продвинуться лишь на небольшое расстояние, чтобы найти воду, и якобы приказал своей коннице, которая шла в авангарде, не вступать в бой с неприятелем.

Тем не менее в тот же день произошло кавалерийское сражение. Германский отряд, в котором было всего около 800 всадников, напал на 5 тысяч галльских всадников из армии Цезаря и обратил их в позорное бегство. На следующий день в римский лагерь явилось большое посольство, в составе которого было много германских князей и старейшин. Они принесли извинения за вчерашний инцидент и снова стали заверять в своем стремлении к миру. «Обрадованный их приходу Цезарь велел, вместо ответа, схватить их и тотчас же двинулся с войском вперед, приказав проявившей трусость коннице идти в арьергарде».

Нападение римской армии было для германцев совершенно неожиданным. Они не смогли оказать организованного сопротивления и обратились в беспорядочное бегство.

Успехи Цезаря во многом объяснялись экономической и военно-политической мощью Рима. Сам же он обладал всеми качествами как военного, так и дипломата, необходимыми для того, чтобы не упустить благоприятной обстановки. Он отличался сильным характером и легко ориентировался в сложной обстановке. Вместе с тем он был общителен, щедр, прост в обращении, благодаря чему легко располагал к себе людей, с которыми приходилось встречаться, независимо от их положения, возраста и национальности.

Разделяя своих противников, сплачивая и объединяя своих сторонников, Цезарь к концу 52 года до Р. Х. разгромил ополчения галльских племен и полностью подчинил их Риму. Таким образом, благодаря Цезарю одна из богатейших областей тогдашней Западной Европы – Галлия – была присоединена к римским владениям. Во время завоевания Галлии Цезарь не только приобрел огромное состояние, но и сформировал сильную армию.

За время отсутствия Цезаря в Риме произошли серьезные изменения: Красс погиб на войне с парфянами; Юлия, дочь Цезаря и жена Помпея, умерла. В Риме Помпей был самым могущественным человеком, и сенат был ему покорен.

Срок полномочий Цезаря в Галлии истекал. Он хотел, чтобы либо ему продлили полномочия, либо разрешили заочно выставить свою кандидатуру на выборах в консулы на 48 год

до Р. Х. Но сенат постановил, чтобы Цезарь сложил с себя командование, распустил все свои войска и как частный человек вернулся в Рим.

Помпей хорошо понимал, что Цезарь не только не распустит войска, а постарается стянуть их со всей Галлии и начнет гражданскую войну. Столкновение между Цезарем и Помпеем становилось неизбежным.

Летом 48 года до Р. Х. в решающей битве при Фарсале Помпей был разгромлен. Победа Цезаря была полной. Сам Помпей бежал на Лесбос, оттуда попытался проникнуть в Египет. Желая извлечь политические выгоды из ситуации, ближайшие советники египетского царя организовали убийство Помпея и передали его голову Цезарю.

Оказавшись в Египте, Цезарь был втянут во внутриегипетские проблемы. Дело в том, что в 51 году до Р. Х. умер царь Птолемей XII, и между его детьми – 12-летним сыном Птолемеем XIII и 18-летней дочерью Клеопатрой VII (вернее, между их придворными кликами) – разгорелось соперничество. Победу одержали сторонники юного Птолемея, Клеопатра была отстранена от власти и выслана из Александрии. Однако энергичная царица не смирилась со своей участью. Воспользовавшись прибытием Цезаря, Клеопатра сумела увлечь римлянина своей красотой, а также выгодностью политического союза между ею, как повелительницей Египта, и римским командующим.

Покоренный красотой и незаурядным умом юной царицы, и понимая необходимость решения внутридинастических отношений, Цезарь провел в Египте девять месяцев, бросив на самотек все другие военные и политические дела. Правда, в Египте ему удалось подавить сопротивление противников Клеопатры и утвердить ее власть, причем в этой междоусобной борьбе Цезарь чуть не погиб. И хотя благодарная Клеопатра предоставила в распоряжение римлянина все свои огромные богатства, длительное пребывание в Египте позволило политическим противникам Цезаря оправиться от поражения и вновь собрать свои силы.

Как и в прошлые годы, Цезарь и его единомышленники действовали решительно, смело и дальновидно. После затянувшегося пребывания в Египте римский диктатор выступил против новоявленного восстановителя Понтийского царства Митридата и его сына Фарнака, и в битве при Зеле римские легионы без особого труда разгромили армию боспорского царя (47 год до Р. Х.). Именно об этой победе Цезарь написал знаменитые слова: пришел, увидел, победил – подчеркивая решительность действий и скоротечность всей кампании. Эта стремительная победа стабилизировала военно-политическую ситуацию во всех восточных провинциях.

Пользуясь полученными от сената полномочиями диктатора на 10 лет (вместо 6 месяцев по римской конституции), Цезарь не только смог изыскать огромные денежные средства для раздачи щедрых наград, он смог решить еще более сложную задачу – вывести своих многочисленных легионеров (более 100 тысяч человек) на земельные участки.

В 46 году до Р. Х. Цезарь торжественно праздновал четыре триумфа – победы в четырех крупнейших военных кампаниях (галльские завоевания, александрийская война, понтийская победа и африканская кампания).

В марте 45 года до Р. Х. Цезарь подавил последнее восстание в Испании. После сражения при Мунде и празднования испанского триумфа Цезарь стал единоличным правителем средиземноморской державы. В 45 году до Р. Х. он был провозглашен римским сенатом вечным диктатором, то есть неограниченным в своей компетенции единоличным правителем.

Несмотря на это, Цезарь, возможно, один из немногих политиков мировой истории, который не дал развиться в своей душе жестокости, мести и ненависти и всеми доступными ему средствами стремился к согласию и консолидации во имя высших государственных интересов.

Политика Цезаря преследовала цель более органического объединения центра – Рима, Италии и многочисленных провинций, их превращения из доходных поместий римского

народа в полноправные части огромного Римского государства. С 49 года до Р. Х. территория Италии стала простираться до Альпийских гор. Наконец, кардинальное решение о выводе демобилизованных ветеранов в провинции, бесспорно, стимулировало процесс романизации этих областей и их органического включения в структуру Римского государства.

Вместе с тем известная компромиссность реформ и политика помилования бывших противников Цезаря порождали и укрепляли оппозицию. В мартовские иды, 15 марта, 44 года до Р. Х. Цезарь был убит заговорщиками.

Он часто говорил, что жизнь его дорога не столько ему, сколько государству – сам он давно уже достиг полноты власти и славы, государство же, если с ним что случится, не будет знать покоя и ввергнется в еще более бедственные гражданские войны. Эти слова Цезаря оказались пророческими.

Приск Панийский

(V в.)

Византийский дипломат и историк. Выполнял дипломатические поручения византийских императоров. Автор сочинения «Византийская история и деяния Аттилы».

Одну из самых ярких и правдивых картин как варварского, так и римского мира в эпоху Великого переселения народов создал выдающийся дипломат и историк Приск Панийский.

О жизни Приска до нас дошли скудные сведения. Он родился, вероятно, в первой четверти V века. Его родиной был Панион, от названия которого писатель получил, по существовавшему тогда обычаю, прозвание Панийского. Это небольшой городок во Фракии, на северном побережье Мраморного моря.

Приск происходил из состоятельной семьи, которая дала будущему дипломату солидное философское и риторическое образование. Недаром он заслужил почетные звания софиста и ритора. Завершив образование в Константинополе, Приск поступил на государственную службу в столице. Вскоре ему удалось завоевать расположение знатного вельможи Максимина, занимавшего высокие посты при императоре Феодосии II, и он стал секретарем и ближайшим советником Максимина.

В 448 году Максимину было поручено возглавить византийское посольство в Паннонию, ко двору Аттилы. В это опасное путешествие отправился и Приск, пользовавшийся неограниченным доверием покровителя. В ходе путешествия и пребывания при дворе «бича божьего», как прозвали Аттилу в Европе, Приск, по-видимому, вел подробный дневник, куда записывал свои наблюдения. Эти записи легли в основу его знаменитого сочинения «Византийская история и деяния Аттилы», сохранившегося во фрагментах.

Увлечение историей и литературные занятия не отвлекли Приска от дипломатической деятельности. На этом поприще его ожидали немалые успехи. Он неоднократно и весьма искусно выполнял секретные дипломатические поручения византийского двора. Смена императора на византийском престоле не помешала его дальнейшей карьере. Уже в

начале правления Маркиана, в 450 году, Приск находился в Риме, где вел тайные переговоры с сыном франкского короля Хильдерика I с целью помешать заключению сепаратного соглашения Рима с Франкским королевством.

В правление Маркиана византийская дипломатия активизировалась и на Востоке. В 452 году Приск побывал в восточных провинциях империи: сперва проездом на короткое время он посетил Дамаск, а затем отправился в Египет в качестве советника при сиятельном вельможе Максимине. Патрон Приска не потерял доверия нового правительства и был отправлен на Восток для урегулирования отношений империи с кочевыми арабскими и нубийскими племенами. И в этой трудной поездке верным помощником Максимина оставался Приск. В Дамаске Максимин и Приск были свидетелями мирных переговоров византийского полководца гота Ардавура, сына Аспара, с послами арабских племен (сарацинов, по терминологии Приска).

Из краткого рассказа Приска остается неясной роль Максимина и самого писателя на переговорах в Дамаске. Известно лишь, что из Дамаска Максимин со свитой и Приском отбыли в Фиваиду в Египте. Там они вели успешные переговоры о мире с побежденными племенами влеммиев и нувадов (нубийцев). Максимин заключил с ними мир на сто лет; условия мирного договора были выгодны для империи: все римские военнопленные и знатные заложники возвращались на родину без выкупа; угнанные кочевниками стада должны были быть возвращены старым владельцам, а убытки возмещены. Влеммии же и нувады получили разрешение беспрепятственно проезжать по Нилу в храм Исиды для отправления древнего культа этой богини. Договор был подписан в Фильском храме и скреплен выдачей кочевниками знатных заложников.

Однако мир оказался недолговечным. Вскоре, когда Максимин внезапно заболел и умер в Египте, варвары, узнав о его смерти, отбили у римлян своих заложников, разорили страну и опять начали войну против империи.

После смерти Максимина Приск перешел на службу в качестве асессора (советника по юридическим делам) к влиятельному вельможе Евфимию, магистру оффиций при императоре Маркиане.

Среди дипломатических миссий Приска ни одна не может сравниться по своему значению с посещением ставки Аттилы. Анализируя международную обстановку в Европе накануне поездки византийского посольства к Аттиле, он откровенно признает: в конце 40-х годов V века держава Аттилы была столь могущественной, что другие народы и государства должны были с нею считаться. Западная и Восточная Римские империи искали союза с всесильным правителем гуннов. Рим и Константинополь соперничали в стремлении приобрести расположение гордого варвара и потому отправляли к нему посольства с богатыми дарами. И константинопольское правительство, и равеннский двор пытались использовать гуннов как заслон против других варваров.

Особенно настойчиво стремилась сохранить мир с гуннами Восточная Римская империя, которой со всех сторон угрожали враги: персы, вандалы, эфиопы и арабы. В этой сложной обстановке Феодосий II и отправил в 448 году посольство к Аттиле.

Официальной задачей Максимина было заключение договора о мире и дружбе, тайной – вероломное убийство царя гуннов. Приск, осуждая свое правительство за заговор, хвалит правителя гуннов, который, узнав о готовящемся покушении, не только не порвал с империей, но заключил-таки соглашение с Максимином, причем Приску не чужды некоторые человеческие слабости: он стремится убедить читателя, что именно он, Приск, своим умом и находчивостью спас дело греков и смягчил сердце грозного варвара.

Приск был умным и тонким наблюдателем, много беседовал с послами западных государств, приехавшими одновременно с византийцами ко двору Аттилы, а также с жившими среди гуннов соотечественниками, и получил от них ценные сведения.

Приск первым в византийской литературе дал впечатляющую картину организации дипломатического дела в Византии V века, четко обрисовав права и обязанности послов, организацию посольств, этикет приема и отправления послов, некоторые нормы международного права. Личность участников посольства считалась неприкосновенной. Аттила даже в страшном гневе на подосланного к нему убийцу Вигилу, хотя и угрожал, но не посадил его на кол и не отдал на съедение птицам.

Приск говорит и о разведывательной деятельности дипломатических агентов Византии и варварских правителей. В частности, Аттила имел шпионов при константинопольском дворе, и ему стало известно содержание секретных поручений, данных императором своим послам.

Приск описывает сложную организацию посольского дела и дипломатии у варваров. При дворе Аттилы был разработан ритуал приема посольств, правила поведения послов, а на пирах соблюдался придворный этикет и царило местничество. Посол каждой страны имел свое место, ближе или дальше от царя, в зависимости от ранга направившей его страны. Деятельность послов строго регламентировалась: они должны были следовать за кортежем царя, а не обгонять его; их сопровождали проводники и охраняли особые отряды; им запрещалось разбивать шатры на более возвышенном месте, чем то, где расположен шатер Аттилы; в стране гуннов им выдавалось определенное содержание, а по дороге их кормили местные жители. Делать остановки в пути, разбивать лагерь и селиться на более длительное время послы могли только там, где им указывали.

Византийские послы, в свою очередь, заботились, чтобы им воздавался надлежащий почет. Так, они согласились вести переговоры с гуннами верхом на лошадях, чтобы не оказаться в положении, унижающем их достоинство. Они могли передавать письма и устные поручения императора только лично царю гуннов. Когда последние по приказу Аттилы попытались нарушить этот обычай и досрочно выведать цель посольства, византийцы резко протестовали против нарушения правил.

В случае конфликта с послами гунны могли более обычного ограничить их свободу. Но и без того Аттила запретил людям Максимина освобождать римских военнопленных, покупать рабов-варваров, лошадей и что-либо другое, кроме съестных припасов, пока не будут улажены существующие между гуннами и ромеями недоразумения. Обычно посольства отправлялись от одного государя к другому в их столицы или туда, где находился правитель, например в военный лагерь. В особых случаях Аттила соглашался выезжать навстречу послам императора и вести с ними переговоры в условленном месте. Так, он хотел приехать для встречи с послами Феодосия II в Сердику, но византийское правительство, опасаясь появления опасного врага в глубине своей территории, отказалось от этого предложения. Посол как лицо, облеченное высоким званием, не мог сам вести переговоры с приближенными Аттилы, а должен был делать это через своих помощников. Поэтому Максимин поручал такие переговоры Приску.

«Сочинение Приска представляет немалую ценность как источник по истории дипломатии ранней Византии и варварского мира, – отмечает российский историк З.В. Удальцова. – Острая наблюдательность и тонкая восприимчивость сочетаются у него с трезвым умом дипломата и глубоким анализом фактов. Его история – это отнюдь не путевые заметки или разрозненные впечатления стороннего наблюдателя, а серьезный и продуманный труд государственного человека, стремившегося проникнуть в суть происходивших событий. Приск – писатель, дипломат и государственный деятель – человек, не только достаточно осведомленный о политических делах империи и ее связях с другими народами, но и разумный судья, выносящий во многом объективный приговор деятелям своей эпохи и здраво оценивающий с точки зрения интересов Византии международные события, в которых он принимал непосредственное участие».

Сочинение Приска охватывало события византийской истории с 411 по 472 год, а написано было, по-видимому, в начале 470-х годов, когда на склоне лет дипломат, отойдя от государственных дел, предался литературным занятиям. Точная дата его смерти неизвестна.

Теодорих Великий

(ок. 454–526)

Король остготов с 493 года. Проводил политику сближения остготской и итало-римской знати. В своей государственной политике руководствовался идеями миротворчества.

В 476 году Западная Римская империя прекратила свое существование. Вождь наемной варварской дружины Одоакр низложил ее императора Ромула Августула. Первым же актом завладевшего Италией Одоакра было установление дипломатических отношений с Восточной Римской империей. Он отправил в Константинополь знаки императорского достоинства – диадему и пурпурное одеяние, в знак того, что на западе больше не будет императора. Себе Одоакр у римского сената просил разрешение носить титул патриция и править Италией.

Император востока Зенон повел против Одоакра сложную интригу. Отвечая ему туманными и ни к чему не обязывающими дипломатическими любезностями, он одновременно давал столь же мало обязывающие обещания другому претенденту на власть над Италией – низложенному ранее западному императору Юлию Непоту. В конце 480-х годов Зенону удалось направить на завоевание Италии вождя остготов Теодориха, который угрожал перед тем Константинополю. Этим шагом отводилась опасность от империи и натравливались друг на друга два беспокойных соседа-варвара. Теодорих, воспитанный, как и многие другие сыновья знатных варваров, при константинопольском дворе, неплохо усвоил принципы визан-

тийской дипломатии, и хотя не получил образования, он был в восторге от римской культуры. Зенон принял Теодориха на римскую службу, осыпал его почестями, возвел в сан патриция и консула и предложил ему, в качестве римского наместника, отвоевать у Одоакра Италию.

Все племя остготов, с женами, детьми и имуществом, на больших крытых телегах, двинулось вдоль берега Адриатического моря по знакомой германцам дороге. Напуганным италийцам сначала показалось, что остготское войско, возглавляемое Теодорихом, было огромным, хотя, вероятно, оно не превышало нескольких десятков тысяч воинов. Одоакр не собирался отдавать принадлежавшие ему земли без боя. Его хорошо обученные войска заняли позицию на реке Изонцо, поджидая пришельцев. Битва у развалин древней Аквилеи закончилась победой Теодориха. Однако на его пути теперь стояла Верона. Сражение здесь оказалось еще более упорным и кровопролитным. Теодорих проявил незаурядное личное мужество, вокруг его имени начали складываться легенды, вошедшие затем в цикл «Сказаний о Нибелунгах». После Вероны остготы взяли Милан и Павию. Оставалась столица – сильно укрепленная Равенна. Но и она, изнуренная голодом и изолированная от остальной Италии, тоже сдалась.

Одоакр и Теодорих заключили между собой мирное соглашение, по которому должны были разделить власть над Италией. Это событие было ознаменовано многодневными празднествами, во время которых Теодорих и Одоакр клялись друг другу в вечной дружбе. Однако дружеских заверений хватило лишь на несколько дней. Участь Италии была предрешена силой победителей. В 493 году во время пира Теодорих (по одной версии – собственноручно, по другой – с помощью наемного убийцы) покончил с доверившимся ему Одоакром. Одновременно по тайному приказу предводителя остготов во всех важнейших городах Италии и военных гарнизонах были перебиты захваченные врасплох сторонники Одоакра. Теодорих стал единоличным правителем. На Апеннинском полуострове, в сердце бывшей Римской империи, было основано просуществовавшее немногим более шести десятков лет Остготское государство.

Первые три десятилетия правления Теодориха (493–526) как будто не предвещали последующей трагической судьбы Остготского государства. Это было время относительной политической и даже экономической стабилизации Италии.

Захватив власть в стране, Теодорих осуществил важнейшую цель завоевания – наделил землей своих соплеменников. В соответствии с римской имперской традицией он поселил на границе государства алеманнов, которые должны были состоять на военной службе у нового государства.

Теодорих был самым выдающимся из германских вождей своего времени. Он вел самостоятельную политику по отношению к Византии и варварским королевствам. Теодорих обладал всеми полномочиями, которые характерны для государей варварских королевств: верховной, военной, судебной, административной и законодательной властью. То обстоятельство, что Теодорих и его преемники называли свои постановления не законами, а эдиктами, никак не ограничивало законодательную власть остготского короля. Став правителем всей той территории на западе, которая к концу V века еще не была под властью варваров, Теодорих оказался во многих отношениях наследником власти римского императора.

Программной политической установкой Теодориха стало создание союза остготов и римлян в рамках единого государства. Остготы, долгое время пребывавшие в качестве федератов на границах Римской империи, были еще до своего поселения в Италии хорошо знакомы с римской государственной системой, культурой, обычаями римлян. Совершенно естественно, что Теодорих как дальновидный политик попытался опереться на традиции «непобедимого» Рима в деле укрепления собственного государства. Для нового владыки Италии было важно прослыть преемником и защитником римских традиций как для упро-

чения внутреннего положения в Остготском королевстве, так и для расширения возможностей маневрирования в отношениях с Восточной Римской империей.

Преклоняясь перед римской культурой, Теодорих, однако, хотел сохранить воинскую силу германцев. Своим остготам Теодорих предоставил третью часть итальянских земель, которая была занята прежде герулами Одоакра. Остготы не пользовались особыми привилегиями сравнительно с римлянами, платили одинаковые с ними поземельные подати и судились одними и теми же римскими законами. Но Теодорих не хотел, чтобы завоеватели смешались с покоренными и утратили свою воинственность. Он запрещал римлянам носить оружие и предоставил это право исключительно готам, которые составили в его государстве род военной касты.

Государство Теодориха было самым крупным из королевств, основанных переселившимися с востока германцами. Теодорих старался установить дипломатические отношения с другими государствами. Он претендовал на особую политическую роль в варварском мире, полагая необходимым покровительствовать другим варварским королям (например, вестготским, алеманнским), примирять их, укреплять международные связи Остготского королевства, способствовать распространению культурных достижений. Равеннский двор стал одним из крупнейших центров международной жизни того времени. Сюда съезжались послы разных государств и племен. Остготское королевство поддерживало отношения не только с близлежащими европейскими государствами, но и с народами Скандинавии, Балтийского побережья, быть может, даже Восточной Европы. Все короли германских варваров признали его первенство и нередко представляли на его решение свои споры.

Одним из средств умиротворения опасных соседей была политика брачных союзов. Теодорих сам женился на сестре Хлодвига, дочь выдал замуж за вестготского короля Алариха II, свою сестру – за короля вандалов Тразамунда, племянницу – за короля тюрингов.

Оставаясь арианином, Теодорих установил свой контроль над католической церковью и выступил в качестве посредника во время борьбы за папский престол между партиями Симмаха и Лаурентина.

В 508 году, когда король франков начал теснить вестготов, Теодорих, выступив посредником, остановил полный разгром вестготского королевства и не дал франкам захватить юго-восточный угол Галлии (современный Прованс). Таким образом он упрочил власть своего малолетнего внука Аталариха на вестготском престоле и в качестве регента сам правил Испанией.

Благодаря его заботам о земледелии, правосудии и безопасности и благодаря миру, которым наслаждалась при нем Италия, страна начала оправляться после бедствий и опустошений предшествующей эпохи; население значительно возросло. Теодорих приблизил к себе образованных римлян и назначил их на высшие государственные должности. Это были философы и писатели: «последний философ античности» Боэций, Симмах, Кассиодор. Под их руководством продолжали работать римские канцелярии, и указы остготского короля выходили в том же стиле и форме.

Руководил политикой Теодориха знаменитый римлянин Кассиодор, продолжавший традиции римской дипломатии. Он оставил сочинения, в которых устанавливал ряд принципов международной политики. Так, Кассиодор отдавал предпочтение миролюбивому разрешению международных споров, причем считал полезным обращаться к посредничеству третьих держав; он считал, что договор, нарушенный одной стороной, перестает быть обязательным для другой. Кассиодор отмечал важное значение брачных связей для установления дружеских отношений между государствами. Он считал необходимым оповещать всех государей о вступлении на престол нового правителя, определил условия, при наличии которых политическим беглецам из другой страны может быть предоставлено убежище и т. д.

Кассиодор придавал дипломатии огромное значение. Послов надо выбирать осторожно. Послами назначали самых знатных людей, чтобы оказать честь чужим государям и в то же время повысить авторитет посольства. Через остготские посольства римские обычаи прививались и у западных варваров.

Византийские императоры с опасением смотрели на нового сильного соседа. Значительная часть римской аристократии, недовольная тем, что остготы отобрали у римских землевладельцев часть их земель, видела в византийском императоре свою защиту и нетерпеливо призывала его к интервенции.

Религиозная политика Теодориха отличалась веротерпимостью.

Теодорих оказывал уважение православной церкви и подтвердил привилегии духовенства, но оставался усердным арианином. Эта религиозная и сословная отдаленность готов от итальянцев действительно помешала их слиянию в один народ, но вместе с тем она была главной причиной непрочности Остготского государства. Итальянцы продолжали смотреть на своих завоевателей как на варваров и еретиков.

Хотя Теодорих-арианин относился терпимо к католичеству, духовенство готово было поддержать византийскую интервенцию, которая должна была восстановить господство католической церкви. Это осложняло отношения остготов с Востоком.

В начале 520-х годов в Византии начались гонения на имперских ариан и стали закрываться их храмы. Разумеется, это не могло не отразиться на отношениях Византии с королевством Теодориха.

Одновременно происходило церковное сближение Константинополя с Византией, что вызвало и у западных и восточных римлян тоску по былому величию общей для них всемирной империи и побудило многих из них к поискам путей ее воссоединения и возрождения под эгидой византийского императора. В связи с этим наметилось сближение верхушки католической церкви и сенатской оппозиции, направленное против остготского правительства.

Как свидетельствуют источники, Теодорих сначала не только не препятствовал этим контактам, но даже поощрял их, надеясь, по-видимому, извлечь из них какую-то пользу для гармонизации своих отношений с Византией. Однако вскоре, в 523 году, через доносчиков король узнал о тайных связях некоторых сенаторов с константинопольским двором и их провизантийских настроениях, которые он благоразумно истолковал как антиготские. Против сената и отдельных влиятельных придворных римлян были приняты превентивные меры. Стремление короля подавить оппозицию выразилось в обвинении в измене и казни сначала Боэция (524), а затем и лидера сената Симмаха (525).

В 524 году император Византии Юстин издал эдикт против ариан. Разгневанный Теодорих, то ли искренне желая уладить конфликт, то ли имея намерение испытать благонадежность папы, направил в 525 году Иоанна I в Константинополь для переговоров о прекращении антиарианских репрессий. Вернувшийся в Рим весной 526 года папа не добился желаемых результатов и был брошен в тюрьму, где вскоре умер.

Правительственный террор еще больше углубил разлад между остготами и римлянами.

Напряженной была с начала 520-х годов и внешнеполитическая обстановка. В 523 году, после того как франки заняли северную часть Бургундского королевства, остготские войска захватили его южную часть – область между Дюрансой и Изером. Король вандалов Хильдерих стал вести провизантийскую политику и порвал прежние дружественные связи с Остготским королевством. Теодорих, готовясь к военным действиям против Вандальского королевства, предписал начать строительство мощного военного флота.

30 августа 526 года престарелый король сошел в могилу. Теодориха погребли около Равенны. Королем был провозглашен малолетний внук покойного короля Аталарих. Факти-

чески власть оказалась в руках дочери Теодориха – Амаласунты. Закат остготского королевства был не за горами.

Юстиниан I Великий

(482–565)

Византийский император с 527 года. Используя как дипломатические, так и военные методы, завоевал Северную Африку, Сицилию, часть Испании.

Один из замечательнейших дипломатов того времени император Юстиниан I родился в деревне Тауресий, расположенной недалеко от Бедерианы (территория современной Югославии). Он был, вероятно, иллиро-фракийского происхождения. Его мать вышла замуж за крестьянина по имени Савватий, поэтому будущего императора звали Петром Савватием.

В Константинополь его вызвал дядя Юстин, возвысившийся при императоре Анастасии. Он дал племяннику образование. Петр Савватий, способный, упорный, вдумчивый и неторопливый, был неплохим советчиком в политических и религиозных делах для Юстина, обладавшего практической сметкой и опытом. Еще до воцарения Юстина племянник стал называться Флавием Петром Савватием Юстинианом, что, очевидно, свидетельствовало об «усыновлении», признании его своим наследником бездетным Юстином.

После восшествия Юстина на трон его племянник вошел в узкий круг императорских советников, что само по себе свидетельствует о том, насколько нуждался в нем Юстин именно в вопросах государственного управления.

За годы царствования своего дяди Юстиниан вошел в круг государственных проблем, и по мере того как Юстин старел и отходил от дел, бразды правления переходили в руки его племянника.

Восточная Римская империя достигла в царствование Юстиниана наивысшего могущества. Ее дипломатические связи охватывали огромное пространство от Китая и Индии до Атлантического океана, от Внутренней Африки до причерноморских степей. Юстиниан умело комбинировал искусную дипломатическую игру с меткими военными ударами, которые расширили пределы его империи далеко на запад.

Осуществление грандиозного плана восстановления Римской империи требовало постоянной и напряженной деятельности дипломатии в различных регионах мира. Для завоевания западной части былой империи прежде всего следовало обеспечить безопасность на востоке и севере, попытаться избежать войны с Ираном, нейтрализовать варваров на Дунае, найти союзников среди окружавших империю народов. Да и в самих варварских королевствах Запада требовались огромные дипломатические усилия для привлечения на сторону Византии всех недовольных господством вандалов в Северной Африке, остготов в Италии, вестготов в Испании.

Главной задачей византийской дипломатии было заставить варваров служить империи, вместо того чтобы угрожать ей. Наиболее простым способом был наем их в качестве военной силы. Вождей варварских племен и правителей государств подкупали, заставляя вести войны в интересах Византии. Ежегодно Византия выплачивала пограничным племенам большие суммы. За это они должны были защищать границы империи. Их вождям раздавали пышные византийские титулы, знаки отличия, золотые или серебряные диадемы, мантии, жезлы. Варварам отводили земли, где они селились на положении вассальных союзников (федератов). Лангобарды получили земли в Норике и Паннонии, герулы – в Дакии, гунны – во Фракии, авары – на Саве. Так одни варвары служили оплотом империи против других.

Эти «мирные средства» были, однако, ненадежны. Варвары, получавшие от Византии деньги, требовали все большие суммы и угрожали перейти в лагерь врагов империи. Важно было не давать им усиливаться, ослаблять их взаимными усобицами.

Старое римское правило «разделяй и властвуй» нашло широкое применение в византийской политике. Умение обращаться с соседями, как с шахматными фигурами, отличало дипломатию Юстиниана. Он возвел взаимное натравливание в целую систему. Против болгар он подымал гуннов, против гуннов – аваров. Чтобы одолеть вандалов, он привлек на свою сторону остготов, а остготов сокрушил при содействии франков. Военное вмешательство во внутренние дела других государств было одним из средств политики Юстиниана. Ярче всего эта политика выразилась в его войнах с вандалами и остготами.

В Африке и Италии Юстиниан использовал социальную борьбу в этих странах, в частности недовольство римских землевладельцев, вызванное захватом их земель варварами, и возмущение духовенства господством варваров-ариан.

Византийское войско высадилось на африканский берег, и при поддержке местного римского населения уже в 534 году Вандальское королевство превратилось в византийскую префектуру. Победителем оказался Юстиниан, торжественно принявший титулы «вандальского» и «африканского». Эта победа внесла растерянность в варварские королевства, а Юстиниану и его окружению подарила надежду на возможность успешного разгрома остготов в Италии, освобождения Древнего Рима, столицы великой Римской империи.

Сразу же после завоевания Северной Африки началось строительство системы пограничных укреплений. Обычная численность армии, которую удавалось собирать для крупных военных кампаний, не превышала 25–50 тысяч человек, поэтому оборонительное строительство было совершенно оправданно. Оно позволяло защищать границу небольшими гарнизонами. Крепости и укрепления становились убежищами для местного населения, также включавшегося в оборону. Благодаря этой системе Византия могла иметь сравнительно небольшую мобильную армию. Обычно вооруженные конфликты заканчивались переговорами, компромиссом и выплатами.

В Остготском королевстве разгром вандалов оживил провизантийские силы, что привело к ответной консолидации остготской военной верхушки. Византийцы, воспользовавшись убийством своей сторонницы, королевы Амаласунты (дочери Теодориха), начали военные действия. В 534 году полководец Велисарий высадился в Сицилии. В течение нескольких месяцев эта житница Италии была очищена от остготов. Велисарий переправился в Италию и уже в 536 году вступил в Рим. Казалось, и здесь все предвещало легкую победу, когда в Северной Африке развернулось мощное антивизантийское движение, подавление которого потребовало значительных сил и средств. И все-таки в 540 году Велисарий вступил в столицу готов Равенну. Византийская столица отмечала новый триумф. Почти вся Италия оказалась под властью Византии.

В это время, воспользовавшись тем, что силы Византии были отвлечены на западе, разорвав «вечный мир», против нее неожиданно выступила Персия. Царь Хосров с огромной армией вторгся в восточные провинции, овладел столицей римско-византийского востока – Антиохией и вышел к Средиземному морю. Третий по значению и численности населения город империи был разрушен, а его жители частично перебиты, частично уведены в Иран. В 541 году произошло новое вторжение в Месопотамию; шла упорная борьба на Кавказе. Началась изнурительная война, в ходе которой было существенно подорвано благополучие богатейших восточных провинций. Велисария пришлось спешно перебросить на восток.

Получив передышку, остатки разгромленных остготов сплотились вокруг нового короля Тотилы, способного полководца и умного политика. За короткое время ему удалось изгнать византийцев с большей части территории Италии. В дополнение ко всем трудностям, которые переживала Византия в 542 году, с Востока пришла страшная эпидемия чумы, обходившая стороной Средиземное море по крайней мере на протяжении четырех столетий. Она унесла не менее 40 процентов населения столицы империи. Пострадало множество городов и областей. Византия надолго была обессилена экономически.

Римские землевладельцы и духовенство продолжали поддерживать Юстиниана. Папа Вигилий умолял его довести до конца неудачно начатую кампанию в Италии. В начале 550-х годов византийцам, с немалым напряжением сил, удалось добиться перелома в борьбе с остготами, чему способствовала гибель Тотилы. В 554 году была принята «Прагматическая санкция об управлении Италией». Все бывшие имущества италийской знати и церкви были им возвращены, а бывшие рабы и колоны поставлены в прежнее положение. Высвободившиеся войска были использованы для войны с вестготскими королями Испании, где скла-

дывалась аналогичная североафриканской и италийской ситуация. При поддержке испано-римской знати под власть Византии перешла юго-восточная часть Испании.

Если сильного врага нельзя было ни купить, ни одолеть своим или чужим оружием, Юстиниан прибегал к политическому и экономическому оружию. Самым опасным соперником Византии продолжало оставаться персидское государство Сасанидов, особенно усилившееся при Хосрове I. Военные действия против Персии были неудачными. Тогда Юстиниан поднял против Хосрова всех его соседей. Против Ирана были брошены гунны, кочевники Сирийской пустыни, бедуины Неджда, арабы Йемена, Эфиопское царство Аксума. Юстиниан поддерживал царей Лазики, преграждавших Персии путь к Черному морю. Чтобы избежать посредничества Персии в торговле с Индией и Китаем, Юстиниан стремился направить эту торговлю по морским путям, через Красное море.

Мир с персами были заключен в 562 году. Причем после двадцатилетней опустошительной войны границы обеих империй остались практически без изменений.

Дипломатия служила развитию торговли, а расширение торговых связей в свою очередь использовалось Византией как одно из сильнейших орудий дипломатии. Торговые города, расположенные на окраинах империи, были форпостами ее политического влияния. Купцы, торговавшие с отдаленными народами, приносили в Византию сведения о них. С византийскими товарами к варварам проникало и политическое влияние Византии.

За купцом следовал миссионер. Распространение христианства также было одним из важнейших дипломатических орудий византийских императоров на протяжении многих столетий. Византийские миссионеры проникали в горы Кавказа, на равнины Причерноморья, в Эфиопию, в оазисы Сахары. Впоследствии христианство распространялось среди славянских племен.

Эта гибкая политика дала свои плоды. В обращенных странах утверждалось византийское влияние. Духовенство, зависимое от Византии, играло огромную роль в варварских государствах как единственный носитель грамотности.

В конце 559 года болгары и славяне завоевали Фракию. Когда варвары подступили к стенам столицы, Юстиниан мобилизовал всех способных носить оружие, выставил к бойницам городское ополчение цирковых партий, дворцовую стражу и даже членов сената. Командовать обороной он поручил Велисарию. Император приказал готовить корабли для того, чтобы отправиться на Дунай и захватить у варваров переправу. Узнав об этом, болгары и славяне просили через посла позволить им уйти на свою сторону Дуная. Юстиниан послал к ним племянника Юстина и пощадил их.

Все царствование Юстиниана прошло в ожесточенных войнах с варварами и соседями. Он мечтал расширить пределы своей державы до границ прежней Римской империи. И хотя его планы осуществились далеко не полностью, масштабы византийских завоеваний в его правление были впечатляющими.

Юстиниан умер в ночь с 14 на 15 ноября 565 года в возрасте 83 лет, после 38 лет царствования. К концу своей жизни он увлекся теологией и почти не занимался делами государства, предпочитая проводить время во дворце в спорах с иерархами церкви и даже простыми монахами.

Петр Патрикий

Византийский дипломат, историк. Выполнял дипломатические поручения императора Юстиниана I.

Петр родился в Фессалонике, карьеру начал в Константинополе, где благодаря необычайному красноречию и эрудиции стал известным адвокатом и вскоре прославился как выдающийся оратор, обладавший особою силой убеждения, которая помогала ему выигрывать судебные процессы. Талантливый юноша был замечен при дворе, после чего всецело занялся дипломатической деятельностью.

В 534 году Петр был отправлен послом к правительнице остготского королевства Амаласунте; но прибыл в Италию уже после прихода к власти короля Теодата. Во время своего первого посольства, по свидетельству видного историка Прокопия Кесарийского, ловкий дипломат имел успех и даже убедил слабого остготского короля заключить тайное соглашение о передаче Византии всей Италии. Прокопий, однако, недолюбливал Петра и не преминул очернить его в своей «Тайной истории».

Второе посольство Петра к Теодату было не столь успешным, как первое. Остготский король, утвердившись на троне, узнав о победах готов над византийцами в Иллирике и подстрекаемый готской партией, неожиданно переменил политику и пошел на открытый разрыв с Византией. По его приказу Петр был брошен в темницу, где провел около трех лет. В конце 538 года дипломата освободил новый остготский правитель Витигис.

По возвращении в Константинополь Петр за проявленное в неволе мужество был награжден должностью магистра оффиций, а в 550 году за успешную службу возведен в сан патрикия. Отныне его дипломатическая деятельность была связана с Востоком, где Византия вела тяжелые войны с Ираном.

В 550 году он был отправлен в Иран для заключения перемирия с Хосровом I, но успеха не добился. В 561 году Петр вновь возглавил посольство в Иран, отправленное для заключения мира. Византийский дипломат ведет переговоры со знатным вельможей Ирана Зихом Иесдегуснафом. За пышной риторикой речей угадывается желание сторон добиться поставленных целей, не уронив престижа своего государства.

Обе державы, как Византия, так и Иран, ищут мира, но ставят при переговорах различные задачи: Иран добивается длительного мира, причем при условии уплаты Византией большой суммы денег за его сохранение. Ромеи же, наоборот, стремятся к краткосрочному мирному договору и без уплаты за него денежных взносов.

Опираясь на военные успехи, Иран все же добивается своего: в 561 году был заключен мир на 50 лет, причем на выгодных для персов условиях: хотя Лазика была оставлена Византии, ромеи должны были уплатить шаху Хосрову контрибуцию.

Кроме того, договор скреплялся особыми сакрами (священными грамотами) императора ромеев и шахиншаха Ирана. В дополнительной статье оговаривалась свобода вероисповедания для персов, живущих в Византии, и для византийцев-христиан, обитающих в Персии.

И хотя договор оказался для Византии скорее бесславным, чем почетным (поскольку ее требования вернуть империи некоторые области Кавказа, в частности Сванетию, не были выполнены), он все же дал империи важную и крайне необходимую передышку. В этом была заслуга Петра.

В 563 году он вновь посетил двор шаха, с которым вел переговоры о возврате Сванетии, окончившиеся, однако, неудачей. Удрученный провалом миссии, Петр вернулся в Византию и вскоре умер.

Образ Петра Патрикия как дипломата, историка и человека можно воссоздать по фрагментам его трудов и по воспоминаниям современников, в первую очередь Прокопия, Менандра и Иоанна Лида. В этих сочинениях Петр предстает как человек широкого кругозора и разносторонних дарований. Никогда не оставляя дипломатической и государственной деятельности, он постоянно занимался различными науками. Современники единодушно восхваляют его таланты и нравственные достоинства: страстное красноречие, необычайный дар убеждения, столь необходимую государственному человеку проницательность, работоспособность, многостороннюю ученость, кротость характера.

Мемуары Петра являются памятником дипломатической мысли Византии. Из них можно почерпнуть ценные советы послам, описание техники посольской службы, процедуры заключения договоров, обязанностей посла. Петр считает, что первейший долг посла «заключается только в том, чтобы выполнить поручение». Посол обязан с предельной точностью довести до сведения державы, с которой ведутся переговоры, требования своего правительства и не менее скрупулезно изложить своему государю условия другой стороны. Подобными же правилами Петр руководствовался в собственной практике: выполняя поручение Теодата к императору, он раскрыл Юстиниану условия «запасного» варианта договора (об отречении остготского короля) не сразу, а лишь тогда, когда Юстиниан отклонил основной вариант. Таким образом, посол в точности выполнил распоряжение Теодата. Но Петр не отрицает важности самостоятельных действий посла, значения его деятельности в сложной обстановке. Например, иногда посол может умерить жесткость содержания посланий его правителя. Не отрицает Петр и необходимости прибегать в посольском деле к хитростям.

Так, он упоминает о своеобразной дипломатической уловке – заранее требовать невозможного, чтобы сделать переговоры бесперспективными.

Историк З.В. Удальцова дает византийскому дипломату высокую оценку: «Петр был и теоретиком, и практиком: и сам руководил сношениями империи с другими странами, и оказывал влияние на развитие дипломатического дела – выработку правил приема и отправления посольств, определение прав и обязанностей дипломатов различных рангов. Особенно ценны его известия о процедуре заключения договоров с иностранными державами, составляемых на языках обеих договаривающихся сторон, и рассказ о церемониале подписания таких договоров. Петр Патрикий может служить примером опытного, широко образованного и хорошо знающего свое дело дипломата Византии».

Григорий VII

(ок. 1020–1085)

Папа римский (1073–1085). Добивался дипломатическими методами верховенства пап над светскими государями, боролся с императором Генрихом IV за инвеституру.

Еще в середине XI века Священная Римская империя слыла всемогущей, а папство – бессильным. Германские императоры назначали пап и управляли Святым престолом. Но затем положение в корне изменилось. Своим укреплением папская власть во многом обязана талантливой дипломатии клюнийского монаха Гильдебранда, ставшего затем папой Григорием VII.

Гильдебранд родился в соанском округе, рядом с Тосканой, около 1020 года в семье крестьянина Бонизо. Совсем юным Гильдебранда отправили в римский монастырь Св. Марии на Авентине, где аббатом был его дядя. В то время в монастырях много говорили о

необходимости восстановить порядок и дисциплину в церкви. Гильдебранд присутствовал при вступлении на престол Григория VI, который пытался провести реформы; он присутствовал и при его низложении, когда на соборе в Сутри (1046) Григорий смиренно признал свою вину: «Я, Григорий, слуга слуг Божьих, признаю себя недостойным римского первосвященства по причине позорной симонии и продажности, которая, благодаря коварству дьявола, исконного врага людей, вкралась в мое избрание на святой престол».

После этих событий Гильдебранд покинул Рим и вступил в знаменитый Клюнийский монастырь, считавшийся сердцем христианского мира. Именно здесь у него выработались те принципы, которых он придерживался в дальнейшем. Эти принципы изложены им в знаменитом «Папском диктате» («Dictatus papae»): «Только римский первосвященник может быть называем вселенским. Его имя едино в мире. Только он может низлагать епископов и вновь возвращать им сан. Только он может издавать новые законы, соединять или делить епархии. Без его повеления никакой собор не может называться всеобщим. Он не может быть судим никем. Никто не может осудить того, кто апеллирует на приговор к апостольскому престолу. Важные дела каждой церкви должны подлежать его решению. Римская церковь никогда не ошибалась и никогда не впадет в ошибку. Римский первосвященник имеет право низлагать императоров. Он может освобождать подданных от клятвы верности неправедным государям».

В феврале 1049 года Гильдебранд вернулся в Рим, где сделался одним из советников Льва IX. Так началась его политическая деятельность.

Гильдебранд отличали непреклонная воля и несомненный талант дипломата. Стремясь к абсолютной власти, он не допускал даже мысли, что может злоупотребить ею. Гильдебранд славился своим красноречием. В то же время он умел искусно разбираться в самой сложной политической обстановке.

Сохранилось немного сведений о деятельности Гильдебранда во время правления Льва IX. Он служил настоятелем монастыря Св. Павла. В 1054 году в качестве легата был направлен во Францию, где в Туре собрал синод для разрешения спора между Ланфранком и Беренгаром, архидьяконом Анжерским.

В марте 1058 года итальянская знать и симонистское духовенство провели в папы епископа Веллетри, принявшего имя Бенедикта X. Против этого решения выступили реформисты во главе с Гильдебрандом.

Он возводит на папский престол епископа Флорентийского под именем Николая II. Сам Гильдебранд становится архидьяконом Римской церкви. Вступившие в союз Готфрид, имперский канцлер Гвиберт и Гильдебранд пытаются сместить Бенедикта X и утвердить в Риме Николая II.

Это была борьба, поставившая на карту серьезные интересы: папе и императору, объединившимся перед лицом общего врага, важно было вырвать из рук крупнейших феодалов фактическую власть над огромной церковной империей.

Гильдебранд блестяще провел дипломатическую подготовку к грядущему сражению. В Италии он заручился поддержкой маркизата Тосканы. Затем отправился в Южную Италию, где в это время утвердились потомки скандинавов – норманны, и в Капуе от лица папы римского Николая II заключил союз с норманнским графом Ричардом. В 1059 году граф Ричард и Роберт Гюискар, герцог Апулии, главный предводитель норманнских завоевателей, признали себя папскими вассалами: они обязались платить папе ежегодную дань, оказывать военную помощь, защищать новый порядок папских выборов. На севере Италии Гильдебранду удалось подчинить папе сильного и независимого архиепископа Миланского. Он поддержал городское движение патаренов, направленное против крупных феодалов, и ставленника императора – миланского архиепископа.

В острой борьбе между папами победили реформисты, а с ними в Милане и в ряде городов Северной Италии считали себя победителями и патарии, которые бурно торжествовали по поводу избрания в папы Николая II. Таким образом, Гильдебранду удалось объединить значительную часть Италии под папским верховенством.

В апреле 1059 года на соборе в Риме Николай II обнародовал знаменитый декрет. При активном участии Гильдебранда устанавливался новый порядок избрания пап – коллегией кардиналов – ближайших советников папы, епископов ряда главных церквей Рима. Собрание кардиналов, на котором производились такие выборы, стало называться конклавом (лат. Con clave – с ключом, то есть запертый зал). За императором же оставалось лишь право утверждения папы, избранного кардинальской коллегией. Этот декрет ударял не только по правам феодалов, но и по императорской власти.

Противники реформы из римских баронов и приверженцев императорских прав образовали свою лигу. В июле 1061 года, когда умер Николай II, феодальная партия решила поднести молодому Генриху IV звание патриция вместе с правом избрания папы.

Когда Гильдебранд заставил кардиналов избрать в папы Александра II, не спрашивая на то согласия императора, немецкие епископы и несколько ломбардских избрали в октябре 1061 года антипапу Кадала, епископа Пармского. Кадал вступил в Рим. Началась настоящая война, в которой Александр II одержал победу, и в 1064 году на соборе в Мантуе Германия признала его папой.

После смерти Александра II, последовавшей в 1073 году, на папский престол под именем Григория VII взошел Гильдебранд. Он хотел иметь в лице епископов покорных слуг «апостольского престола» и стремился распространить свою власть в глубь Священной Римской империи. Григорий VII пытался организовать некое «мировое государство» под властью папы. Он намеревался принудить всех христианских королей принести ему ленную присягу и обязать их к ежегодным денежным взносам в пользу Святого престола.

При Григории VII получил развитие институт легатов, особых уполномоченных апостольского престола, которые стали одним из главных орудий папского управления и дипломатии. Папа предписывал повиноваться легатам так, как повиновались бы ему самому. В то же время Григорий требовал отчета от легатов и проверял все их распоряжения.

Григорий VII стремился подчинить власти Рима и империю византийских василевсов, потерпевшую поражение от сельджуков при Манцикерте (1071). Папа всячески навязывал Византии унизительную церковную унию. Когда в 1073 году дипломатические переговоры с византийским императором Михаилом VII зашли в тупик, Григорий VII решил прибегнуть к силе оружия: в 1074 году он задумал направить в Византию рыцарскую армию с Запада, поставив ей задачу – «выручить» из беды греческую церковь, которой угрожают неверные.

Одно за другим из Рима полетели папские послания с призывами к государям и князьям принять участие в войне на Востоке во имя спасения христиан-греков.

Таков был размах международной политики Григория VII. Что касается средств ее проведения, то, кроме методов дипломатии и силы оружия, в руках Григория так же, как и его преемников, был еще и духовный меч. Папа мог отлучать от церкви, налагать интердикт, «разрешать» подданных того или иного государя от присяги. Этим оружием и Григорий VII, и другие папы пользовались с большим искусством.

И все-таки не столько угрозы отлучения, сколько умелое использование бесчисленных политических противоречий раздробленного феодального мира – противоречий между императорами и герцогами, между императорами (как германскими, так и византийскими) и норманнами – позволяли папе успешно проводить свою политику.

Особенно упорной была дипломатическая борьба Григория VII с императором Генрихом IV.

Папа добивался права назначать епископов и таким образом вмешиваться во внутренние дела империи; он преследовал симонию (фактическую продажу церковных должностей императорами) и так называемую светскую инвеституру (возведение в епископский сан императором). Генрих IV всеми силами отстаивал эти права императора не только в Германии, но и во всей Священной Римской империи. Если Григорий присвоил себе право низводить императоров с трона, то Генрих считал себя вправе низлагать пап.

Он так и поступил, низложив папу на Вормсском сейме 1076 года.

Месяц спустя уже Григорий VII низложил Генриха на Латеранском соборе, разрешив «всех христиан» от клятвы верности императору и запретив «служить ему как королю».

После того как германские князья присоединились к папе, положение Генриха стало безвыходным: в 1077 году император был вынужден отправиться в Италию, чтобы просить прощения у всесильного Григория VII.

Григорий VII заставил его в присутствии аббата из Клюни, олицетворявшего преданное папству монашество, и графини Матильды Тосканской, самого могущественного феодала центральной Италии, признать себя неправым, «отказаться от гордыни» и смириться перед церковью. Григорий VII одержал победу над королем и «светским духом», получившую в дальнейшем свое документальное выражение в 27 статьях «Диктата папы».

Но на этом богатая драматическими эпизодами борьба между Генрихом IV и папой Григорием VII не закончилась.

В 1080 году Генрих при поддержке недовольных германских епископов снова низложил Григория VII и выдвинул на его место нового главу католицизма – епископа равеннского Гиберта, принявшего имя Климента III. Новый папа или, как церковь его называет, антипапа, имевший опору в германском духовенстве, короновал Генриха IV императорской короной.

Со своим антипапой Генрих отправился на завоевание Рима. Большую роль в том, что германские войска вновь появились в Италии, сыграла хитроумная византийская дипломатия. Византийской империи угрожали тогда норманнские отряды Роберта Гюискара. Чтобы отвлечь их внимание от Византии, молодой василевс Алексей I Комнин заручился поддержкой Генриха IV, который и двинулся на Италию. Роберту Гюискару пришлось поспешить на выручку Григорию VII. Генрих был вынужден уйти из Италии, но норманны и арабы так разгромили Рим, что Григорию было небезопасно оставаться в опустошенном его союзниками городе. Римское население поднялось против папы, и Григорий бежал к норманнам в Южную Италию. На этот раз он помощи от них не получил.

Заботы и треволнения последних лет подорвали здоровье престарелого папы. 25 мая 1085 года Григорий VII закончил свою многотрудную жизнь.

Иннокентий III

(1160/61—1216)

Папа римский с 1198 года. Боролся за верховенство пап над светской властью; заставил английского короля и некоторых других монархов признать себя его вассалами. Инициатор Четвертого крестового похода и похода против альбигойцев.

Иннокентий III взошел на папский престол в январе 1198 года, когда влияние папской власти вновь заметно ослабло. Даже в Риме префект был ставленником императора.

Иннокентию III было всего лишь 37 лет. Он родился в Ананьи и принадлежал к именитому роду графов Сеньи из Лациума. Иннокентий получил блестящее образование: юридическое – в Болонье, богословское – в Париже и был возведен в кардиналы своим дядей Климентом III. Новый папа отличался холодным, выдержанным характером, расчетливостью и осторожностью. Он умел, когда того требовали обстоятельства, уступать, чтобы затем снова перейти в наступление, – одним словом, был дипломатом.

Многое в его убеждениях и действиях можно объяснить характером полученного им образования. Иннокентий III подкреплял свои притязания ссылками на юридические сборники, в которых сторонники папства собирали документы, говорившие в его пользу.

Подобно большинству политиков своего времени он был убежден в необходимости подчинить христианский мир папской власти.

В феврале 1198 года, то есть через месяц после избрания, Иннокентий III взял с префекта клятву верности и дал ему инвеституру. В том же году он подчинил себе коммуну, во главе которой стоял «высший сенатор». Папа добился права назначать магистра. Муниципалитет был сохранен, но теперь подчинялся верховной власти папы.

Иннокентий обратился с посланием к ряду итальянских коммун и областей, в котором говорилось о «зверской» («германской») расе, стремившейся к господству над Италией. Особенно подробно папа описывал зверства Генриха VI в Сицилии, где, как он утверждал, нет ни одной семьи, которая «не стала бы жертвой этого тирана».

Однако итальянские города-коммуны отвергали не только императорскую власть, но и папскую. Иннокентий подвел это движение под категорию ереси, опасной для католической веры. Ряду городов была объявлена война, и если она не приняла в Италии широкого размаха, то лишь потому, что папа опасался, как бы эти города не обратились за помощью к императору.

Между тем Флоренция, Сиена, Лукка, Вольтерра, Ареццо, Прато и другие города еще в 1197 году образовали Лигу, дружественную папству и враждебную империи. Иннокентий одобрил ее; он вернул себе те домены, которые принадлежали в этих областях графине Матильде, организовал их администрацию и обеспечил их защиту.

После того как при помощи папы с юга Сицилии были изгнаны германцы, Констанция, вдова Генриха VI и наследница Сицилийского королевства, в ноябре 1198 года поручила Иннокентию III опеку над своим малолетним сыном Фридрихом. Чтобы обеспечить последнему сицилийскую корону, она от его имени отказалась от прав на Германию и Священную Римскую империю.

Не менее искусную дипломатическую игру папа вел во время борьбы за императорский престол между Гогенштауфенами и Вельфами, развернувшейся в 1198–1209 годах.

В борьбе за трон соперничали две партии: одна избрала Филиппа Швабского, брата Генриха VI, другая – Вельфа Оттона Брауншвейгского, сына Генриха Льва. На стороне Филиппа Швабского были воспоминания о его предках-императорах, их владения, поддержка большей части князей и французского короля Филиппа-Августа. Среди влиятельных покровителей у Оттона был только его дядя Ричард Львиное Сердце, поэтому он старался приобрести расположение папы.

Папа решил выступить в роли судьи в этом споре. Иннокентий «освобождал» князей, епископов и даже отдельных горожан от присяги императору и призывал всех поддерживать лишь того кандидата, который признает за папством право утверждения и даже избрания германского императора.

Иннокентий выступил против Филиппа Швабского под предлогом заботы папства о «свободе» германского народа. Если Филипп станет императором, утверждал Иннокентий, то в Германии упрочится династия Гогенштауфенов и «свобода Германии», заключающаяся в праве князей избирать по собственной воле императора, погибнет и уступит место наследственной монархии, что явится смертельным ударом для германской свободы.

В марте 1201 года Иннокентий призвал признать императором Оттона Брауншвейгского и освободил от клятвы верности приверженцев Филиппа. Оттон в ответ поклялся сохранять в целости «владения, регалии и права Римской церкви», в том числе и наследство Матильды.

Однако Филипп продолжал борьбу, и в 1206 году ему удалось отвоевать у Оттона Брауншвейгского его столицу Кельн. Иннокентий III вынужден был вступить с Филиппом Швабским в переговоры и признать его права на престол. Но уже в июне 1208 года Филипп погиб в Бамберге от руки пфальцграфа Оттона Виттельсбахского, которому он отказал в руке своей дочери.

Иннокентий III оказался в затруднительном положении, выйти из которого ему помог Оттон Брауншвейгский. Чтобы привлечь на свою сторону приверженцев Гогенштауфенов, Оттон женился на дочери Филиппа Швабского, Беатрисе; а для того, чтобы удовлетворить Иннокентия III, принял титул императора «милостью Божьей и папы».

В октябре 1209 года Оттон был коронован в Риме. Почувствовав силу, он быстро забыл все свои обещания и клятвы. Оттон овладел землями маркграфини Матильды и напал на владения сицилийской короны в Южной Италии. Лишенный своих светских владений, Иннокентий III обратился к французскому королю Филиппу-Августу и заключил с ним союз.

В ноябре 1210 года папа отлучил Оттона от церкви и освободил его подданных от клятвы верности. С той же энергией, с которой он несколько лет назад защищал Оттона, теперь создавал коалицию против него.

В сентябре 1211 года король богемский, герцоги Австрийский и Баварский, ландграф тюрингский и другие князья, собравшись в Нюрнберге, избрали Фридриха императором Германии. Иннокентий утвердил этот выбор, хотя раньше выступал против того, чтобы Сицилия и Германия оказались в одних руках. Однако вызывающее поведение Оттона заставило его забыть о непосредственном интересе Святого престола.

В марте 1212 года Фридрих прибыл в Рим; он присягнул на верность Иннокентию III за Сицилийское королевство. Затем 9 декабря 1212 года принял корону Германии.

Однако Иннокентию все-таки удалось обезопасить папский престол, получив от Фридриха ленную присягу в отношении Сицилии. Фридриху пришлось также уступить папству и ряд привилегий в нарушение Вормсского конкордата. Обширнейшие архиепископские и монастырские земли выпадали из-под власти императора и в военном смысле, и в финансовом. Поэтому предоставление папе права назначения духовных князей равносильно было подрыву императорской мощи и созданию грозной опасности внутри империи со стороны зависимых от папы прелатов церкви.

Иннокентий III воспользовался борьбой между Капетингами и Плантагенетами для подчинения Англии. Когда освободилась кентерберийская архиепископская кафедра, Иннокентий III, несмотря на противодействие Иоанна Безземельного, отдал ее Стефану Лангтону (1206), затем наложил интердикт на Англию, отлучил короля от церкви, объявил его низложенным и предложил английскую корону Филиппу-Августу. Вынужденный уступить, Иоанн Безземельный отдал Римской церкви Англию и Ирландию и принял их обратно как лен (1213).

Но Англия не хотела делить унижение со своим королем. Во время своей борьбы с баронами и народом вынужденный подписать Великую хартию (1215) Иоанн Безземельный обратился к папе за помощью. Иннокентий III заступился за него.

Англия была надолго превращена в вассальное государство римского престола.

Одним из важнейших направлений международной политики Иннокентия III была организация новых крестовых походов, теперь уже не только против «неверных» мусульман, но и против «язычников» – прибалтийских народов и славян Восточной Европы, а также против еретиков, не признававших папской власти. Денежные сборы, проводившиеся под благочестивыми предлогами (для финансирования Крестовых походов), фактически обогащали папскую казну; проповедь этих походов служила усилению папского авторитета; действительной целью Крестовых походов в глазах папы было сокрушение его врагов и подчинение власти Папской курии новых народов и областей.

По инициативе Иннокентия III был организован Четвертый крестовый поход на Восток (1202–1204). Иннокентий III увидел в этом удобный случай реализовать старые антивизантийские замыслы Папской курии; он рассчитывал, создав угрозу Константинополю, добиться подчинения греческой церкви католическому Риму.

Хитроумные интриги Венеции, не без участия тайной дипломатии Иннокентия III, привели этот поход к совершенно «неожиданным» результатам: вместо Египта, являвшегося официальной целью похода, рыцари креста, «уклонившиеся с пути», разгромили сперва далматинский город Задар, а затем направились к византийской столице. Иннокентий III если не формально, то по существу одобрил перемену направления крестоносной экспедиции. Приличия ради, однако, папа грозил крестоносцам церковными мерами в случае, если они поднимут меч на христианский Константинополь. В 1204 году рыцари креста захватили и жестоко разграбили столицу Византийской империи. Здесь было образовано новое государство крестоносцев – Латинская империя. Взятие Константинополя папа тотчас объявил «чудом божьим».

От разгрома Византийской империи больше всего выиграли венецианские купцы, нанесшие непоправимый удар своей торговой сопернице. Надежды же Иннокентия III на подчинение греческой церкви не оправдались. Ни проповедью, ни силой папство не сумело навязать унию греческому населению ненавистной Латинской империи.

Иннокентий III был также инициатором крестового похода против южно-французских еретиков – альбигойцев, закончившегося страшным разгромом юга Франции. Тот же папа призвал немецкое рыцарство к походу против язычников-ливов и утвердил в Восточной Прибалтике духовно-рыцарский орден меченосцев для обращения прибалтийских язычников в христианство. Он проповедовал крестовый поход против мавров-мусульман в Испании, ознаменованный еврейскими погромами и победой над маврами при Лас Навас де Толоса (1212).

Успехи международной политики Иннокентия III, сделавшие его фактически политическим арбитром Европы, подкреплялись финансовой мощью папства: римская курия становится в это время могущественнейшей финансовой силой в Европе. Выкачивая денежные средства со всех концов католического мира, папство тесно связывается с банкирскими конторами различных европейских стран.

Другим орудием папской дипломатии было твердо проводившееся Иннокентием III право римской курии решать в последней инстанции все судебные дела церкви. Поскольку круг церковных дел был необычайно широк и расплывчат, это давало папе возможность постоянного вмешательства во внутренние дела любого государства, что сыграло известную роль в развитии посольского дела в Европе. Для защиты своих интересов в Папской курии правительства посылали в Рим представителей – «прокураторов». По мере увеличения числа дел в Папской курии прокураторам приходилось задерживаться в Риме на длительные сроки, а иногда их должность принимала характер постоянного представительства при папском дворе.

Среди не столь могущественных государств Иннокентий III пользовался огромным авторитетом. Папа стал сюзереном ряда королей, признавших себя его вассалами. Сицилийское королевство, Швеция, Дания превратились в вассальные владения папы. Португалия еще раньше (1144) признала вассальную зависимость от Святого престола и возобновила феодальную присягу при Иннокентии III. В 1204 году вассалом папы стал арагонский король, в 1207 году – польский король. Короли Болгарии и Сербии добивались покровительства Иннокентия, обещая ему взамен унию с католической церковью. Вассальную зависимость от папы признала даже далекая Армения.

Успешной была борьба Иннокентия III и с королем Франции Филиппом II. Филипп II, женившись на датской принцессе Ингеборге, вскоре удалил ее от себя и решил вступить в брак с Агнесой Меранской. Папа шантажировал короля, затрудняя его бракоразводный процесс с Ингеборгой. Заключение и расторжение брачных союзов между коронованными особами в те времена было одним из эффективных дипломатических приемов.

Впрочем, Филипп II был смелым и решительным политиком, поэтому Иннокентий III предпочитал использовать его как союзника.

Последним крупным актом правления Иннокентия III был созыв Вселенского собора в Латеране в ноябре 1215 года. На соборе присутствовало 412 епископов и 800 аббатов или приоров. Собор принял 70 постановлений (канонов). Многие из этих постановлений свидетельствуют о возвышенном и смелом уме Иннокентия III, высоком представлении относительно влияния церкви на общество, искреннем желании улучшить духовенство и сделать его по благочестию, просвещению и чистоте нравов достойным своей роли.

На соборе была выработана инструкция для предстоящего крестового похода. Крестоносцы должны были двинуться в путь в мае 1217 года; были уже определены пункты сбора отдельных отрядов, и папа обещал лично благословить их. Но сделать это не успел: объезжая Италию, он внезапно скончался в Перудже в июле 1216 года, в возрасте 56 лет.

Фридрих II Штауфен

(1194–1250)

Король Сицилии с 1197 года, германский король с 1212 года, император Священной Римской империи с 1220 года. Превратил Сицилийское королевство в централизованное государство.

Фридрих II, один из умнейших и циничнейших дипломатов Средневековья, – весьма своеобразная фигура на императорском престоле. Сын немецкого императора Генриха VI Гогенштауфена и сицилийской принцессы из норманского дома, он вырос в Палермо, главном городе Сицилии, где переплетались византийское, арабское и европейское влияния.

Его отец скончался в 1197 году, оставив трехлетнего Фридриха наследником императорского престола. Опекуном Фридриха стал самый могущественный из пап Средневековья – Иннокентий III.

В 1209 году Фридрих достиг совершеннолетия и через несколько месяцев женился на вдовствующей венгерской королеве, которая была старше его на десять лет.

В марте 1212 года Фридрих присягнул на верность Иннокентию III как сюзерену Сицилийского королевства. После чего во главе небольшого отряда перешел через Альпы и вступил в Германию, где встретил горячую поддержку местных князей. Заручившись помощью французского короля Филиппа-Августа, Фридрих победил своего конкурента в борьбе за престол Оттона Брауншвейгского и 9 декабря 1212 года принял в Майнце корону Германии.

На многолюдном франкфуртском съезде в ноябре 1214 года Фридрих принял изъявления покорности от герцога Брабантского, последнего могущественного союзника Оттона, а к лету 1215 года вся империя признала его своим повелителем.

Итак, Фридрих II стал владетелем Германии и Сицилии. Этого больше всего опасался Иннокентий III, поставивший Фридриху условие, чтобы императорский и сицилийский скипетры не соединялись в одних руках. Фридрих без долгих размышлений согласился на это условие. Сицилийское королевство считалось «заложным», папа признавался его верховным владыкой, а Фридрих в отношении своих сицилийских владений – лишь ленником, поскольку император не имел права объединить Сицилийское королевство с империей.

Политика Фридриха II состояла в том, чтобы укреплять свою власть и увеличивать свои доходы в богатом Сицилийском королевстве, которое он считал главным из своих владений и называл «зеницей ока»; путем уступок духовным и светским феодалам жить в мире с Германией, используя ее военные ресурсы; окружить папу со всех сторон и подчинить его себе, до поры до времени держась с ним осторожно; наконец, принудить к повиновению североитальянские города.

В июле 1215 года Фридрих II торжественно принял крест и обещал в скором времени возглавить крестовый поход против неверных.

На IV Латеранском соборе был назван крайний срок отъезда Фридриха II в крестовый поход – 1 июня 1216 года. Однако этот отъезд не состоялся. В империи обострилась борьба духовных князей против императорской власти, и Фридрих вынужден был отказаться в пользу князей от многих своих привилегий: права чеканить монету, устанавливать пошлину, открывать рынки и строить города. Он отказался от сполий, то есть права наследовать движимое имущество епископов и аббатов и пользоваться доходами их имений до назначения преемника. Благодаря этим уступкам духовенству девятилетний сын Фридриха был избран наследником римского короля.

В 1220 году после долгого торга с князьями Фридрих II отправился в Рим, где был коронован Гонорием III в императоры, и дал торжественный обет в 1221 году уже быть в Малой Азии. Предварительно он издал крайне суровый закон против еретиков, являвшийся как бы платой за отсрочку крестового похода. Однако беспорядки в Северной Италии и Сицилии вновь задержали Фридриха.

В ноябре 1225 года император женился на королеве иерусалимской. Брак был заключен по политическому расчету. Сразу после свадьбы Фридрих II принял титул короля иерусалимского и потребовал, чтобы палестинские бароны и рыцари присягнули ему на верность.

Положение Фридриха ухудшилось после смерти папы Гонория III. Новый папа Григорий IX, решительно потребовал немедленного отъезда императора на Восток.

Под угрозой отлучения от церкви Фридрих все-таки вынужден был отправиться в крестовый поход. Летом 1227 года он собрал в Бриндизи (на юге Италии) огромную армию в 60 тысяч рыцарей и крестьян. Однако вскоре он вернулся обратно, ссылаясь на эпидемию лихорадки, из-за которой его армия заметно поредела. Но в лице престарелого папы Григория IX Фридрих встретил достойного противника. Под угрозой интердикта он потребовал от жителей Сицилийского королевства выдачи ему императора. Фридрих со своей стороны грозил Григорию свергнуть его с папского престола и избрать нового папу. Тогда Григорий отлучил его от церкви и запретил крестовый поход под предводительством императора.

Несмотря на это, в 1228 году Фридрих отправился в крестовый поход, ставший его личным и династическим делом ввиду его притязаний на Иерусалимское королевство. На Востоке у него были дружеские связи с египетским султаном Эль-Камилем. Путем дипломатических переговоров с мусульманскими властями Фридрих достиг, несмотря на противодействие папских представителей, очень почетного мира на десять лет и выгодных условий. Дипломатическим путем Фридриху удалось получить то, чего тщетно добивались кресто-

носцы силой оружия. В силу соглашений 18 февраля 1229 года Иерусалим (за исключением мечети), Назарет, Вифлеем, Сидон и вся местность, через которую пролегала пилигримская дорога от Яффы к Иерусалиму, были переданы султаном Фридриху, и свобода богослужения была предоставлена во всех этих местах как христианам, так и мусульманам. Правда, это было достигнуто ценой важных уступок – Фридрих обязался не помогать палестинским христианам в их борьбе с египетским султаном, в руках которого остались укрепленные пункты Палестины. В храме Гроба Господня Фридрих сам возложил на себя корону Иерусалимского королевства без всякого церковного обряда.

Однако папа не хотел и слышать о мире, в котором признавалось равенство «неверных» с христианской церковью, наложил поэтому интердикт на Иерусалим и запретил пилигримам посещать «святые места». Григорий IX всеми средствами возбуждал против Фридриха палестинских феодалов, особенно духовно-рыцарский орден тамплиеров; венецианцы по наущению папы напали на владения Фридриха в Сирии.

Вернувшись в Италию, Филипп к концу 1229 года очистил от папских наемников не только Северную и Центральную Италию, но и южную часть страны. Победа эта привела к тому, что с Фридриха была снята анафема и он был возвращен в лоно церкви.

В 1230 году в Сан-Джермано между папой и императором был заключен мир. Материальных выгод Фридрих II от своей победы не получил и даже вынужден был вернуть захваченные им земли в Папской области, возместить убытки защитникам папы и уплатить штраф. Кроме того, он взял на себя обязательство не облагать в дальнейшем духовенство налогом, не судить королевским судом представителей духовенства и не оказывать давления на исход выборов епископов и аббатов. Однако папство не имело повода для торжества. Фридрих утвердился в Северной Италии и создал вокруг Папской области кольцо имперских владений.

В 1239 году Григорий IX снова отлучил императора от церкви, обвинив его в нарушении церковной свободы, налогообложении духовенства, вмешательстве в епископские выборы, захвате папских владений, в невыполнении обязательства по организации крестового похода и т. п.

Смерть Григория IX лишь на короткое время отсрочила дальнейшее обострение борьбы.

На соборе 1245 года в Лионе был обнародован декрет о лишении Фридриха престола ввиду того, что он клятвопреступник и еретик, совершил святотатство и вероломство. В Италии и Германии в среде духовенства против императора возникли заговоры, в которые сторонникам папы удалось вовлечь ближайших советников императора.

Но даже в этих условиях Фридрих II влиял на выборы епископов. В 1239–1250 годах, во время яростной борьбы с Папской курией, епископы, аббаты и клирики, являвшиеся сторонниками папы, арестовывались или изгонялись из королевства; был создан епископат, полностью изолированный от Рима.

Сильной стороной его дипломатии являлись гибкость, знание человеческих слабостей, энергичность. Однако излишняя порывистость иногда слишком рано открывала недругам его замыслы. Но он быстро находил неожиданные ходы, ставившие в тупик его противников. Фридрих умел быть милостивым, проявлял иногда великодушие, но в то же время способен был и к беспредельному деспотизму, к беспощадной жестокости, к вероломству и необузданной мстительности.

В декабре 1250 года во время подготовки похода в мятежную Ломбардию Фридрих заболел и вскоре умер.

Филипп IV Красивый

(1268–1314)

Французский король (1285–1314) из династии Капетингов. Расширил территорию королевского домена. Поставил папство в зависимость от французских королей (Авиньонское пленение пап). Созвал первые Генеральные штаты (1302). Добился от папы упразднения ордена тамплиеров (1312).

Филипп Красивый родился в Фонтенбло в 1268 году. Его отец, Филипп III Смелый, в первом браке был женат на Изабелле Арагонской, которая родила ему трех сыновей: Людовика, Филиппа Красивого и Карла Валуа. Во второй раз он женился на Марии Брабантской, графине Фландрской, королеве Сицилии и Иерусалима.

Филипп IV был коронован в Реймсе в возрасте семнадцати лет. Он пришел к власти после кончины отца во время похода в Арагонию. В 1284 году Филипп женился на Жанне,

королеве наваррской и графине де Шампань. От этого брака он имел трех сыновей – Людовика X Сварливого, Карла IV Красивого и Филиппа V Длинного и дочь Изабеллу.

При Филиппе IV были заложены основы всей дальнейшей французской дипломатии. Раньше дипломатические сношения Франции с иностранными государствами сводились к редким и кратковременным миссиям. Переговоры велись большей частью устно. Лишь при Филиппе заведены были письменные дипломатические сношения и посольства стали частым явлением.

Дипломатическим путем были разрешены сицилийский и арагонский вопросы, которые достались в наследие Филиппу Красивому от отца. Он сразу прекратил военные действия и не поддержал претензий своего брата Карла Валуа, мечтавшего стать арагонским (или сицилийским) королем. Для того чтобы уладить конфликт, был даже созван в 1291 году в Тарасконе настоящий международный съезд – нечто вроде конгрессов нового времени, – на котором присутствовали представители папы, французского, английского, неаполитанского и арагонского королей и где обсуждались общеевропейские дела.

В отношениях с английским королем Эдуардом I политика Филиппа IV была более жесткой. Между подданными двух государств часто случались конфликты. Воспользовавшись одним из них, Филипп в 1295 году призвал английского короля, как своего вассала, на суд парижского парламента. Эдуард отказался подчиниться, и ему была объявлена война. Но уже в 1297 году Эдуард, занятый тяжелой войной в Шотландии, заключил с Филиппом перемирие, а в 1303 году – мир, по которому Гиень была оставлена за английским королем. Короли даже скрепили свой союз родственными узами – дочь Филиппа Изабелла стала супругой сына и преемника Эдуарда – Эдуарда II.

Франция превращалась в сильную феодальную монархию, что привело к столкновению с папством, которое, одержав победу над Священной Римской империей, продолжало властно вмешиваться в дела европейских государей, претендовать на господство в Европе и «во всем мире».

В противоборстве с папой Бонифацием VIII в полной мере раскрылись дипломатические таланты Филиппа IV.

Реформы, вводимые французским королем в государственном аппарате, как и война практически на двух фронтах с Англией в Гиени и во Фландрии, – все это стоило немалых денег. Поэтому Филипп (как, впрочем, и английский король Эдуард I) обложил налогом церковное имущество. Бонифаций ответил в 1296 году грозной буллой, запрещавшей под страхом отлучения светским государям облагать духовенство какими бы то ни было налогами, а духовенству уплачивать что-либо без папского разрешения. Это запрещение наносило удар по одному из основных прав монарха.

Тогда французский и английский короли стали забирать поместья у всех, кто слушался папу. Филипп пошел еще дальше: специальным указом он запретил вывоз золота и серебра из королевства, и тем самым римская курия лишилась всех поступлений из Франции. Последовала резкая полемика: возмущенные послания папы и анонимные памфлеты поборников королевских интересов. Однако когда спустя два года французский и английский короли заключили мир, римский папа, формально приглашенный на французско-английские мирные переговоры, был вынужден временно отступить.

В течение нескольких лет Филипп IV держал папу под постоянной угрозой союза с его злейшими врагами в Италии и вместе с тем изредка оказывал папе денежную помощь, в которой тот так нуждался.

Бонифацию VIII все-таки удалось подавить выступление оппозиции.

Однако французский король решил, что он не позволит вмешиваться папе не только в мирские, но даже в церковные дела своей страны. В 1301 году прежний спор об обложении духовенства перерос в общий спор о правах папского престола и французского короля.

Очередным поводом для обострения отношений стало дело папского легата, посланного к Филиппу за сбором денег для крестового похода и задержанного во Франции.

Папский легат епископ Памьерский Бернар Сессе, не добившись уступок, стал грозить Филиппу интердиктом. Филипп велел арестовать легата и заключить под стражу в Санли. Он потребовал от папы, чтобы тот низложил Бернара и позволил предать его светскому суду.

Папа в ответ настаивал на немедленном освобождении легата. Бонифаций лишил французского короля права собирать налоги с духовенства и запретил французскому клиру платить что-либо королю без разрешения папы. Он обвинял Филиппа IV в захвате церковного имущества, в тиранических действиях и других проступках и объявлял о своем решении созвать французское духовенство на церковный собор, который должен был открыться в Риме 1 ноября 1302 года.

Филипп велел торжественно сжечь папскую буллу на паперти собора Парижской Богоматери. Последовала искусная кампания против папы, организованная легистами. Были пущены в ход фальшивки: вымышленные папские буллы и вымышленные же ответы на них короля. Эти фальшивки многими принимались за правду. Играя на национальных чувствах, легисты представляли дело как стремление Бонифация превратить Францию в вассальное государство. Сторону короля приняли университеты, монастыри и города; прозвучали голоса, требования созвать церковный собор и сместить недостойного – папу.

В апреле 1302 года Филипп IV созвал в Париже первые в истории Генеральные штаты. На них присутствовали представители духовенства, бароны и прокуроры главных северных и южных городов. Чтобы возбудить негодование депутатов, им зачитали подложную папскую буллу, в которой претензии папы были усилены и заострены.

В мае 1302 года во Фландрии вспыхнуло восстание, вызванное тяжелым бременем налогов. В знаменитой «битве шпор» при Куртрэ ополчения фландрских городов нанесли жестокое поражение королевским рыцарям. Вся Фландрия была очищена от французов.

В апреле 1303 года папа отлучил короля от церкви и освободил семь церковных провинций в бассейне Роны от вассальной зависимости и от присяги на верность королю. Тогда Филипп объявил Бонифация лжепапой (действительно, существовали некоторые сомнения в законности его избрания), еретиком и даже чернокнижником.

Французский король потребовал созвать Вселенский собор, но при этом говорил, что папа должен быть на этом соборе в качестве пленника и обвиняемого. От слов он перешел к делу.

Один из видных (и наиболее хитроумных) членов королевского совета, легист Гийом Ногаре, был направлен к папе с вызовом на церковный собор. Но после встречи с Ногаре папа заболел и 11 октября умер.

Притязания пап на верховенство потерпели поражение в борьбе с королевской властью. Важным последствием борьбы Филиппа IV с Бонифацием VIII было еще и то, что король впервые установил прецедент обращения с апелляцией на папские решения ко Вселенскому собору, который ставился таким образом выше папы. Этой идее суждено было впоследствии сыграть важную роль как во время раскола в Западной церкви, так и несколько веков спустя.

В 1304 году во главе 60-тысячной армии король предпринял новый поход во Фландрию. В конце концов ему удалось в результате не столько военных действий, сколько ловких дипломатических маневров навязать Фландрии в 1305 году мир. Фламандцы сохранили все свои права и привилегии. Однако должны были выплатить большую контрибуцию. В залог уплаты выкупа король взял себе земли на правом берегу Лиса с городами Лилль, Дуэ, Бетюн и Орши. Филипп должен был вернуть их после получения денег, но вероломно нарушил договор и навсегда оставил их за Францией.

После понтификата Бенедикта XI, длившегося всего несколько месяцев, кардиналы в июне 1305 года избрали архиепископа из Бордо Бертрана де Го, вошедшего в историю как Климент V.

Моральное торжество Филиппа было увековечено в булле Климента V, признавшей «усердие» Филиппа в споре с Бонифацием «добрым и справедливым». Климент до самой смерти оставался послушным исполнителем воли французского короля.

Тем временем французская дипломатия проявляла необычайную активность и лелеяла захватнические планы. В пограничной полосе между Францией и Германией находилось множество лишь формально зависевших от империи больших и малых феодальных княжеств, между которыми шли нескончаемые территориальные споры. Стоило в этих распрях кому-нибудь из них опереться на империю, как немедленно другая сторона обращалась за помощью к Франции. Французское влияние распространилось на все спорные области франко-германской границы, в лотарингские владения, в Лион, признавший окончательно в 1312 году суверенитет французского короля, в Валансьен, горожане которого восстали против своего графа и заявили требование «принадлежать французскому королевству».

В правление императора Альбрехта Австрийского во время свидания его с Филиппом IV в Вокулере имели место, как утверждают, секретные переговоры. Филипп втайне обязался помочь Альбрехту сохранить императорскую корону в наследственном владении Габсбургского дома, взамен чего Альбрехт должен был уступить Филиппу IV обширные территории – левый берег Рейна и долину Роны.

Со смертью же Альбрехта Австрийского, убитого в 1308 году, замыслы французской дипломатии стали и вовсе грандиозными.

Для этого Филипп решил попытаться возвести на императорский престол своего брата Карла Валуа, который был создан скорее для битв и турниров, нежели для политики.

Один из доверенных людей короля Филиппа IV, неутомимый легист Пьер Дюбуа, представил королю конфиденциальную записку. Он рекомендовал Филиппу самому короноваться императором Священной Римской империи при помощи Климента V в обход своего брата Карла Валуа.

Дюбуа мечтал присоединить к Франции левый берег Рейна или Прованс, Савойю и получить те права, которыми располагала империя в Ломбардии и Венеции. Через династические связи французский король будет держать в руках Италию и Испанию.

Однако перспектива всемирной монархии Капетингов была слишком большой опасностью для всех ее соседей. Против этого ополчились все, и в первую очередь германские князья и даже папа Климент V. Их совместными усилиями планы французской дипломатии были провалены, и на германский престол был возведен не Валуа, а Генрих Люксембургский.

Таким образом, несмотря на изощренные маневры Филиппа IV и его легистов, несмотря на подкуп и запугивание, ему во второй раз не удалось завладеть империей.

Говоря о Филиппе IV, нельзя не упомянуть так называемый процесс ордена тамплиеров.

По приказу Филиппа в 1307 году все члены ордена тамплиеров по всей Франции были в один день арестованы. Их обвинили в надругательстве над крестом, идолопоклонстве и содомии. При этом отнюдь не исключено, что Филипп верил многому из того, что говорилось о тамплиерах в народе (их упрекали в светскости и гордыне, в темных обрядах и многом другом). Однако самую большую роль в решении короля сыграли все-таки деньги. По некоторым данным, Филипп Красивый задолжал этому богатейшему ордену огромную сумму.

Климент V созвал в октябре 1311 года в городе Вьенне общий церковный собор, где под давлением французского двора было принято решение упразднить орден тамплиеров, а его имущество конфисковать, что и произошло в апреле 1312 года. Первоначально конфис-

кованные средства предусматривалось перевести другому ордену и употребить для организации новых крестовых походов, однако большая часть этого огромного имущества досталась самому Филиппу и другим монархам, которые тоже запретили на своих территориях орден тамплиеров и обогатились за его счет.

К концу правления Филиппа IV Франция стала самой могущественной державой в Европе: папская власть была повержена, Германская империя утратила всякое влияние, ее князья находились одни на жалованье у Филиппа, другие – у английского короля.

Филипп умер 29 ноября 1314 года в Фонтенбло.

Чжэн Хэ

(1371–1435)

Китайский флотоводец и дипломат. С 1405 по 1433 год руководил семью посольскими миссиями к берегам Индокитая, Явы, Суматры, Индостана, Восточной Африки и ряда островов Индийского океана.

В начале XV века правительство династии Мин решило использовать для внешнеполитического воздействия экспедиции китайского флота в южные и западные моря. Морские экспедиции должны были в первую очередь обеспечить усиление китайского влияния в заморских странах.

Наиболее значительными из морских экспедиций этого времени были походы флота под начальством Чжэн Хэ, продолжавшиеся с некоторыми перерывами с 1405 по 1433 год.

Сведения о личности самого Чжэн Хэ можно почерпнуть из открытой в 1894 году надписи на могильном камне его отца, составленной в 1405 году.

Чжэн Хэ родился в 1371 году в городе Куньян провинции Юньнань (примерно в 50 км к югу от города Куньмина). Отец Хэ был мусульманином и носил фамилию Ма. По предположениям, предки отца и деда Хэ были выходцами из Западного Края, как китайцы раньше называли Центральную Азию. В семье родились четыре дочери и два сына, из которых Хэ был младшим.

В 1382 году, когда в Юньнань вошли китайские войска династии Мин, 11-летний Хэ попал в плен и был оскоплен. Его собирались отправить на службу в один из богатых и знатных домов.

В 1385 году войска, захватившие Хэ, были переброшены на север и увезли его с собой. Здесь он попал в услужение к одному из сыновей основателя династии Мин – Чжу Ди, которому император доверил оборону северо-западных рубежей своей страны от монголов. В 90-х годах XIV века Чжу Ди стал брать с собой в походы и молодого евнуха, который также оказался способным воином.

После смерти императора в 1398 году разразилась междоусобная война, завершившаяся в 1402 году победой Чжу Ди. Сразу после провозглашения его императором, Чжу Ди начал рассылать в заморские страны послов с манифестами, извещавшими о его вступлении на престол. В 1403–1404 годах китайские посольства с известием о начале нового правления посетили все более или менее крупные страны южных морей.

Во время новогодних торжеств в 1404 году особо отличившимся участникам этой войны были пожалованы награды и титулы. Среди них был и Хэ, который с этого времени получил фамилию Чжэн и был произведен в высшие дворцовые евнухи – тайцзяни. Дальнейшая его судьба связана с началом в 1405 году морских экспедиций.

Почему император доверил руководство посольством именно Чжэн Хэ? Дело в том, что в 1404 году он уже получал предписание возглавить посольство в Японию. Очевидно, Чжэн Хэ успешно справился с заданием и приобрел необходимый опыт флотоводца. Кроме того, он был мусульманином и почитателем буддизма – имел даже буддийское прозвище Три Саньбао (Драгоценности), что должно было ему помочь в установлении контактов с правителями и населением стран, где исповедовались названные религии.

Как указано в составленной придворными историографами «Мин ши» («Истории династии Мин»), в первое плавание Чжэн Хэ вывел 62 больших корабля. В последующих экспедициях участвовало от 40 до 60 больших кораблей.

Чжэн Хэ был назначен «главным послом» и главнокомандующим; обязанности помощника главнокомандующего исполнял Ван Моу.

Флот Чжэн Хэ покинул берега Китая в январе 1406 года.

От берегов Фуцзяни флот Чжэн Хэ направился к Тямпе, далее – к острову Ява, а оттуда к северо-западному побережью Суматры в страну Самудра. Выйдя в Индийский океан, китайский флот пересек Бенгальский залив и достиг острова Цейлон. Затем, обогнув южную оконечность Индостана, Чжэн Хэ посетил несколько богатых торговых центров на Малабарском берегу, в том числе крупнейший из них – Каликут.

Сразу же по возвращении из похода осенью 1407 года флот Чжэн Хэ был вновь отправлен «в далекое плавание». Он совершил еще шесть экспедиций. Во время четвертой (1413–1415) китайские корабли дошли до Ормуза в Персидском заливе, а во время следующей (1417–1419) – посетили Лясу (пункт в районе современного города Мерса-Фатима в Красном море) и ряд городов на Сомалийском берегу Африки – Могадишо, Браву, Чжубу и Малинди.

В чем же состояли дипломатические задачи Чжэн Хэ? Его современники или участники морских экспедиций – Ма Хуань, Фэй Синь, Гун Чжэн пишут, что дипломатические миссии укрепляли великие основы правящей династии, чтобы простерлась ее власть на десять тысяч поколений. Иначе говоря, перед морскими экспедициями ставилась задача «привлечения» посольств из заморских стран в Китай.

Наряду с этим местным властителям вручались богатые подарки, что в немалой степени способствовало дипломатическому успеху экспедиций. В некоторых случаях Чжэн Хэ одаривал не только правителей заморских стран, но и их приближенных и даже население. На кораблях Чжэн Хэ доставлялись в Китай ответные дары местных властителей.

Отличие дипломатической деятельности морских экспедиций начала XV века от практики более ранних посольств было и в том, что китайский флот обходил поочередно сразу несколько заморских стран, а не направлялся в какую-либо отдельную страну.

Но китайцам не всегда удавалось добиться своих целей дипломатическими средствами.

Первое крупное военное столкновение произошло в Палембанге (Восточная Суматра) осенью 1407 году. Затем пришлось применить силу на Цейлоне (1411) и в стране Самудра (Северо-Западная Суматра) (1415).

Военные действия проводились китайским флотом и против пиратов, являвшихся тогда серьезным препятствием к развитию сообщения по южным морям. Это должно было обеспечить безопасность посольского обмена со странами южных морей, а также в немалой степени способствовало успешному развитию внешней морской торговли в этом районе. По свидетельству Фэй Синя, после разгрома Чэнь Цзу-и в 1407 году «на морях воцарился порядок и смирение». В мемориальной надписи Чжэн Хэ на Цейлоне говорится об экспедиции 1407–1409 годов: «Когда наши послы были направлены огласить императорские манифесты всем иноземцам, морские пути оказались свободными».

Сильные военные эскорты, направлявшиеся с китайскими посольствами в начале XV века, в большинстве случаев гарантировали не только их эффективность, но и безопасность самих послов. Однако если все же с ними происходили в заморских краях инциденты, китайское правительство не оставляло это без последствий, в то же время стараясь не нарушить нормальный посольский обмен.

Такое сочетание дипломатических методов с демонстрацией военной силы обеспечивало успех деятельности китайских морских экспедиций в большинстве стран южных морей. Почти все они предпочитали направлять свои посольства в Китай либо вместе с экспедициями, либо вслед за ними.

В середине 1420-х годов в Китае возобладала политическая линия на резкое сокращение связей с морскими странами. Однако через несколько лет сторонники оживления посольского обмена вновь взяли верх.

Летом 1430 года императорским указом Чжэн Хэ было приказано отправиться в новую заморскую экспедицию. Ее целью было восстановление положения, сложившегося в отношениях Китая со странами южных и западных морей к началу 20-х годов XV века. Любопытно отметить, что Чжэн Хэ и его соратники везли в заморские страны манифест с известием о вступлении на престол нового императора с опозданием на пять лет.

Эта последняя по счету экспедиция Чжэн Хэ и последовавшая за ней экспедиция его ближайшего помощника Ван Цзин куна (1434–1435) оказались успешными. Посольские связи стран южных морей с Китаем вновь оживились, а из Малакки (1433) и Самудры (1434) прибыли к императорскому двору сами правители этих стран.

В 1435 году, вскоре после возвращения из своего седьмого плавания, Чжэн Хэ умер в Нанкине. Дело, которому он посвятил свою жизнь, не пропало даром. Укрепилось влияние Китая в южных морях, росли китайские переселенческие колонии, окрепли дипломатические и культурные связи между странами.

Людовик XI

(1423–1483)

Французский король (1461–1483) из династии Валуа. Проводил централизаторскую политику. Присоединил к королевскому домену Анжу, Пикардию и другие территории. Покровительствовал ремеслам, торговле. Один из родоначальников современного дипломатического искусства.

Людовик XI, родившийся в 1423 году, был сыном французского короля Карла VII и Марии Анжуйской. Еще будучи дофином, он принимал участие в восстании дворянства против своего отца. Получив прощение короля, Людовик удалился в свою провинцию Дофине.

В 1444 году Людовик вместе с отцом участвовал в походе наемников на Швейцарию и Эльзас. После смерти первой жены, юной Маргариты Шотландской (1445), Людовик

женился против воли короля на Шарлотте, дочери савойского герцога. После жесточайшей ссоры дофин покинул двор, поклявшись возвратиться лишь после смерти отца.

Ждать пришлось долгих шестнадцать лет. 22 июля 1461 года, когда Людовик находился у своего дяди в провинции Эно, ему сообщили, что король «отошел в мир иной».

Не дожидаясь, пока новая супруга, Шарлотта Савойская, будет готова сопровождать его, он немедленно отправился в Реймс, где намечалось провести коронацию. После коронации, в окружении четырнадцати тысяч всадников, Людовик XI въехал в Париж.

После торжеств Людовик XI отбыл в провинцию Турень. Для того чтобы знать истинное положение дел в государстве, Людовик много ездил по стране. В простой одежде, без свиты, король ходил по улицам городов и заводил разговоры с людьми разных сословий. Он презирал роскошь, пышные празднества.

При Людовике XI в основном завершилось объединение Франции. Но на этом пути королевской власти предстояло преодолеть немало препятствий. После окончания Столетней войны (1337–1453) наряду с применением военной силы стали довольно часто использоваться дипломатические приемы. Людовика XI нередко называют родоначальником современного дипломатического искусства. И действительно, этот король был непревзойденным дипломатом не только для своего времени. В борьбе за расширение своих владений Людовик, прежде чем доводить дело до военного столкновения, часто прибегал к переговорам, в ходе которых применял различные хитрости и интриги, не останавливаясь перед подкупом, обманом и вероломством.

Еще будучи дофином и непрерывно интригуя против своего родного отца, Людовик в течение ряда лет вел тайные переговоры с Венецией, Флоренцией и Миланом. Благодаря этому постоянному общению с итальянцами и особенно с Франческо Сфорца, которого Людовик считал образцом искусного дипломата, этот способный ученик в совершенстве усвоил манеры и методы итальянских дипломатов, и в первую очередь их гибкость, умение приспособляться к обстоятельствам, их склонность к сложной интриге.

В борьбе со своими многочисленными врагами Людовик по возможности старался избегать открытой атаки, будучи глубоко убежденным в том, что хитрость лучше, чем сила. Ссорить своих врагов, создавать им тысячи препятствий, неожиданно выступить в роли арбитра между ними и добиться таким образом в нужный момент перемирия или мира – такова была тактика короля.

Людовику было 38 лет, когда он вступил на французский престол. Серьезнейшим испытанием дипломатических талантов Людовика в первые годы его правления была борьба с образовавшейся против него большой коалицией феодальной знати, так называемой Лигой общественного блага (1465). Душой Лиги был герцог Бургундский Карл Смелый, влиятельнейший из удельных князей в роде Валуа. Подлинной целью Лиги было всеми средствами закрепить раздробление страны на уделы. Чтобы справиться с этой опасностью, Людовик уступил Геную Франческо Сфорца и приобрел в нем хитрого и ценного союзника. Этот искушенный кондотьер дал Людовику совет, которым король и руководствовался в борьбе с Лигой: «Разделите своих врагов, – сказал ему Франческо Сфорца, – временно удовлетворите требования каждого из них, а затем разбейте их поодиночке, не давая им возможности объединиться».

В октябре 1465 года Людовик заключил мир в Конфлане с герцогом Бургундским и особый договор с остальными союзниками в Сен-Мере. Чтобы рассорить их и обмануть каждого в отдельности, Людовик согласился на все деспотические требования союзников, стремившихся поделить между собой всю Францию. Король отдал Карлу Смелому города и земли на Сомме, незадолго до того выкупленные у него за 400 тысяч золотых экю. Своему брату, герцогу Беррийскому, Людовик отдал Нормандию и уступил сюзеренные права на Бретань, герцогство Алансонское и графство Э. Значительные пожалования землями, пра-

вами и прибыльными должностями получили и другие участники Лиги. Этими договорами Лига общественного блага была разоблачена до конца: во время мирных переговоров каждый из восставших вассалов, забыв об общественном благе, хлопотал лишь о том, чтобы урвать себе большую часть добычи.

Вскоре ему удалось рассорить герцога Беррийского с герцогом Бретанским. Затем король вторгся в Нормандию и за несколько недель овладел всей провинцией.

В 1468 году король собрал Генеральные штаты в Туре. Это собрание решило, что Нормандия больше не может отчуждаться от королевских владений и герцог Беррийский должен отказаться от нее за годовую ренту в 12 тысяч ливров. После этого Людовик вошел с войском в Бретань и завладел всеми пограничными имениями Франциска. В сентябре он вынудил его заключить мирный договор. Бретань лишалась всех приобретений, полученных по Сен-Мерскому договору, была поставлена в ленную зависимость от короля французского и обязалась разорвать союзные отношения с Бургундией.

В это время Карл Смелый, получив сообщения о походе Людовика, собрал армию и двинулся с ней во Францию. В пути он узнал, что герцог Беррийский отказался от претензий на Нормандию, а герцог Бретанский принял все требования короля. Людовик и Карл Смелый договорились встретиться в Пероне. Герцог Бургундский пообещал королю дружественный прием и полную безопасность.

Людовик XI отправился в Перону, взяв с собой всего сто человек свиты. Он был принят Карлом Смелым с большими почестями. Но едва начались переговоры, как пришло сообщение, что восстал город Люттих. Горожане захватили в плен своего епископа и подняли знамя короля Франции.

Карл Смелый пришел в ярость. Обвинив во всем короля, он велел запереть ворота. От скорой расправы Людовика спас Филипп де Коммин, посоветовавший королю принять все условия герцога. Людовик подписал предложенный ему договор, по которому признавал, что парижский парламент не имеет власти над Фландрией и Пикардией, а сам он не имеет никаких ленных прав на эти области. Людовик соглашался отдать своему брату герцогу Беррийскому Шампань. Наконец, обещал, что примет участие в походе против города Люттиха и будет присутствовать, с бургундским крестом на шляпе, при казни своих тайных союзников, люттихских мятежников. Через неделю после подписания договора Люттих был захвачен на глазах униженного Людовика и жестоко разграблен.

В начале ноября король возвратился в Париж. Он постарался уменьшить неприятные последствия перонского договора. Своему брату он отдал Гиень вместо Шампани, а с Карлом Смелым сохранял мир всего два года. В 1470 году Людовик созвал в Туре собрание нотаблей (светских и духовных вельмож), перечислил все обиды, которые претерпел от своего вассала герцога Бургундского, и попросил освободить его от соблюдения перонского договора. Разумеется, собрание просьбу короля удовлетворило.

Вскоре Карл Смелый был вызван на суд парижского парламента. Объявление войны застало герцога врасплох. Французы вторглись в бургундскую Пикардию, легко овладели Амьеном, Сен-Контеном и другими городами. Правда, потом Карлу удалось перехватить инициативу, и в ноябре 1472 года Людовик заключил с ним мир. До этого король успел подписать мирный договор с герцогом Бретанским.

Французский король благоразумно отказался от продолжения военных действий против Карла Смелого. Как показали дальнейшие события, такая политика себя оправдала. Воинственный герцог не мог долго жить в мире. Вскоре Карл был отвлечен от французских дел кампаниями в Лотарингии, Германии, Швейцарии и Нидерландах.

В 1472 году внезапно умер брат короля, герцог Гиенский, и Людовик овладел его уделом. Затем пришла очередь графа Арманьяка, который в июне того же года поднял мятеж. В марте 1473 года французы осадили его в Лектуре. Город капитулировал, но все равно под-

вергся разгрому. Сам граф Арманьяк был убит, а его брат заключен в тюрьму. Главу младшей линии дома Арманьяков, герцога Немурского, посадили в Бастилию и казнили в 1477 году.

После гибели династии Арманьяков Людовик установил свою власть почти над всеми владениями Южной Франции. Смерть бездетного герцога Анжуйского Рене в 1480 году, а затем его племянника Карла Мэнского принесли королю Анжуйское наследство и права на Неаполитанское королевство.

Оставался еще герцог Бургундский Карл Смелый. Людовик сумел отвлечь Карла Смелого от союза с английским королем Эдуардом IV, купив последнего щедрой ежегодной рентой.

Таким же образом Людовик купил себе союз швейцарцев, заключив так называемый «вечный союз» с восемью кантонами, из которых тогда состояла Швейцарская федерация.

Обеспечив себе нейтралитет Англии и натравив на Карла Смелого швейцарцев, Людовик добился гибели своего главного соперника и крушения бургундского могущества. Потерпев несколько сокрушительных поражений от швейцарцев, в январе 1477 года Карл Смелый был убит в битве при Нанси. Его смерть была роковой не только для бургундского дома, но и для всех феодальных владетелей Франции. Огромное Бургундское наследство должно было перейти к дочери Карла Смелого Марии. Законно завладеть ее уделом Людовик мог только посредством брачного союза. Но его собственному сыну было всего шесть лет, в то время как Марии уже исполнилось девятнадцать. Поэтому король должен был искать обходные пути.

В 1482 году во время охоты Мария упала с лошади и через три недели умерла. После нее остались четырехлетний сын Филипп и дочь Маргарета. В декабре 1482 года в Аррасе был заключен мир. По его условиям трехлетняя Маргарета была обручена с сыном Людовика Карлом и отправлена на воспитание в Париж. Франш-Конте и Артуа объявлялись ее приданым. Таким образом, Людовик сумел прибрать к рукам всю Бургундию за исключением Нидерландов. Из других крупных феодальных владений к концу его царствования независимость сохранила только Бретань.

Людовик был одним из самых образованных людей своего времени. Он покровительствовал наукам и искусствам, особенно медицине и хирургии, реорганизовал медицинский факультет в Парижском университете, основал типографию в Сорбонне и вообще способствовал распространению книгопечатания, поощрял торговлю и промышленность. Франция обязана ему организацией почтовой службы.

Правление Людовика XI, имевшее столь важные последствия для объединения Франции, оказало огромное влияние на развитие европейской дипломатии. Людовик еще в первые годы своего правления сумел оценить, какое большое значение для правительства имеют хорошие дипломатические кадры. Он был одним из первых в Европе, кто стремился превратить временные дипломатические миссии в постоянные. Информация как от официальных представителей, так и от тайных агентов, на содержание которых Людовик не жалел денег, использовалась им для выработки своей политической линии в отношении того или иного государства. Французский король и его советник Филипп де Коммин считали посольскую службу важным средством ведения военно-политической разведки.

Объединяя под своей властью земли Франции, Людовик XI лишил французских феодалов права поддерживать сношения с другими странами Европы. После него правом выступать от имени Франции на международной арене пользовались только французские короли.

Людовик умер в 1483 году в своем замке Плесси-ля-Тур.

Иван III

(1440–1505)

Великий князь московский (с 1462). Присоединил Ярославль (1463), Новгород (1478), Тверь (1485), Вятку, Пермь и др. При нем вырос международный авторитет Русского государства, произошло оформление титула – великий князь всея Руси.

Иван III родился 22 января 1440 года. Он происходил из рода московских великих князей. Его отцом был Василий II Васильевич Темный, матерью – княжна Мария Ярославна, внучка героя Куликовской битвы В.А. Серпуховского. Через несколько дней после рожде-

ния мальчика, 27 января, церковь вспоминала «перенесение мощей святителя Иоанна Златоуста». В честь этого великого святителя младенец и был наречен Иоанном.

Желая узаконить новый порядок престолонаследия и отнять у враждебных князей всякий предлог к смуте, Василий II еще при жизни своей назвал Ивана великим князем. Все грамоты писались от имени двух великих князей.

В 1446 году Иван был обручен с Марией, дочерью князя Бориса Александровича Тверского, отличавшегося осторожностью и дальновидностью. Этот будущий брак должен был символизировать примирение вечных соперников – Москвы и Твери.

В последние десять лет жизни Василия II княжич Иван постоянно находился рядом с отцом, участвовал во всех его делах и походах. К 1462 году, когда умер Василий, 22-летний Иван был уже человек много повидавший, со сложившимся характером, готовый к решению трудных государственных вопросов.

Во второй половине 60-х годов XV века Иван III определяет первоочередную задачу своей внешней политики: обеспечение безопасности восточной границы путем установления политического контроля над Казанским ханством. Война с Казанью 1467–1469 годов окончилась в целом успешно для москвичей. Она заставила казанского хана Ибрагима надолго прекратить набеги на владения Ивана III. Вместе с тем война показала ограниченность внутренних ресурсов Московского княжества. Решающие успехи в борьбе с наследниками Золотой Орды могли быть достигнуты только на качественно новом уровне объединения русских земель. Осознав это, Иван обращает внимание свой взор на Новгород. Обширные владения Великого Новгорода простирались от Балтийского моря до Урала и от Белого моря – до Волги. Покорение Новгорода – главное достижение Ивана III в деле «собирания Руси».

Князь Иван «был человек государственного ума, выдающийся политик и дипломат, – пишет его биограф Н.С. Борисов. – Свои эмоции он умел подчинять требованиям обстоятельств… Иван III, не в пример своему отцу, всегда тщательно просчитывал все возможные последствия своих поступков. Новгородская эпопея может служить тому наглядным примером. Великий князь ясно понимал, что трудность заключается не столько в том, чтобы завоевать Новгород, сколько в том, чтобы сделать это незаметно. В противном случае он мог восстановить против себя всю Восточную Европу и потерять не только Новгород, но и многое другое…»

Еще в декабре 1462 года из Новгорода в Москву отправилось большое посольство «о смирении мира». Его возглавлял архиепископ Иона. В Москве новгородская знать была принята с честью. Однако в ходе переговоров Иван III проявил твердость. Не уступали и новгородцы. В итоге многочасовые прения окончились взаимными уступками. Мир был достигнут.

Иван III стремился перетянуть на свою сторону Псков. Посланец князя Ф.Ю. Шуйский способствовал заключению 9-летнего перемирия между Псковом и немецким орденом на благоприятных для русских условиях.

Московско-псковское сближение очень обеспокоило новгородцев. Союз со Псковом стал сильным средством давления на Новгород. Зимой 1464 года между Москвой и Новгородом был заключено перемирие, оказавшееся довольно продолжительным.

Летом 1470 года стало ясно, что Иван III, управившись с Казанью, разворачивает свою военно-политическую мощь на северо-запад, в сторону Новгорода.

18 ноября 1470 года после смерти Ионы новым владыкой Новгорода стал Феофил. Нареченный владыка Феофил собирался по старой традиции отправиться в сопровождении бояр в Москву на постановление к митрополиту Филиппу. Иван III дал согласие на обычный порядок утверждения нового архиепископа. В послании московский князь назвал Нов-

город своей «отчиной», то есть неотъемлемым, передаваемым по наследству владением. Это вызвало возмущение у новгородцев, и особенно у «литовской партии».

Весной 1471 года новгородские послы отправились в Литву, где был заключен договор с королем Казимиром IV, по которому Новгород поступал под его верховную власть, а Казимир обязывался охранять его от нападений великого князя.

На деле польско-литовский король не собирался воевать за Новгород, что сильно облегчило московскую экспансию.

В мае 1471 года Иван III послал в Новгород «разметные грамоты» – формальное извещение о начале войны.

13 июля на берегу реки Шелони новгородцы были разбиты наголову. Иван III двинулся с главным войском к Новгороду. Между тем из Литвы не было никакой помощи. Народ в Новгороде заволновался и отправил своего архиепископа Феофила просить у великого князя пощады.

Кажется, достаточно было одного усилия, чтобы разгромить Новгород и окончить войну небывалым триумфом. Однако Иван III устоял перед искушением. 11 августа 1471 года близ Коростыни он заключил договор, подводивший итог всей московско-новгородской войне.

Условия, выдвинутые победителями, оказались неожиданно мягкими: новгородцы присягали на верность Ивану III и обязывались в течение года выплачивать ему контрибуцию. Внутреннее устройство Новгорода оставалось прежним. Волок Ламский и Вологда окончательно переходили к Москве.

И, самое главное, по Коростынскому договору Новгород признавал себя «отчиной» великого князя московского, а самого Ивана III – высшей судебной инстанцией для горожан.

Вскоре Иван решил и личные проблемы. Внезапная кончина первой жены Ивана III, княгини Марии Борисовны, 22 апреля 1467 года заставила 27-летнего великого князя московского думать о новой женитьбе.

Присоединение Москвы к общеевропейскому союзу для борьбы с Турцией стало мечтой западной дипломатии. Внедрение Турции на побережье Средиземного моря в первую очередь угрожало Италии. Поэтому уже с 70-х годов XV века как Венецианская республика, так и Святой престол с надеждой взирали на далекий Северо-Восток. Этим объясняется то сочувствие, с которым был встречен и в Риме, и в Венеции проект брака могущественного русского государя с находившейся под покровительством папы наследницей византийского престола Софией (Зоей) Фоминичной Палеолог. Через посредство греческих и итальянских дельцов проект этот был осуществлен 12 ноября 1472 года. Венецианский совет со своей стороны внушал Ивану III мысль о его правах на наследие византийских императоров, захваченное «общим врагом всех христиан», то есть султаном, потому что «наследственные права» на Восточную империю, естественно, переходили к московскому князю в силу его брака.

Однако все эти дипломатические шаги не дали никакого результата. У Русского государства были свои неотложные международные задачи. Их Иван III неуклонно проводил в жизнь, не давая себя прельстить никакими ухищрениями Рима или Венеции.

Брак московского государя с греческой царевной был важным событием русской истории. Он открыл путь связям Московской Руси с Западом.

Но вернемся к политической деятельности Ивана III. В 1474 году он выкупил у ростовских князей оставшуюся еще у них половину Ростовского княжества. Но более важным событием было окончательное покорение Новгорода.

30 сентября 1477 года Иван III отправил в Новгород «складную грамоту» – извещение о формальном разрыве и начале войны. 9 октября государь покинул Москву и направился в Новгород – «за их преступление казнити их войною».

27 ноября Иван вплотную приблизился к Новгороду. Однако государь не спешил со штурмом города.

5 декабря на переговоры с ним приехал владыка Феофил в сопровождении нескольких бояр.

В последующие дни переговоры продолжались. Беспощадно диктуя новгородцам свои условия, Иван III счел необходимым уступить им в некоторых важнейших моментах. Великий князь гарантировал новгородским боярам сохранение за ними тех вотчин, которыми они владели, а также освобождение от службы в московском войске за пределами Новгородской земли.

4 января 1478 года, когда горожане стали жестоко страдать от голода, Иван потребовал, чтобы ему отдали половину владычных и монастырских волостей и все новоторжские волости, чьи бы они не были. Расчет Ивана III был точным и безупречным. Не задевая интересов частных владельцев, он получал при таком раскладе половину огромных вотчин новгородской кафедры и монастырей.

Через два дня Новгород принял эти условия. 15 января все горожане были приведены к присяге на полное повиновение великому князю. Вечевой колокол был снят и отправлен в Москву. Иван настоял на том, чтобы резиденция его «правобережных» наместников находилась на Ярославском дворище, где обычно собиралось общегородское вече. В древности именно здесь находился двор киевского князя Ярослава Мудрого.

В марте 1478 года Иван III возвратился в Москву, благополучно завершив дело. Новгородские заботы не оставляли государя и в последующие годы. Но все выступления оппозиции пресекались самым жестоким образом.

В 1480 году хан Большой Орды Ахмат выступил на Москву. В ответ Иван выслал полки на Оку, а сам поехал в Коломну. Но хан, видя, что по Оке расставлены сильные полки, пошел к западу, к литовской земле, чтобы проникнуть в московские владения через Угру; тогда Иван велел сыну Ивану Молодому и брату Андрею Меньшому спешить к Угре; князья исполнили приказ, пришли к реке прежде татар, заняли броды и перевозы.

Ахмат, которого не пускали за Угру московские полки, все лето хвалился: «Даст Бог зиму на вас, когда все реки станут, то много дорог будет на Русь». Опасаясь исполнения этой угрозы, Иван, как только стала Угра, 26 октября велел сыну и брату Андрею со всеми полками отступать к себе в Кременец, чтобы биться соединенными силами. Но Ахмат не думал преследовать русские войска. Он стоял на Угре до 11 ноября, вероятно, дожидаясь обещанной литовской помощи. Начались лютые морозы, а литовцы так и не приходили, отвлеченные нападением крымцев. Без союзников Ахмат не решился преследовать русских дальше на север. Он повернул назад и ушел обратно в степи.

Современники и потомки восприняли стояние на Угре как зримый конец ордынского ига. Чем далее, тем последовательнее, смелее прежнего Иван III расширял свое государство и укреплял свое единовластие.

В 1483 году верейский князь завещал свое княжество Москве. Затем наступила очередь давнего соперника Москвы – Твери. В 1484 году в Москве узнали, что тверской князь Михаил Борисович завязал дружбу с Казимиром Литовским и женился на внучке последнего. Иван III объявил Михаилу войну. Москвичи заняли Тверскую волость, взяли и сожгли города. Литовская помощь не являлась, и Михаил принужден был просить мира. Иван дал мир. Михаил обещал не иметь никаких отношений с Казимиром и Ордою. Но в том же 1485 году был перехвачен гонец Михаила в Литву. На этот раз расправа была скорой и жесткой. 8 сентября московское войско окружило Тверь, 10-го были зажжены посады, а 11-го тверские бояре, бросив своего князя, приехали в лагерь к Ивану и били ему челом, просясь на службу. И в том им не было отказано.

Михаил Борисович ночью бежал в Литву. Утром 12 сентября 1485 года из Твери навстречу Ивану выехали владыка Вассиан и весь клан Холмских во главе с князем Михаилом Дмитриевичем. Тверь присягнула на верность Ивану, который оставил там княжить своего сына Ивана Молодого.

Согласно завещанию Ивана III (1504), тверская земля была разделена между несколькими правителями и утратила свою былую целостность.

В 1487 году Иван III усмирил Казань и посадил на престол Мухаммеда-Эмина. Теперь у великого князя были развязаны руки для наступления на других направлениях: от окончательного покорения Вятки (1489) до наступления на Литву и Прибалтику.

Уже в конце 80-х годов XV века Великое княжество Московское представляло собой весьма внушительную политическую силу на европейском горизонте. В 1486 году силезец Николай Поппель случайно попал в Москву. По возвращении он стал распространять молву о Русском государстве и о богатстве и могуществе правящего в нем государя.

В 1489 году Поппель вернулся в Москву уже как официальный агент императора Священной Римской империи. На тайной аудиенции он предложил Ивану III ходатайствовать перед императором о присвоении ему титула короля. С точки зрения западноевропейской политической мысли, это был единственный способ легализовать новое государство и ввести его в общую систему западноевропейских государств – заодно и поставить его в некоторую зависимость от империи. Но в Москве держались иной точки зрения. В ответной грамоте императору Иван III титуловал себя «Божиею милостью великим государем всея Руси». Изредка в сношениях со второстепенными государствами он даже именовал себя царем. Сын его Василий III в 1518 году впервые назвал себя официально царем в грамоте, отправленной императору, а внук, Иван IV, в 1547 году был торжественно венчан на царство и тем самым было определено то место, которое его государство должно было занимать среди прочих государств культурного мира.

Успешное противостояние Большой Орде и Литве становилось возможным для Ивана III лишь при условии союза с Крымом. На это и были направлены усилия московской дипломатии. Иван привлек на свою сторону нескольких влиятельных крымских «князей». Они побудили к сближению с Москвой и самого хана Менгли-Гирея.

Иван III домогался этого союза ценой больших уступок. Он соглашался даже, если потребует хан, титуловать его «государем» и не щадил расходов на «поминки», то есть ежегодные подарки для своего татарского союзника. Русской дипломатии удалось в конечном итоге добиться заключения желанного союза. Крымские татары периодически стали совершать набеги на литовские владения, проникая далеко в глубь страны, до Киева и дальше. Этим они не только наносили материальный ущерб Великому княжеству Литовскому, но и ослабляли его обороноспособность. Союз с Менгли-Гиреем был связан и с другой проблемой русской внешней политики конца XV – начала XVI века – проблемой окончательной ликвидации зависимости от Золотой Орды. При ее разрешении Иван III более чем когда-либо действовал не столько оружием, сколько дипломатическим путем.

К союзу были привлечены ногайские и сибирские татары. Хан Ахмат при отступлении от Угры был убит в 1481 году татарами сибирского хана Ибаха, а в 1502 году Золотая Орда была окончательно разгромлена Менгли-Гиреем.

Первая московско-литовская война началась в 1487 году и продолжалась до 1494 года. Предметом спора в этой войне были пограничные области с неопределенным или двойственным политическим статусом. На южной и западной границе под власть Москвы то и дело переходили мелкие православные князья со своими вотчинами.

Те, кто переходил на московскую службу, немедленно получали уже в качестве пожалования свои прежние владения. Для защиты «правды» и восстановления «законных прав» своих новых подданных Иван III отправлял небольшие отряды.

Замысел кампании 1487–1494 годов состоял в том, чтобы достичь успеха незаметно, без лишнего шума. Иван III избегал широкомасштабной войны с Литвой. Это могло вызвать аналогичные действия со стороны Литвы, Польши, в то же время сплотить «верховных князей» и толкнуть их в объятия Казимира.

В июне 1492 года король польский и великий князь литовский Казимир IV скончался. Его сыновья разделили наследство. Ян Ольбрахт получил польскую корону, а Александр Казимирович – литовский престол. Это значительно ослабило потенциал противника Москвы.

Иван III вместе с Менгли-Гиреем немедленно начал против Литвы войну. Хотя, по заявлению московских дипломатов, войны не было; происходило только возвращение под старую власть московского великого князя тех его служебных князей, которые либо временно отпали от него в смутные годы при Василии Васильевиче, либо и прежде служили «на обе стороны».

Дела пошли удачно для Москвы. Воеводы взяли Мещовск, Серпейск, Вязьму. Князья Вяземские, Мезецкие, Новосильские и другие литовские владельцы переходили на службу к московскому государю. Александр Казимирович сообразил, что трудно будет ему бороться с Москвой и Менгли-Гиреем; он задумал жениться на дочери Ивана, Елене, и таким образом устроить прочный мир между двумя государствами. Переговоры шли вяло до января 1494 года. Наконец 5 февраля был заключен мир, по которому Александр признавал новые московские границы, новый титул московского великого князя. При таких условиях Иван согласился выдать за него свою дочь.

Мирный договор с Литвой можно считать важнейшим военным и дипломатическим успехом Ивана III. «Значение мирного договора для России было велико, – отмечает известный историк А.А. Зимин. – Граница с Литовским княжеством на западе значительно отодвигалась. Создавалось два плацдарма для дальнейшей борьбы за русские земли: один был нацелен на Смоленск, а другой вклинивался в толщу северских земель».

В 1500 году отношения между Москвой и Вильно перешли в явную вражду по поводу новых переходов на сторону Москвы князей, подручных Литве. Иван послал зятю «разметную грамоту» и вслед за тем отправил на Литву войско. Крымцы, по обычаю, помогали русской рати. Многие украинские князья, чтобы избежать разорения, поспешили передаться под власть Москвы. В 1503 году было заключено перемирие сроком на шесть лет. Вопрос о принадлежности захваченных Иваном земель, площадь которых составляла около трети всей территории Великого княжества Литовского, оставался открытым. Литва продолжала считать их своими. Однако фактически они оставались в составе Московского государства.

Свою международную политику Иван III всецело подчинял «собиранию земель русских». Антитурецкая лига не представляла для него ничего заманчивого. В ответ на посул «константинопольской отчины» в Москве отвечали, что «князь великий хочет отчины своей земли Русской».

Более того, Русское государство было заинтересовано в мирных отношениях с Оттоманской Портой в целях развития своей черноморской торговли. Завязавшиеся в 90-х годах XV века сношения между Русским государством и Турцией велись в неизменно благожелательных формах.

Что касается отношений с Римской империей, то Иван III стремился не только поддержать дружеские отношения, но и использовать соперничество императора Максимилиана с польскими Ягеллонами из-за Венгрии. Он предлагал союз и намечал план будущего раздела добычи: Венгрию – Максимилиану, Литву с порабощенными ею русскими землями – себе. Однако Максимилиан думал достичь своих целей мирным путем. В зависимости от колебаний в германо-польских отношениях происходили изменения и в отношениях германо-рус-

ских, пока Максимилиан не нашел для себя более выгодным примириться с Польшей и даже предложил свое посредничество для примирения с ней и Русского государства.

При Иване III наметилась линия внешней политики Русского государства и в балтийском регионе. Присоединение к Москве Новгорода и Пскова потребовало новых торговых союзов на Балтике и ускорило войну с Ливонским орденом. Поход русских войск на Ливонию в 1480–1481 годах прошел успешно для московского князя. После побед на землях Ливонии войско ушло, а в сентябре 1481 года было заключено перемирие на десять лет.

В противовес русскому интересу к балтийской торговле орден выдвигал территориальные вопросы. В 1491 году для пролонгирования перемирия в Москву приезжал с посольством Симон Борх. Длившиеся почти два года переговоры сводились к торговым вопросам: великий князь московский требовал гарантий для транзитных купцов, а также восстановления русской церкви в Ревеле. В 1493 году договор был продлен на десять лет. Союз с Ливонией обеспечивал России хорошие торговые отношения с Ганзой, в чем Иван III был заинтересован, поскольку великий князь московский мог таким образом контролировать стабильные многовековые отношения между Новгородом, Псковом и ганзейскими городами.

Однако вскоре началась новая война с Ливонией, а в XVI веке отношения с орденом приобрели несколько иной оттенок: на них все более сказывались отношения обеих сторон с Польско-Литовским государством. Именно невыполнение Ливонией условий договора 1503 года дало формальный предлог для начала Ливонской войны в 1558 году. В 90-х годах XV века стали более активными переговоры с Данией. После заключения договора с Ганзой из Дании пришло посольство договариваться «о братстве», и в 1493 году Иван III заключил «докончание» с королем. Этот союз был направлен против Швеции, которая систематически нападала на корельские земли, старинные владения Новгорода, отошедшие к Москве. Кроме антишведской направленности отношения с Данией приобретали и оттенок борьбы с монополией ганзейской торговли, где союзником Дании выступала Англия.

В начале 1503 года ливонские представители вместе с послами великого князя литовского Александра прибыли в Москву для переговоров о мире. Иван III заключил с ними перемирие сроком на шесть лет. Стороны возвращались к тем границам и отношениям, которые существовали между ними до войны 1501–1502 годов.

Разгром ганзейского двора в Новгороде и установление дружеских отношений с Данией имели, несомненно, целью освободить новгородскую торговлю от тех преград, которые ставила ей всемогущая Ганза. С другой стороны, требование дани с Юрьевской епископии (Дерптской области), согласно договору с Ливонским орденом в 1503 году, являлось первым шагом к распространению русского политического влияния на Ливонию.

Осенью 1503 года Ивана III разбил паралич. Своим наследником он назвал сына Василия.

Иван Великий умер 27 октября 1505 года и был погребен в Москве в церкви Михаила Архангела.

В результате тонкой и осторожной политики Ивана III Русское государство к началу XVI века, не претендуя на решающую роль в Европе, заняло в ней почетное международное положение.

Лоренцо Медичи

(1449–1492)

Итальянский правитель Флоренции.
Выступал за единство Италии. Меценат,
способствовал развитию культуры Возрождения.

Лоренцо родился 1 января 1449 года в семье Пьетро Медичи. Дед его, владетель Флоренции Козимо Медичи, с ранних лет готовил мальчика к роли правителя. Лоренцо не исполнилось и шести лет, когда он стал участником дипломатического приема, на котором приветствовал официального гостя Флорентийской республики, принца Жана д'Анжу.

Одаренный мальчик получил разностороннее образование. Он играл на нескольких инструментах и прекрасно пел.

После смерти Козимо Медичи главой клана стал отец Лоренцо Пьетро. Его право на власть во Флоренции никто не оспаривал. Людовик XI назначил Пьетро членом своего совета. Французский король надеялся поправить свои финансовые дела за счет банкирского дома Медичи.

Но и для Пьетро союз с Людовиком был очень выгоден: он укрепил его репутацию в глазах всей Европы. Однако для нового главы клана Медичи еще важнее было заручиться поддержкой внутри Италии, с этой целью Пьетро отправил шестнадцатилетнего Лоренцо с визитом вежливости к основным союзникам и клиентам дома Медичи. Самый главный из них – миланский герцог Сфорца. Миссия Лоренцо в Милане была успешной, столь же плодотворным оказался его визит в Рим, ко двору папы.

В то время папа римский обладал монополией на добычу в районе Толфи квасцов, необходимых для окраски тканей, а дом Медичи имел исключительное право на продажу квасцов от имени папы. Но папа ограничивал общий объем производства квасцов, хотя спрос на них был очень высок. Лоренцо же удалось договориться с Папской курией о том, что Медичи сами будут определять объем добычи и продажи этого ценного минерального сырья. Их роль как банкиров папского двора еще более возросла.

В этот момент в Рим пришла весть о смерти миланского герцога Франческо Сфорца, с которым совсем недавно встречался Лоренцо, и Пьетро направил находившемуся в Риме сыну новое поручение, на сей раз политическое, – добиться от папы признания прав на Милан сына покойного, Галеаццо Мария. Удача и в этом сопутствует Лоренцо. Ему удалось, оказав услугу Сфорца, еще прочнее связать союзническими узами Милан и Флоренцию.

Но на этом миссия юноши не закончилась: Лоренцо отправился в Неаполь, где он еще раз скрепил союз Милана, Флоренции и Неаполя. Искусная дипломатия Медичи вновь дала свои плоды – позиции Флоренции на Апеннинском полуострове оказались сильны как никогда, хотя сам город-государство не имел ни сильной армии, ни талантливых военачальников. Оружием Флоренции был политический маневр, дипломатическая интрига, умелый выбор союзников.

Следуя обычаям того времени, родители Лоренцо стремились выгодно женить его. Восемнадцатилетний наследник прекрасно понимал политическую важность этого шага. Родители выбрали ему в жены Клариссу Орсини, из знатного римского рода, имевшего тесные связи со Святым престолом. Кларисса родила трех сыновей и четырех дочерей. Но она не отличалась крепким здоровьем – в 37 лет ее унес в могилу туберкулез.

После смерти отца в 1469 году Лоренцо стал главой клана Медичи. Делегация флорентийцев коленопреклоненно просила Лоренцо принять на себя заботу о благе государства.

Лоренцо отдавал себе отчет, что впереди его ждут интриги, козни, ссоры. И потому, следуя традициям семьи, он начал свою деятельность с укрепления традиционного альянса с Миланом и Неаполем. И ему это удается. Юный Сфорца, поддержанный в свое время семьей Медичи, возвращает политический долг и приветствует Лоренцо как законного правителя Флоренции. Столь же успешно и обращение к неаполитанскому двору.

Но власть Лоренцо неожиданно начинают оспаривать сами жители Тосканы. Граждане небольшого городка Прато, подстрекаемые противниками Медичи, организовали заговор. Лоренцо жестоко покарал бунтовщиков. Юный поэт и любитель искусств оказался и твердым политиком, беспощадным к врагам.

Лоренцо начали беспокоить финансовые проблемы. Некогда процветавший дом Медичи терпел огромные убытки. Крупнейшими его заемщиками являлись европейские монархи, вечно нуждавшиеся в деньгах. Должники не отличались надежностью, но Медичи искали их покровительства.

С восхождением нового папы, Сикста IV, начали портиться столь ценные для Медичи отношения с Римом. Сикст IV решил создать небольшое светское владение в центре Италии для своего племянника (или даже незаконного сына). Неожиданно он встретил сопротивление Лоренцо, справедливо опасавшегося, что это нарушит итальянское равновесие в пользу Рима.

Сикст IV попытался заменить неугодного ему правителя. Приближенные папы подстрекали его навсегда разделаться с Медичи. Сикст IV передал привилегию распоряжаться папской казной богатому флорентийскому роду Пацци, еще более древнему, чем Медичи. Опасаясь чрезмерного возвышения конкурентов, Лоренцо принял закон, по которому Пацци лишались наследства дальнего родственника. После этого папе не составило труда спровоцировать Пацци на мятеж против Медичи.

Для того чтобы контролировать ситуацию во Флоренции, папа, несмотря на протесты Лоренцо, назначил своего племянника кардиналом города Имола, расположенного недалеко от Флоренции. Затем понтифик сделал Франческо Сальвиати архиепископом Флоренции. Более того, он отозвал монопольное право Медичи на торговлю квасцами. Таким образом, была объявлена война дому Медичи. В поисках союзников папа сблизился с королем Неаполя.

Оставалось только поставить у власти во Флоренции представителей клана Пацци. Однако законными методами это сделать не удавалось. Тогда в 1477 году на Лоренцо и его младшего брата Джулиано было организовано покушение. Джулиано Медичи погиб, а его брату Лоренцо, несмотря на ранение, удалось спастись. Непосредственный вдохновитель преступления архиепископ Сальвиати и его сообщники были схвачены сторонниками Медичи. Возмущенные флорентийцы на месте расправились с заговорщиками.

Лоренцо безжалостно казнил без суда и следствия двести шестьдесят два человека из окружения Пацци. Авторитет Медичи поднялся на небывалую высоту.

Лоренцо приступил к политической реформе. Сохранив республиканские формы, он в 1480 году создал Совет 70, от которого целиком зависели все высшие должности. Затем выдвинулись две новые коллегии – одна, из 8 членов, ведала политическими и военными делами, другая, коллегия 12, распоряжалась государственным кредитом и юрисдикцией. Старые органы синьории (правительства)были сохранены, но по существу стали фикцией.

Лоренцо сам руководил внешней политикой. Опирался он на личную гвардию и, если того требовали обстоятельства, жестоко подавлял восстания (в Вольтерре в 1472 году и др.).

Триумф Медичи и поражение Пацци были восприняты папой как личное оскорбление. Особенно возмущало Сикста IV казнь архиепископа и то что другой вдохновитель заговора – его племянник по-прежнему находился в руках Лоренцо, который отказывался даровать ему свободу. Не сумев разделаться с Медичи с помощью наемных убийц, папа отлучил от церкви Лоренцо и всю правящую элиту Флоренции. Более того, папа стал угрожать интердиктом всему тосканскому государству, если в течение месяца Медичи и их сторонники не будут выданы папскому суду.

Несмотря на страшную угрозу, синьория взяла сторону Лоренцо, разрешив ему даже создать личную охрану. Тем не менее все понимали необходимость примирения с папой. Племянник папы получил свободу. Но только этим умилостивить понтифика было невозможно. Флоренция начинает готовиться к войне и обращается за помощью к союзникам. Те готовы оказать прежде всего политическую помощь. Германский император, король Франции, миланский герцог, другие европейские правители известили папу о своем недовольстве

занятой им позицией. Но Рим, заручившись поддержкой Неаполя, все-таки начал боевые действия.

Война папы и Флоренции длилась полтора года с переменным успехом, но в конце концов искусному дипломату Лоренцо удалось разрушить альянс папы с королем Неаполя и привлечь последнего на свою сторону. Ради этого Медичи отправляется в Неаполь на встречу с королем, справедливо считавшимися одним из наиболее жестоких и коварных владык Европы. Лоренцо демонстрирует незаурядное личное мужество и гениальное политическое чутье. Ему удалось убедить неаполитанца в том, что Флоренция под властью Медичи – более надежный союзник, чем Рим, где власть меняется с каждым новым папой.

Лоренцо переживал настоящий триумф. Однако он не стремился занять официальные должности. Медичи ни разу не избирался членом синьории, то и если между ветвями флорентийской власти возникал конфликт, то вел себя как независимый арбитр. Но на самом деле во всех республиканских институтах у него имелись свои ставленники.

Современников поражала интеллектуальная сила Лоренцо. В одиночку, без армии, без официального ранга он умудрялся поддерживать политическое равновесие в Италии только за счет своих гениальных дипломатических способностей и широкой шпионской сети.

Флоренция переживала свой золотой век. Враг Лоренцо, папа Сикст IV, умер, новый папа, напротив, благоволил к Медичи. Лоренцо использовал расположение папы в дипломатических целях. В 1488 году побочный сын папы, сорокалетний Франческо Чибо, женился на шестнадцатилетней дочери Лоренцо Магдалине. Союз для Медичи по понятиям того времени был исключительно лестный. Папа даже выполняет настойчивую просьбу Великолепного и дарует его тринадцатилетнему(!) сыну шапку кардинала. Это будущий папа Лев X.

Отныне стержень внешней политики Лоренцо – союз Флоренции с Римом.

Укрепление престижа Флоренции и собственного владычества над ней Лоренцо стремился обратить на благо всей Италии. Он объединил Италию перед лицом чужеземных нашествий. Конечно, единство Италии представлялось ему как триумф Флоренции, как триумф Медичи.

В последние годы его правления налоговый гнет значительно увеличился – прямые налоги со 100 тысяч флоринов возросли до 360 тысяч. Иногда прямые налоги взимались по 10–12 раз в год. Торгово-банкирские дома были недовольны опекой Медичи, население возмущено налогами.

Но эти проблемы Лоренцо оставил решать потомкам. 7 апреля 1492 года он умер.

Никколо ди Бернардо Макиавелли

(1469–1527)

Итальянский политический деятель, писатель и дипломат. Секретарь комиссии Десяти Флорентийской республики (1498–1512). Автор политических сочинений, в которых развивал свою теорию дипломатии и государственного управления: «Государь» (1513), «Рассуждения по поводу первой декады Т. Ливия» (1513–1519), «История Флоренции» (1520–1525) и др.

Никколо Макиавелли родился 3 мая 1469 года в семье юриста. Его отец, Бернардо Макиавелли, получал также небольшой доход от своих земельных участков.

В семь лет Никколо поступил в школу магистра Маттео, затем его отдали в городскую школу. К концу обучения он очень хорошо знал латынь и прошел курс латинской стилистики.

Средний достаток семьи Макиавелли не позволил Никколо поступить в университет. Его учителями стали древние авторы: Тит Ливий, Тацит, Цицерон, Цезарь, Вергилий, Светоний, Овидий, а также Тибулл и Катулл. По-видимому, Бернардо Макиавелли ознакомил сына с основами юридической науки и практики.

18 февраля 1498 года Макиавелли баллотировался на пост секретаря второй канцелярии республики и был побежден кандидатом партии монаха-доминиканца Савонаролы. Но уже в апреле партия Савонаролы потерпела крах, а сам доминиканец 23 мая был казнен на площади Синьории…

Через пять дней после этого события Макиавелли, победив кандидата от партии Медичи, был намечен, а 18 июня утвержден секретарем второй канцелярии; 14 июля ему была также доверена канцелярия комиссии Десяти, ведавшая иностранными и военными делами.

Очень скоро флорентийская синьория убедилась в том, что не ошиблась в своем выборе. 29-летний Никколо Макиавелли успешно справлялся со своими обязанностями. За четырнадцать лет он составил тысячи дипломатических писем, донесений, правительственных распоряжений, военных приказов, проектов государственных законов; совершил тринадцать дипломатических и военно-дипломатических поездок с весьма сложными поручениями к различным итальянским государям и правительствам республик, к папе, императору и четырежды к французскому королю; как секретарь комиссии Десяти он был организатором и участником военных кампаний и инициатором создания республиканского ополчения.

В марте 1499 года Макиавелли отправился в Понтедера к владетелю Пьомбино, расположенного километрах в ста на юго-запад от Флоренции. 30-летний секретарь комиссии Десяти сумел убедить д'Аппиано, этого коронованного военачальника, не требовать увеличения платы за военную службу Флорентийской республике, которая и без того тратила колоссальные средства на наемников-кондотьеров.

В июле того же года Макиавелли был послан к правительнице важного для республики стратегического пункта – Форли, дочери Галеаццо Сфорца, Катарине с официальным письмом первого канцлера Флоренции Марчелло Вирджилио Адриани. Несмотря на все ухищрения коварной и опытной правительницы, первый дипломатический экзамен флорентийский посланец сдал на отлично: дружбу с правительницей Форли удалось сохранить, что было крайне важно в условиях напряженной борьбы за важнейший торговый центр Пизу.

Между тем тучи над Италией сгущались. В октябре 1499 года французские войска вошли в Милан, а в начале следующего года его правитель Лодовико Моро был пленен и увезен во Францию. Судьба итальянских государств теперь зависела от Людовика XII, к которому Флорентийская республика в июле 1500 года и направила дипломатическую делегацию в составе Никколо Макиавелли и Франческо Каза. Раньше вопрос о Пизе решала Флоренция, отныне его решал французский двор, требовавший огромных денег за военную помощь.

Великий флорентиец не только выполнял официальные инструкции, но внимательно наблюдал и оценивал обстановку, людей, обычаи. Макиавелли посетил Лион, Невер, Мелея, Париж. Его сообщения флорентийской синьории были не менее важны, чем ведение переговоров. Вскоре Каза заболел, и Макиавелли остался единственным представителем республики при дворе. Он не только изучал французскую политику, но и пытался оказать на нее влияние.

По возвращении из Франции, в 1501 году, секретарь комиссии Десяти занимался делами, связанными с подчиненной, но вечно непокорной Пистойей: вел переписку, писал приказы, трижды ездил в мятежный район для улаживания конфликта. В этом же году он выполнил ряд поручений в Сиене и Кашине.

В сентябре 1502 года во Флорентийской республике была введена должность пожизненного гонфалоньера, которым стал Пьеро Содерини, брат епископа Вольтерры, ездившего

в Урбино вместе с Макиавелли. Он был главой синьории, имел право законодательной инициативы и вмешательства в судебные дела. Вскоре Макиавелли приобрел неограниченное доверие Содерини, стал его постоянным советчиком.

Хотя второй канцлер республики и был первым человеком при главе правительства, он продолжал выполнять сложные дипломатические поручения, так как никто не мог точнее и вернее оценить политическую атмосферу в чужой стране и дать характеристику ее деятелям.

Поэтому в трудные моменты итальянской и европейской истории именно Макиавелли посылали в другие государства и чужие страны.

В 1503 году он находился в войске Цезаря Борджа, занявшего Перуджу, Ассизи, сиенские замки. Затем его срочно направили в Рим в связи со смертью Александра VI и выборами нового папы, Юлия II.

В 1504 году он вторично прибыл во Францию, в Лион, с новыми инструкциями флорентийскому послу при Людовике XII Никколо Валори, который в письмах к Десяти лестно отзывался о Макиавелли, помогавшем ему советами.

В следующем году он был послан с дипломатическими поручениями к синьору Перуджи Бальони, к маркизу Мантуи и синьору Сиены Пандольфо Петруччи, а еще через год представляет республику при Юлии II, который во главе своих войск выступил против Перуджи и Болоньи. Флорентийский посол должен был в дипломатичной форме сообщить воинственному папе, что Флоренция, хотя и является его союзником, пока не может оказать ему помощи в его «святом деле».

В декабре 1507 года Макиавелли направили в Тироль к императору Максимилиану с новыми инструкциями для флорентийского посла. Результатом его ознакомления с обстановкой в немецких землях был доклад «Описание событий, происходящих в Германии».

В 1509 году он был послан в Мантую для уплаты денежного взноса республики королю Максимилиану, а затем в Верону, откуда наблюдал за ходом военных действий между Венецией и союзниками Флоренции.

В следующем году Макиавелли в третий раз отправился с дипломатической миссией во Францию для переговоров о совместной борьбе против Венецианской республики. После этой поездки появились его «Описания событий во Франции». Через несколько месяцев его снова послали во Францию через Милан для обсуждения вопроса о Пизанском церковном соборе, который организовал Людовик XII против папы Юлия II. Этот собор открылся в ноябре 1511 года, и Макиавелли был послан туда республикой, чтобы наблюдать за развитием событий.

В 1512 году произошли драматические события, которые привели к гибели Флорентийскую республику и пресекли бурную политическую деятельность Никколо Макиавелли. 11 апреля испанское войско захватило Прато, учинив там беспощадную резню и грабеж. Пьеро Содерини бежал из Флоренции, где была восстановлена синьория Медичи; в результате переворота Макиавелли лишился должности и был выслан на год из города.

В следующем году был раскрыт заговор против Медичи во главе с Боски. Заподозренный в соучастии Макиавелли в марте 1513 года был брошен в тюрьму, подвергнут пытке – ему нанесли шесть ударов плетьми. Он вышел из заключения только благодаря амнистии, объявленной в связи с избранием на папский престол Джованни Медичи, принявшего имя Льва X. Как неблагонадежному ссыльному Макиавелли разрешили проживать в принадлежавшем ему небольшом имении Сант-Андреа в Перкуссино, расположенном недалеко от Флоренции.

Макиавелли был обречен на вынужденное бездействие. Однако он готов был служить только своему государству, а не кому угодно и где угодно. Об этом свидетельствует его отказ от приглашения стать секретарем кардинала Просперо Колонны в 1521 году, что объяснялось его неприятием папства и церковников. Отказался он и от службы французской монар-

хии, заявив в конце своей жизни: «Предпочитаю умереть с голода во Флоренции, чем от несварения желудка в Фонтенбло».

Увы, Медичи не доверяли Макиавелли и в течение пятнадцати лет не допускали его к политической деятельности.

Макиавелли занялся творчеством. В период ссылки (1513–1520) он написал «Государя», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «Рассуждения о способах упорядочения дел во Флоренции после смерти герцога Лоренцо», «Описание событий в городе Лукке», была начата «История Флоренции»…

Он не отказывался от незначительных деловых поручений, вроде поездок в Карпи во францисканский монастырь, который он в письме к Гвиччардини назвал «республикой деревянных сандалий», или в Венецию для защиты интересов флорентийских купцов.

4 мая 1527 года Рим был захвачен немецкими ландскнехтами. Флоренция ответила на это восстанием против Медичи и восстановлением республики.

58-летний Макиавелли выдвинул свою кандидатуру на пост канцлера Флорентийской республики. Вопрос решился на Большом Совете республики 10 мая 1527 года. Однако за Макиавелли было подано всего 12 голосов, против – 555.

21 июня 1527 года Никколо Макиавелли скончался, а еще через день его похоронили в церкви Санта-Кроче, ставшей флорентийским пантеоном.

Сигизмунд Герберштейн

(1486–1566)

Барон, немецкий дипломат. В составе имперских посольств посетил Данию, Чехию, Нидерланды, Испанию, итальянские государства, Турцию, Польшу, Венгрию, Великое княжество Московское. Способствовал продлению перемирия между Русским государством и Польшей (1526). В 1549 году опубликовал книгу «Записки о Московитских делах».

Полстолетия Сигизмунд Герберштейн верой и правдой служил четырем королям (это четыре Габсбурга – Максимилиан I, Карл V, Фердинанд I и Максимилиан II), о чем сообщает и надпись, высеченная на его надгробном памятнике.

Родился он в 1486 году в замке Виппах (ныне Випава) в Штирии. Здесь, в горах славянской Крайны, Сигизмунд Герберштейн провел свое детство.

В отличие от большинства своих сверстников, Герберштейн уже в отрочестве наряду с латынью учил и словенский язык. Будущий дипломат познакомился с обычаями, верованиями и жизнью славянской общины.

В 1499 году он поступил в Венский университет, переживавший эпоху расцвета. Герберштейн получил степень бакалавра. В 20 лет будущий дипломат покинул университет, чтобы обеспечить семью, оставшуюся на его попечении.

В 1506 году он поступил на службу к Габсбургам. Герберштейн участвовал в походе против Венгрии, предпринятом Максимилианом, тогда еще носившим титул римского короля, ради заключения брака одного из его внуков – Фердинанда с Анной, дочерью венгерского короля Владислава Ягеллона.

Во время войны с Венгрией за успешную доставку провианта в осажденную крепость Маран и разгром вражеского отряда в ходе очередной вылазки против венецианцев Герберштейн удостоился посвящения в рыцари самим Максимилианом, разглядевшим в юном выходце из Штирии не только отважного воина, но и разумного и осторожного политика (1508). Рыцарь по воле римского короля превратился в дипломата.

С 1515 года Герберштейн стал членом Имперского совета, а в 1516 году он получил деликатное поручение – убедить датского короля Кристиана II в необходимости хранить верность собственной супруге Изабелле – внучке Максимилиана I и сестре будущего императора, а пока герцога бургундского Карла – и расторгнуть связь с дочерью трактирщицы Сигбрид, некоей Дивеке. Король уже тогда был известен жестокостью и неуравновешенностью. Герберштейну удалось добиться аудиенции у короля, но на этом успехи дипломата закончились. Получив отрицательный ответ, Герберштейн тем не менее завоевал благосклонность Кристиана II.

Неудача миссии не повлияла на дальнейшую карьеру Герберштейна. Неукоснительное следование инструкциям, твердость, разумная настойчивость и корректность, проявленные послом в Дании, произвели впечатление при дворе. Через несколько месяцев в Вене Герберштейн получил полномочия посла императора в Московию.

Не останавливаясь подробно на сложном международном положении 20-х годов XVI века, отметим, что поездка Герберштейна была одним из ходов запутанной игры Габсбургов, пытавшихся одновременно предотвратить наметившееся сближение Москвы с Данией, Ливонским орденом и Францией, а также создать заслон на северо-востоке против турецких полчищ, вторгшихся на Балканы и угрожавших дунайской империи. Задачи эти оказались чрезвычайно сложными и практически невыполнимыми.

В конце 1516 года из Вены в Вильно и Москву отправилось посольство барона Сигизмунда Герберштейна. Первую часть своей сложной миссии оно выполнило успешно. Герберштейн представил польскому королю его невесту принцессу Бону, которая совершенно очаровала его. Сигизмунд изложил имперскому послу свою программу мирного урегулирования отношений с Россией. Непременным условием было возвращение Великому княжеству Смоленска. Теперь оставалось склонить к принятию этого условия Василия III, и Герберштейн мог бы считать свою поездку блистательным триумфом. 18 апреля он прибыл в Москву. И здесь имперскому послу была устроена торжественная встреча. 22 апреля начались переговоры. К их главной теме (заключение мира с Литвой и союза против турок) Герберштейн подходил исподволь. Свою речь он начал с того, что весьма красочно описал ту угрозу, которую представляли для христианского мира турки. Единственное спасение от грозящей беды – это соединение и согласие между христианскими державами.

Герберштейн старался внушить Василию III мысль, что война с Турцией – главная задача, которая должна волновать русское правительство. Но, вероятно, он, как, впрочем, и Максимилиан, не сознавал, что идея втянуть Россию в войну с Турцией (которая для Москвы представлялась потенциальным союзником, а не врагом) была утопичной.

Страшные картины «турецкой опасности», нарисованные Герберштейном, оказали воздействие на московский двор совершенно противоположное тому, на которое рассчитывал опытный имперский дипломат. Великий князь Василий III и его окружение еще раз убедились в необходимости сохранять дружеские отношения с Портой.

Русские дипломаты оставили у имперского посла полную иллюзию согласия России на «единачество» с другими «христианскими державами» для борьбы с «врагами христианства». Это было совершенно необходимо для того, чтобы добиться своей цели – использовать имперское посредничество при заключении выгодного и прочного мира с Великим княжеством Литовским.

Дело оказалось сложным. Василий III хотел, чтобы мирные переговоры велись в Москве, а именно этого и не желал Сигизмунд. Для уточнения места ведения переговоров русское правительство разрешило племяннику Герберштейна Гансу фон Турну 26 апреля отбыть ко двору польского короля. Вернувшись 14 июля в Москву, он сообщил, что король Сигизмунд согласен прислать своих послов только на русско-литовскую границу. Василия III это не устраивало. Переговоры, таким образом, зашли в тупик еще прежде, чем начались. Камнем преткновения стал «процедурный» вопрос. Ганс фон Турн снова был послан в Литву. Он передал королю, что Герберштейн будет считать свою посредническую миссию законченной, если тот согласится, чтобы переговоры происходили в Москве. Под нажимом имперского дипломата Сигизмунд принял это условие.

Литовские послы Ян Щит и Богуш прибыли в Москву 3 октября 1517 года. Посредником в переговорах выступал Герберштейн. Московский государь торжественно заявил, что готов примириться с Сигизмундом ради своего «брата» Максимилиана и из-за того, чтобы «рука бесерменская не высилася и государи бы бесерменские вперед не ширились, а христианских бы государей над бесерменством рука высилася и государства бы христианские ширились». Эта расплывчатая формулировка о «бесерменских государях» вообще давала русским дипломатам возможность интерпретировать ее так, как им выгодно, и одновременно создавала впечатление готовности России вступить в антитурецкую лигу.

Гораздо труднее приходилось обеим сторонам, когда нужно было от деклараций переходить к рассмотрению конкретных условий мира. Василий III заявил, что Сигизмунд «неправдою» держит «отчину» русских князей – Киев, Полоцк и Витебск. Справедливость русских требований фактически была признана по договору 1514 года России с империей, и, когда русские дипломаты сослались на этот договор, Герберштейну ничего не оставалось, как заявить, что договор заключен «не по государя нашего велению».

Со своей стороны литовские послы говорили о том, что им издревле принадлежит не только Смоленск, но и Новгород, Псков, Вязьма и Северщина. Разговор, словом, велся на столь различных языках, что о взаимопонимании не могло быть и речи. Прояснила, но не облегчила ситуацию позиция, занятая Герберштейном. Он высказался за передачу Смоленска Литве, сославшись на пример Максимилиана, отдавшего Верону ее гражданам. Но отказываться от старинного русского города, присоединенного с таким большим трудом, Москва не собиралась.

Не возражая в принципе против продолжения переговоров, московские дипломаты решительно отклонили предложения Герберштейна. Ему ничего не оставалось, как покинуть Москву. 22 ноября он вместе с московским послом дьяком В.С. Племянниковым отбыл к имперскому двору.

Итог первой миссии Герберштейна в Москву не принес желаемого результата. Тем не менее отношения Московии с империей, прерванные после Венского конгресса, были возобновлены.

Осенью того же года австрийский посол возвратился в Вену. Видимо, здесь, в столице империи, в кружке венских гуманистов, внимавших его рассказам о далекой и необычной

Московии, у Герберштейна впервые возникла мысль написать книгу о своем путешествии. Немаловажную роль могли сыграть и дневники, которые вел Герберштейн во время путешествия. Но прошло еще много лет, прежде чем эта идея осуществилась.

В 20–30-е годы XVI века Герберштейн был одним из руководителей делегации, посланной для приглашения Карла V на престол империи; он возглавлял посольство на Балканы, вел переговоры с венецианским дожем, турецким султаном, посещал почти все страны континентальной Европы.

А в 1526 году Герберштейн вновь был послан в Московию, с той же целью, что и в первый раз. Второе посольство оказалось удачливее, чем первое.

29 августа 1526 года в битве с турками при Мохаче погиб венгерский король Людовик (Лайош II) Ягеллон. При Ягеллонах позиции центральной власти ослабели. Даже угроза османского нашествия и грандиозный поход османов на Белград в 1521 году не могли привести к усилению централизаторских тенденций. Через пять лет, в 1526 году, состоялся новый поход, в результате которого Венгрия стала добычей могущественного соседа.

Венгерские события, тесно связанные с ростом турецкой угрозы, а также энергичный нажим имперской и польской дипломатии заставили Сигизмунда искать прочного мира с Россией: ведь в 1527 году кончалось пятилетнее русско-литовское перемирие; нужно было думать о будущем.

14 октября в Можайск, где в это время находился «на потехе» Василий III, прибыли литовские представители – полоцкий воевода Петр Станиславович Кишка и подекарбий Богуш. Здесь в присутствии Герберштейна начались переговоры. Литовские представители непременным условием заключения мира ставили уступку Смоленска. Русская сторона на это категорически не соглашалась. Тогда Кишка и Богуш пошли на заключение нового, теперь уже шестилетнего, перемирия. С этим литовское посольство и покинуло Можайск. Вместе с ним в ноябре 1526 года из России уехал и Герберштейн.

28 февраля 1527 года Сигизмунд I подписал договор, продлевавший на шесть лет (с 25 декабря 1526 по 25 декабря 1532 г.) перемирие между Литвой и Россией. Планы церковной унии и антитурецкие проекты империи были тактично, но вместе с тем решительно отклонены русскими дипломатами.

Гибель Людовика Ягеллона крайне осложнила положение в Восточной Европе и привела к длительной борьбе империи и других держав за венгерскую корону. 13 ноября того же года сейм в Фейерваре избрал венгерским королем трансильванского воеводу Яноша Запольяи. Но почти одновременно (16 декабря) группа венгерских магнатов в Братиславе провозгласила королем брата императора Карла V Фердинанда I Чешского (женатого на сестре погибшего короля Лайоша II). Началась длительная междоусобная борьба между сторонниками обоих королей. Она сразу же осложнилась соперничеством Карла V (поддерживавшего Фердинанда) и польской шляхты, горячей сторонницы Яноша Запольяи, пользовавшегося покровительством турецкого султана. Сам же польский король Сигизмунд придерживался политики нейтралитета, скорее благожелательного по отношению к Фердинанду.

Два венгерских короля 14 апреля 1527 года заключили перемирие, закрепившее раздел страны между ними. Тем не менее отныне началось многолетнее кровавое соперничество партии Запольяи и Габсбургов в Венгрии. Первую поддерживала Польша. Герберштейн, будучи в Польше в очередной раз в конце февраля – начале марта 1528 года, сообщил Сигизмунду I требование Фердинанда – не предоставлять его сопернику Яношу Запольяи убежища в Польше. Большего он не осмелился потребовать.

Османская опасность не исчезла, было ясно, что ее объектом отныне могут стать не только славянские и венгерские земли, но и земли эрцгерцогства. Военная активность Сулеймана возрастала. Летом 1528 года османские войска вторглись в Крайну. В этих условиях венгерский вопрос временно отступил на второй план.

И вот в феврале – марте 1529 года Герберштейн отправился в Великое княжество Литовское со сложным дипломатическим поручением – добиться военной помощи от Сигизмунда I. Двухнедельное пребывание в Вильнюсе с 20 марта по 7 апреля 1529 года закончилось безрезультатно. Ни красноречивое описание османских захватов и угрозы, нависшей надо всеми государствами Юго-Восточной Европы и Центра, ни просьбы о помощи не возымели должного действия.

После смерти Максимилиана I Герберштейн в составе посольства отправился в 1519 году к будущему императору Карлу V. В начале 1521 года он стал членом Высшего Государственного совета Штирии, в 1527 году – членом Нижнеавстрийской камеры, в 1537 году – членом Высшего военного совета, в 1539 году – президентом Нижнеавстрийской камеры. В 1532 году Герберштейн был возведен в баронское звание.

Вершиной своей дипломатической деятельности Герберштейн считал встречу с Сулейманом Великолепным, когда ему удалось говорить не распростертым ниц перед султаном, как было принято при османском дворе, но стоя на одном колене. Недаром позднее с разрешения императора Герберштейн пополнил родовой герб изображением «московита» и «турка», имея в виду две важнейшие дипломатические миссии своей жизни.

Герберштейн выполнял многие поручения австрийской короны и к концу жизни заслужил славу одного из опытных и деятельных дипломатов империи. Но не меньшую известность принесла ему книга «Записки о Московитских делах». Труд Герберштейна издавался неоднократно и, безусловно, содержал информацию о России, интересную не только для европейских читателей, но и для русских.

Можно полагать, что первоначальный вариант «Записок» был создан вскоре после возвращения дипломата из второго путешествия в Московию, а вторично Герберштейн обратился к ним уже в начале 1540-х годов. К 1544 году книга была завершена, но лишь в 1549 году «Записки о Московии» увидели свет.

Природный ум, наблюдательность, всестороннее образование, полученное во время поездок по Европе, возможность непосредственного общения с населением – все это обусловило достоинства «Записок о Московитских делах». Западная Европа впервые получила более или менее достоверный очерк о Русском государстве, точное описание придворных обычаев, приема послов, религиозных обрядов и быта.

Герберштейн умер 28 марта 1566 года.

Иван Михайлович Висковатый

(? – 1570)

Русский государственный деятель, дипломат. Подьячий Посольского приказа (1542–1549). С 1549 года руководил приказом вместе с А. Адашевым. С 1553 года – дьяк думный; с 1561 года – печатник. Играл видную роль во внешней политике, был одним из сторонников Ливонской войны 1558–1583 годов. В 1570 году был заподозрен в боярском заговоре и казнен.

Происхождение и дата рождения Ивана Михайловича Висковатого неизвестны. Впервые его имя упоминается в дипломатических делах 1542 года. Из них следует, что он был подьячим и писал перемирную грамоту с Польшей.

С января 1549 года в посольских книгах все чаще встречается указание на то, что привезенные послами грамоты царь приказывает принимать Висковатому.

2 января 1549 года он отбыл к ногайским послам. 17 января – к бывшему астраханскому «царю» Дербышу. 22 января – «с ответом» к литовским послам. Тогда же в присутствии иностранных послов царь Иван IV приказал называть подьячего Висковатого дьяком. Официальное повышение состоялось несколькими месяцами позже и было связано с назначением Висковатого начальником Посольского приказа.

С 1549 по 1559 год в Москву приезжали 32 посольства из разных стран. Во всех переговорах участвовал Висковатый.

Иван Михайлович, как руководитель Посольского приказа, ведал перепиской царя и Боярской думы с иноземными послами, участвовал в предварительных переговорах, решал вопросы, связанные с приездом и пребыванием в Москве иностранных дипломатов, готовил русские посольства для отправки в разные страны.

Как ближний государев дьяк Висковатый делал записи, которые затем использовались в качестве заготовок для официальной летописи. Кроме того, став главой Посольского приказа, Иван Михайлович получил в свое ведение Царский архив, содержавший огромное количество рукописных книг и различных государственных актов московских великих и удельных князей, их родословные, правительственное делопроизводство, всю документацию внешнеполитического характера, а также различные следственные материалы.

Решая дипломатические задачи, Иван Михайлович и его подчиненные должны были учитывать всю историю взаимоотношений с другими странами. Иначе невозможно было наводить справки, делать выписки, ссылки на более ранние переговоры, грамоты и т. д. Висковатый систематизировал документы государственного архива и организовал его текущее делопроизводство.

Глава Посольского приказа уделял особое внимание отношениям России с Западной Европой. Во второй половине XVI века Россия, не имевшая выхода к Балтийскому морю, поддерживала связь с Европой через Белое море. В 1553 году Иван IV пригласил англичан в Москву. Через два года английский посланник Ричард Ченслер вновь приехал в Россию с двумя агентами торговой компании. После официального приема переговоры с ними вел Висковатый совместно с «лучшими» московскими купцами. Иван Михайлович понимал значение торговых связей России с Англией. В результате его стараний англичане получили льготную грамоту со множеством привилегий, а русским было разрешено также свободно и беспошлинно торговать в Англии.

Дружественные дипломатические связи России с Англией, выгодная торговля, военная и экономическая помощь продолжались вплоть до второй половины XVII века. Основа столь прочного союза была заложена Висковатым.

Для установления широких экономических связей с передовыми странами Западной Европы нужен был выход в Балтийское море. Этому мешали Польша, Литва и Ливонский орден. Господства на Балтийском море также добивались Швеция и Дания. Особенно досаждала Москве Ливония. Ливонские купцы стремились держать в своих руках все торговое движение, не пускали русских людей к морю, а иностранцев в Россию.

В 1558 году русские войска вошли в Ливонию, и началась война, затянувшаяся на 25 лет.

С первых же дней войны в правительстве образовались две партии. Любимец царя А.Ф. Адашев и его кружок считали необходимым продолжать военные действия на юге с крымскими татарами и Турцией. Московское дворянство вместе с начальником Посольского приказа Висковатым ратовало за продолжение Ливонской войны. Дворянство рассчитывало на новые поместные раздачи земель и расширение торговли со странами Восточной и Западной Европы. Победное завершение войны в Ливонии было совсем близко, но Адашев, руководивший войсками, не воспользовался благоприятным моментом, и вскоре наступление приостановилось.

Успехи русских войск в Прибалтике встревожили Литву, Польшу, Швецию и Данию, также претендовавших на Ливонское наследство. Они попытались дипломатическим путем прекратить вспыхнувшую войну. Основную роль в заключении перемирия 1559 года сыграло посредничество датского короля, приславшего для переговоров посольство в Москву. Во время переговоров Висковатый решительно заявил, что Дания не должна была принимать жалобы ливонцев, подданных московского государя. Он говорил, что московские государи не привыкли уступать кому бы то ни было покоренные ими земли; они готовы на союз, но только не для того, чтобы жертвовать своими приобретениями.

Висковатый надеялся, что его решительность поможет Москве отстоять свои интересы в Прибалтике и вынудит европейские державы признать русские завоевания, сделанные в первые годы Ливонской войны. Однако добиться успеха дипломатическим путем не удалось; ситуация складывалась неблагоприятно для Московского государства.

В 1562 году русское командование приступило к крупным военным операциям против Литвы. В походе участвовал и Иван IV. При царе находилась посольская походная канцелярия, которую вместо Висковатого возглавлял дьяк Андрей Васильев. Оставшись в Москве, Висковатый принял датское посольство. В результате был принят проект договора, по которому Дания отказывалась принимать участие в военных действиях против России.

Чтобы обратить все силы против Литвы, Висковатый предпринял по тем временам достаточно неожиданный для человека его звания и чина шаг. 12 августа 1562 года он выехал сам в Данию для подтверждения договорной записи. Благодаря успешным переговорам были заключены союзный договор с Данией и 20-летнее перемирие со Швецией. Ливонская война продолжалась с переменным успехом.

В 1566 году в Москву прибыло Великое польское посольство для ведения переговоров о заключении мира. Польские дипломаты не желали уступать России морской порт Ригу, а русские Польше – Полоцк и Смоленск. Переговоры оказались под угрозой срыва. Висковатый на специальном Земском соборе рекомендовал заключить перемирие, не требуя у Польши уступки спорных ливонских городов, при условии вывода оттуда польских войск и нейтралитета Польши в Ливонской войне. Но участники Земского собора высказались против этого и заверили правительство в том, что ради полного завоевания Ливонии они готовы на любые жертвы. В дальнейшем дипломатическая прозорливость Висковатого оправдалась. Неудачные переговоры 1566 года способствовали объединению в 1569 году на польско-литовском сейме в Люблине Польши и Литвы в единое крупное государство – Речь Посполитую.

9 февраля 1561 года Иван IV жалует Висковатого званием «печатника» (хранителя государственной печати), называет его «своим ближним и верным думцем». С этого времени Висковатый в дипломатических документах одновременно именуется печатником и дьяком.

Висковатый неоднократно произносил речи от имени Ивана IV. Так, в 1561 году, когда шведы просили о частичном изменении практики обмена посольствами между Москвой и Стокгольмом, он говорил: «То дело надлежит тягостнее свыше всего, что прородителей своих старина порушити».

После возвращения из Дании в ноябре 1563 года Висковатый постоянно назначался царем в состав боярских комиссий для переговоров с иностранными послами, но практически не занимался делопроизводством Посольского приказа. Во время пребывания Висковатого в Дании дьяк Андрей Васильев стал величаться «Царского Величества думным дьяком» и сохранил это звание в дальнейшем. Таким образом, летом 1562 года дело посольского дьяка фактически перешло к Васильеву. Висковатый как глава Посольского приказа продолжал оставаться советником.

Документальных свидетельств о его деятельности по возвращении из Дании немного. Висковатый, Васильев и ставленник Захарьиных Никита Фуников, возглавлявший Казенный приказ, держали в своих руках важную приказную документацию.

7 мая 1570 года Иван IV принял в Москве литовских послов, а «…встречи им были две: первая встреча, вышед из столовых сеней на рундуке печатник Иван Михайлович Висковатого, да дьяк Андрей Щелкалов». В июне 1570 года Висковатый участвовал в переговорах боярской комиссии с польскими послами в Москве и 22 июня вручил послам грамоту.

Обстановка в стране становилась все напряженнее. Царь всюду видел измены. Опричная дума приняла решение о походе в западные районы. В январе 1570 года карательная экспедиция устроила жестокий погром в Новгороде.

Сразу же после возвращения царя из Новгорода было затеяно так называемое «московское дело» высших приказных чинов, по которому среди прочих арестовали и казнили родного брата Висковатого Третьяка. Иван Михайлович объяснился с царем, убеждая его прекратить кровопролитие. Болезненно подозрительный Иван IV решил, что против него сложилась оппозиция. Вскоре более 300 человекам было предъявлено обвинение, в том числе почти всем главным дьякам московских приказов. Висковатый обвинялся в заговоре с целью сдать Новгород и Псков польскому королю, посадить на трон Старицкого, в изменнических сношениях с турецким султаном и крымским ханом, которым он будто «предлагал» Казань и Астрахань.

25 июля 1570 года великий дипломат был казнен на рыночной площади. Сначала опричники пытались заставить его публично признаться в своих «преступлениях» и просить царя о помиловании. Но его последние слова были: «Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царем!» После гордого отказа Ивана Михайловича распяли на кресте из бревен и расчленили живого на глазах царя и толпы.

Вслед за Висковатым казнили еще более 100 человек, в том числе и бывшего его помощника, главу Посольского приказа А. Васильева и государственного казначея Н. Фуникова, которого сварили, обливая кипятком.

Описывая казнь Висковатого, польский хронист Александр Гваньини заключил: «Таков конец превосходного мужа, выдающегося по уму и многим добродетелям, канцлера великого князя, равного которому уже не будет в Московском государстве».

Уильям Сесил

(1520–1598)

Английский государственный деятель. Первый министр королевы Елизаветы I Тюдор (с 1558 года главный секретарь, с 1572 года лорд казначейства). Создав влиятельный бюрократический аппарат, способствовал усилению абсолютизма. В 1586 году получил титул барона Берли.

Уильям Сесил происходил из дворянской семьи. В 1535 году Уильям поступил в колледж Сент-Джона в Кембридже. Он получил классическое гуманитарное образование. Сесил влюбился в сестру преподавателя Джона Чека, Мэри. Он женился на ней в 1541 году, но в 1543 году она умерла, оставив Уильяму сына Томаса.

Вскоре после этого Сесил попал в парламент. В 1545 году он женился во второй раз, на образованной и хитрой Милдред Кук.

В 27 лет Сесил уже был секретарем герцога Сомерсетского и пользовался его неограниченным доверием. После того как герцога арестовали, Сесил также был отправлен в Тауэр, но вскоре его освободили. Он служил государственным секретарем при герцоге Нортумберленде. Когда последний выступил противником королевы Марии, Сесил перешел на его сторону.

Еще при жизни Марии Сесил сблизился с Елизаветой, называвшей его впоследствии своим «умом». В ноябре 1558 года королева Мария умерла, перед смертью она с большой неохотой объявила младшую сестру своей наследницей.

Под видом того, что Тайный совет Марии был слишком большим и расколотым, Елизавета распустила две трети его членов и заменила их своими родственниками, служащими и политическими сподвижниками. Сесил занял первое место в управлении Англией. Он был находчивым администратором, а в политике преследовал далекие цели.

Долг добросовестного советника был ясен: он должен давать честные советы независимо от того, как считает королева; и выполнять решения королевы, что бы он ни думал сам. Но на деле Сесил обладал большой свободой действий. Как секретарь Сесил мог видоизменять информацию, чтобы поддержать предлагаемый курс, а затем оказывать на Елизавету давление, чтобы заставить ее следовать ему.

Весной 1559 года договором в Като-Камбрези Елизавете удалось прекратить дорогостоящую войну с Францией, унаследованную от Марии. Но французская угроза оставалась, и главной проблемой во внешней политике было присутствие французской армии в Шотландии, где она поддерживала католический режим против протестантских повстанцев.

Сесил подозревал, что если бы французам удалось победить протестантских повстанцев в Шотландии, они бы затем вторглись в Англию и посадили Марию Стюарт на английский престол. Поэтому цель внешней политики Сесила и Елизаветы была ясна: выдворить французов из Шотландии. Каким образом – это вызывало много споров. Уильям Сесил, при поддержке военных в Совете, выступал за военную интервенцию. Елизавета боялась расходов и непредсказуемости результата и не хотела помогать шотландским повстанцам, она надеялась добиться вывода французских войск путем переговоров.

Сесил прилагал огромные усилия, чтобы вынудить ее вмешаться в шотландские дела в поддержку протестантских повстанцев.

Решение вторгнуться в Шотландию было принято в канун Рождества 1559 года. Формирование войск началось вскоре после этого, но приказ перейти границу не отдавался до 29 марта. Военные действия в Шотландии не были удачными. К счастью, французам тоже надоело держать армию в Шотландии, поэтому начались переговоры о выводе войск обеих стран. Таким образом, стратегическая цель вторжения была достигнута.

В 1560 году Сесилу удалось удержать Елизавету от брака с Робертом Дадли.

В августе и сентябре 1560 года, когда жена Дадли умирала от рака груди, Елизавета и Дадли строили общие планы. Уильям Сесил готовился оставить должность государственного секретаря в случае, если они поженятся, но одновременно начал борьбу против этих планов. Он распространил слух, что Эми Дадли вовсе не больна, а Елизавета и Дадли планируют отравить ее. Эту историю он рассказал даже испанскому посланнику и добавил, что Дадли несет гибель королевству. Подобная тактика имела две цели: посланнику было внушено, что следует предостеречь Елизавету от замужества, а когда Эми в сентябре умерла, на Роберта пали подозрения в ее убийстве.

Случившееся вызвало шквал возмущений как при дворе, так и в стране, и на какое-то время брак королевы стал невозможным по политическим причинам. Тем не менее Елизавета и Дадли (а возможно, только сам Дадли) решили прибегнуть к крайним мерам и вступить в брак вопреки внутренней оппозиции. В середине января 1561 года союзник Дадли сообщил испанскому послу, что королева и Роберт пойдут на восстановление в Англии като-

лицизма, если Филипп II окажет им поддержку в заключении брака и поможет избежать последствий, с ним связанных. Планы вновь разрушил Сесил. Возможно, именно он сделал эту историю достоянием публики. Арестовав ведущих католиков из мелкопоместных дворян и обвинив их в незаконных мессах, он создал видимость папского заговора, поселив в душах людей страх перед реставрацией католицизма.

Вероятно, возникший в Лондоне общественный протест убедил Елизавету в том, что «испанская стратегия» невозможна. Она отрицала перед испанским послом, что когда-либо планировала возрождение католической религии. Тайный совет решил не принимать папского посла, и к началу мая 1561 года все было закончено. Сесил избрал блестящую тактику: он свел к нулю шансы Роберта Дадли стать королем, наглядно продемонстрировав Елизавете масштаб враждебности аристократии и народа по отношению к браку с Дадли, но он же тем самым обрек ее на роль королевы-девственницы. Возможно, именно в это время королева решила никогда не выходить замуж.

Использование английских послов за рубежом было любимым способом манипуляций Сесила. В 1562 году «передовые» советники подталкивали Елизавету к тому, чтобы она оказала военную поддержку французским протестантам и присоединилась к международной Протестантской лиге. Сесил действовал не напрямую, а через Кристофера Мундта, посла в Германии. Он подучил Мундта уговорить немецких монархов-протестантов послать к Елизавете эмиссара, чтобы предложить совещание и союз.

Как только стало очевидным нежелание Елизаветы выходить замуж, от нее стали настойчиво требовать объявления наследника престола. Тайный совет разделился на три группы, каждая из которых поддерживала своего претендента, а Елизавета еще более ухудшила положение вещей, предложив Роберту Дадли стать регентом королевства. Уильям Сесил, ожидая беды, писал в 1563 году парламенту: «Я думаю, что следует предпринять все возможное, чтобы утвердить наследника престола, но я боюсь, что нежелание Ее Величества объявить его может стать препятствием на этом пути». Так оно и случилось.

Палата лордов и палата общин обратились к королеве с просьбой назначить наследника.

Лорд-канцлер Бэкон в палате лордов и секретарь Сесил в палате общин организовали совместную делегацию обеих палат к королеве по поводу престолонаследия.

После того как королева попыталась отменить парламентские дебаты по поводу назначения наследника, в Лондоне начали появляться плакаты, подвергавшие критике ее поведение. Они, кроме того, несправедливо обвиняли Уильяма Сесила в том, что наследник не был назначен. О королеве складывалось мнение как о безответственной и пренебрегающей благополучием своих подданных.

Елизавета и правда отказывалась провозгласить наследника и всячески пыталась не допустить обсуждения этого вопроса.

Что касается религии, то Сесил являлся противником преследований, но признавал необходимость государственной религии. Елизавета не хотела разрывать связи с папским престолом. Только жесткая политика папы Павла IV, который объявил младшую дочь Генриха VIII незаконнорожденной, окончательно оттолкнули Елизавету от католичества. Сесил убедил королеву, что в ее интересах выступать за реформированную церковь. Это был мудрый совет: английские католики считали сомнительными права Елизаветы на престол и были склонны устраивать заговоры в пользу шотландской королевы Марии Стюарт, которую объявили единственной законной наследницей трона. В 1559 году были изданы парламентом законы, окончательно сформировавшие англиканскую национальную церковь. Именно благодаря искусству Сесила, в палате лордов прошел, правда, не без труда, билль, восстанавливающий господство короны над церковью.

Влияние на королеву считалось очень важной стороной. Секретарю следовало узнать, в каком настроении королева, прежде чем идти на встречу с ней; он не должен был поднимать важных вопросов, если она была сердита; он должен был вести непринужденную беседу, чтобы отвлечь ее, когда она подписывала официальные документы; и он должен был поддерживать хорошие отношения с ее фаворитами во время заседаний.

Однажды Сесил был взбешен тем, что доклад поступил прямо к королеве, миновав его. В июне 1568 года Фрэнсис Ноуллз написал Сесилу тринадцатое письмо, посланное с тех пор, как он стал стражем Марии Стюарт в замке Болтон; два попали к королеве, одно к Совету, а десять остались у Сесила. Таким образом, секретарь мог влиять на королеву, отбирая информацию, а также тем, как он ее представлял.

Он доказывал королеве необходимость общего союза с европейскими протестантскими государствами. Против него Норфолком был составлен заговор, но опытный политик сумел расстроить планы Норфолка, поссорив его с сообщниками. Узнав о переговорах Норфолка с Филиппом Испанским, Сесил арестовал его (1571).

В 1586 году Сесил получил титул лорда Берли, но впал в немилость после казни Марии Стюарт (1587), как и другие министры, выступившие за смертный приговор.

Англия извлекала большие выгоды из войн на континенте. В 1588 году была одержана знаменитая победа над испанской «Непобедимой армадой», чему в немалой степени способствовала дипломатическая и военная подготовка, проведенные лордом Берли.

Он был мастером тайной дипломатии. Ежедневно на его стол ложилось от 60 до 100 писем. Лорд Берли разделял свою канцелярию на две части: одна занималась международными делами, а другая распределяла милости. В то время говорили, что Англия – «королевство Сесила», и это было недалеко от истины. Многого добился и его сын Роберт, ставший государственным секретарем.

Уильям Сесил, первый лорд Берли, умер в 1598 году.

Генрих IV

(1553–1610)

Первый представитель династии Бурбонов. Прозван Великим. Французы связывали с его именем конец религиозных (гражданских) войн 1562–1594 годов и обретение права на свободу вероисповедания.

Генрих IV родился 13 декабря 1553 года в Беарне в фамильном замке По. Отец младенца – первый принц крови Антуан Бурбон, герцог Вандом. Мать Генриха, давшая ему титул короля Наварры, – Жанна д'Альбре, дочь Маргариты Наваррской и Генриха д'Альбре. По материнской линии Генрих приходился внучатым племянником королю Франциску I.

Детские годы Генриха прошли в Беарне.

В семилетнем возрасте Генрих был обращен матерью в новую веру. Жанна д'Альбре нашла для сына воспитателя и учителя из числа ревностных протестантов.

В 1561 году семья Антуана Бурбона – его жена Жанна д'Альбре и двое детей, Генрих и Екатерина, – оказались в Париже. Уже в 1557 году, в момент представления юного Бурбона ко французскому двору, возник план бракосочетания наследника Наварры с принцессой Маргаритой Валуа, которому было суждено осуществиться через 15 лет.

В год начала гражданских войн смерть отца позволила ему стать первым принцем крови. Девятилетнего наследника Антуана Бурбона удостоили всех почетных титулов. Беарнский принц был назначен губернатором и адмиралом Гиени. В 13 лет он был признан наследником всех владений своей матери Жанны д'Альбре.

Свое первое боевое крещение 15-летний Генрих Бурбон принял в Ла-Рошели в 1568–1569 годах, находясь рядом с главой протестантской партии принцем Конде и адмиралом Колиньи. Юноша обнаружил недюжинные военные способности в столкновении с армией католиков и по праву разделил победу с протестантами.

18 августа 1572 года Генрих Наваррский женился на Маргарите Валуа. Однако долгожданное бракосочетание не оправдало возложенных на него надежд. Супружеская жизнь не состоялась, несмотря на то, что Маргарита Валуа и Генрих Наваррский 28 лет официально считались супругами.

События в ночь на 24 августа (на св. Варфоломея) были лишь одним из эпизодов гражданских войн. Однако Генрих Наваррский вынужден был отречься от протестантизма и вернуться в лоно католичества.

Новообращенца использовали для усмирения очага сопротивления – Ла-Рошели, его вынудили подписать указ о восстановлении католицизма и запрете протестантского культа в Беарне. Но прозелитизм мог быть и тактическим ходом Генриха Наваррского. В годы вынужденного плена при дворе Карла IX и Генриха II будущий король Франции научился политической игре, которой искусно владело его окружение. Его никогда не покидала мысль о возвращении в Беарн. В феврале 1576 года во время королевской охоты ему удалось бежать.

К этому времени протестанты Южной Франции создали политическую организацию – «Соединенные провинции юга» – конфедерацию южно-французских городов. Генрих Наваррский поддерживал своих бывших единомышленников. Но для участия в совместной борьбе он должен был отречься от католицизма. И снова наваррец меняет веру. Ассамблея сословий в Монтобане объявляет его королем Наварры и покровителем союза протестантов и умеренных католиков.

Обретя власть над юго-западной частью Франции, раскинувшейся между Тулузой и Бордо, Пиренеями и Пуату, 24-летний король предпринял решительные шаги для укрепления протестантского объединения.

Мирный период в жизни Генриха Наваррского был прерван в связи со смертью младшего Валуа герцога Алансонского, кончина которого означала угасание правящей династии: царствующий 33-летний Генрих III не имел потомства. Единственным законным наследником престола оставался принц крови Генрих Наваррский – представитель новой династии Бурбонов. Оппозиция в лице Католической лиги выдвигала на престол своего кандидата – старого Карла Бурбона.

Ситуация осложнялась и тем, что не дремали и внешние силы. Испанский король Филипп II поддерживал католическую оппозицию и Карла Бурбона, рассчитывая в слу-

чае удачи на признание испанской инфанты Изабеллы первой претенденткой при выборе супруги французского короля. Католическая оппозиция допускала иноземное вмешательство в дела Франции. Однако французы сделали выбор в пользу короля-протестанта, свободного от иноземного давления.

В это ответственное время армия Генриха Наваррского начала военные действия. В октябре 1587 года она одержала блестящую победу над оппозицией при Кутра. Но это было только начало. Семь лет Генрих Наваррский боролся за престол и за независимую Францию. Все эти годы на его пути стояла католическая оппозиция, поддерживаемая церковью и папой. В смертельной схватке с оппозицией в 1589 году погиб последний представитель правящей династии король Генрих III.

Генрих Наваррский все более убеждался, что ключ к умиротворению не в использовании силы, а в дипломатии – переговорах и взаимных уступках. Уход с политической арены Генриха III открывал перед законным наследником французского престола дорогу к власти, хотя и весьма нелегкую. Еретику с небольшой армией преданных людей противостояла Католическая лига, поддерживаемая папой римским и Испанией.

В августе 1589 года на правах законного наследника французского престола протестант Генрих Наваррский выступил с декларацией, в которой обещал поддержать во Франции римско-католическую религию в ее целостности. Декларация не предусматривала нарушения социального статуса ни католиков, ни протестантов, однако обещала вернуть католикам отнятое у них имущество.

Дворянство в общей массе было недовольно заявлением претендента на престол. Кроме того, к концу 1589 года почти все крупные города выступали за Католическую лигу. На стороне Генриха Наваррского оставались южные и западные города. В противовес Испании и папе король Наварры мог рассчитывать на помощь английской королевы, немецких протестантских князей, Нидерландов и Венеции. Но союзники ставили свои условия. Положение складывалось не простое.

Крушение плана посредством мирных переговоров и национального собора прийти к согласию заставило наваррца принять вызов оппозиции и готовиться к войне, прибегнув к новой тактике. Он разделил армию на три части: одну направил к Шампани, другую к Пикардии, третью – к Нормандии. Северное побережье открывало связь с союзницей Англией.

С армией меньшей численности и с незначительной помощью иностранных наемников Генрих Наваррский осадил Париж. Длительность осады заставила его начать переговоры с городскими властями, которые ни к чему не привели, но вынудили его дать бой на подступах к Парижу.

В январе 1593 года в осажденном Париже собралась ассамблея сторонников Лиги. На этом собрании в нарушение традиции престолонаследия был поставлен вопрос о выборах короля. Дебаты лигеров продолжались полгода, но выход так и не был найден. Между тем эта ситуация подтолкнула Генриха Наваррского на решение об отречении от протестантской веры, которого давно от него ожидали.

Отречение от протестантской веры и причащение по католическому обряду не имели силы без санкции Святого престола. Генрих Наваррский должен был предстать перед папой. Вместо этого он отправил в Рим Клименту VIII послание. Папа не ответил наваррцу. И наследник престола короновался без папского благословения.

27 февраля 1594 года, вопреки традиции, в Шартре, а не в Реймсе состоялась торжественная коронация. А 22 марта Генрих IV вошел в Париж. Гарнизоны Филиппа II покидали город. Парижане в сомнении и страхе ожидали первых распоряжений нового короля. Генрих IV принял единственно разумное решение – не преследовать своих противников и не конфисковывать их имущество, надеясь своим миролюбием обезоружить бывших врагов.

Однако не все города безоговорочно приняли короля. Жители ряда городов как на севере, так и на юге Франции небезуспешно пытались выкупить свои городские свободы и право на отправление протестантского культа. Сын убитого Генриха Лотарингского герцог Гиз отдал Генриху IV Реймс за 3 миллиона ливров. Король без колебаний шел на эти сделки, стремясь убедить своих новых подданных в том, что главная цель его действий не столько заслужить титул первого сына церкви и наихристианнейшего короля, сколько позаботиться о согласии и объединении всех французов.

Этим усилиям короля противодействовала активность еще живой Католической лиги и ее испанского покровителя: Филипп II держал свою казну открытой для оплаты солдат во Франции. Отречение и коронация Генриха Наваррского без санкции Святого престола вызвали неоднозначную реакцию как в самой Франции, так и в Риме. Папа опасался излишней самостоятельности французов. Генрих IV, объявив себя защитником католической церкви, вовсе не желал разрыва с Римом. Так или иначе, но осенью 1595 года в Риме папа Климент VIII согласился заочно принять отречение и, отпустив грехи, ввести французского короля в католическую церковь.

Пользуясь услугами своих советников, Генрих IV проявлял большую самостоятельность, принципиальные решения как во внешней, так и внутренней политике он предпочитал принимать сам.

В январе 1595 года Генрих IV объявил войну Испании, которая закончилась сепаратным Вервенским миром 1598 года на основе статус-кво.

Следуя в своей политике принципу компромисса, Генрих IV был склонен к веротерпимости. Он считал необходимым официально признать статус протестантов и протестантской церкви. Собрание, состоявшее из советников короля, клириков и представителей протестантских церквей, решало этот вопрос два года (1596–1598), пока в апреле 1598 года в Нанте не был подписан эдикт об умиротворении, о признании легального существования религиозного меньшинства.

Нантский эдикт юридически оформил права католиков и протестантов, и король выступил гарантом этих прав. Провозглашался принцип веротерпимости как главный в монаршей политике. Кроме того, для Генриха IV эдикт стал единственной возможностью закрепить свою победу.

В конце 1599 года Генрих IV получил долгожданный развод с Маргаритой Валуа и уже через год взял в супруги Марию Медичи, племянницу великого герцога Тосканского Фердинанда и кузину Екатерины Медичи.

Политики – современники Генриха IV и в первую очередь его главный помощник Сюлли – постоянно подчеркивали, что захватывать стоит лишь то, что можно сохранить. Могущество государства имеет свои границы: перейдя их, оно вызывает против себя объединенные силы врагов и завистников.

Однако и сам Сюлли мечтал о гегемонии Франции над цивилизованным миром, над всеми христианскими народами. Отсюда ведет свое происхождение один проект международного соглашения, авторство которого Сюлли приписывал своему королю. «Великий замысел» Генриха IV состоял в том, чтобы низвести Габсбургов до уровня государей одного Пиренейского полуострова, прогнать турок и татар в Азию, восстановить Византийскую империю и затем перекроить политическую карту Европы. Европа будет разделена на шесть наследственных монархий, пять избирательных монархий и пять республик. Во главе всех этих государств будет поставлен особый совет, который будет охранять общий мир и разбирать споры между государствами, между государями и их подданными. Президентом этой своеобразной республики христианских государств будет папа, первым министром его – представитель Франции. Тайная мысль Сюлли, скрывавшаяся за этим проектом, ясна: ослабить врагов Франции, усилить ее вассалов, окружить ее поясом нейтральных государств,

которые юридически были бы под ее покровительством, а фактически под ее командой, – вот в чем заключался этот «великий замысел».

План Сюлли известен только из его мемуаров. Действительность была несколько иной.

Не упуская из виду идеи естественных границ для своей страны, Генрих IV действовал во внешней политике согласно другому принципу, который получил в это время широкую практику. То был принцип «политического равновесия». Если государство в XVI веке становилось национальным, то есть строилось на основе хозяйственного единства территории и связанного с ним единства языка и культуры, то в своих отношениях к другим государствам оно стремилось обеспечить это целое от их посягательств. Практически во внешней политике это приводило к стремлению сохранить исторически сложившееся соотношение сил между европейскими государствами, создать противовес всякой быстро увеличивающейся державе; при захватах же, осуществленных сильнейшей державой, – компенсировать слабейшие в целях восстановления все того же «равновесия».

Конечно, все такие «принципы» были действительны лишь до тех пор, пока было невозможно или опасно нарушать их силой.

Практически Генрих стремился к двум целям: ослабить могущество династии Габсбургов и поддержать выгодно складывавшееся для Франции равновесие между европейскими державами. Поэтому он продолжал сохранять дружественные отношения с Англией, которая помогла ему, как протестанту и врагу Испании, завладеть французским престолом. Однако в то же время Генрих тайно противодействовал планам английских моряков и торговцев и происках английских дипломатов в Италии и на Востоке, где, как известно, Франция прочно укрепилась со времени Франциска I. Вследствие этого послы Генриха IV в Лондоне – Тюмери, Гарле де Бомон и Ла Бордери – стояли всегда перед трудной задачей сочетать дружбу с Англией с противодействием стремлению этой державы занять первенствующее положение.

Все в тех же целях ослабления Габсбургов Генрих IV способствовал заключению мира между Испанией и Голландией. Таким образом, французский король содействовал признанию Испанией независимости отпавших от нее семи северных провинций Нидерландов.

На Востоке, в Турции, Генрих восстанавливал пошатнувшееся за время религиозных войн французское влияние при помощи успешной дипломатической деятельности своих послов Савари де Брева и Жана де Гонто Бирона. Льготы, полученные Франциском I в 1535 году, были полностью восстановлены в 1604 году: все государства, желавшие торговать с Турцией, должны были посылать туда свои суда под французским флагом. Исключение составляли англичане, которые сумели добиться от султана в 1599 году права входить в его порты под собственным флагом. Дружба Генриха с султаном была средством запугивания императора (Габсбурга) нашествием турецких армий, а испанского короля (тоже Габсбурга) – нападением турецкого флота. И то и другое было залогом безопасности Франции.

Одновременно, однако, Генрих не мешал распространять слухи о своих наихристианнейших намерениях завоевать Восток, изгнать султана из Европы и объявить против него крестовый поход. В отношении германских князей Генрих также держался реальной политики, завещанной ему XVI веком. Его уполномоченный Боннар уверял немецких протестантских князей, что переход Генриха из протестантизма в католицизм не должен их смущать; дружественное отношение короля к немецким князьям остается неизменным, как и его желание быть по-прежнему защитником «исконной немецкой свободы». Поскольку были сильны князья, был слаб император, вечный враг Франции Габсбург. Генриху IV удалось в конце концов создать коалицию против Габсбургов и приступить к борьбе с ними. Однако кинжал убийцы не позволил ему довести задуманное до конца.

В мае 1610 года король был убит Франсуа Равальяком, монахом-фельяном из нового ордена, основанного в Париже в XVI веке.

Вечером 14 мая 1610 года тело покойного приготовили к прощанию. Полтора месяца гроб с бальзамированным трупом стоял в Лувре. Похороны состоялись в королевской усыпальнице Сен-Дени 1 июля. Сердце короля, согласно его распоряжению, было передано для захоронения в капелле иезуитской коллегии Ла Флеш.

Антонио Поссевино

(1534–1611)

Иезуит, папский дипломат. В 1578 году был назначен папским нунцием в Швеции и апостольским викарием для Руси, Ливонии, Венгрии, Померании и Саксонии. Участвовал в качестве посредника в мирных переговорах между Россией и Польшей (1581–1582), выполнял дипломатические поручения Ватикана в Польше (1583–1584). Вел пропаганду католицизма в Ливонии.

Антонио Поссевино родился в 1534 году в Мантуе в семье золотых дел мастера. Духовное образование он получил в Риме. Кардинал Гонзага, заметив исключительные способности Поссевино, взял его к себе сначала секретарем, а позже поручил воспитание своих племянников.

В 1559 году Поссевино вступает в орден иезуитов, причем проходит новициат, то есть двухлетний срок испытания, за 6 месяцев. Почти сразу же ему даются ответственные поручения. Генерал ордена Лайнес посылает его в Савойю, где в это время заметно усилилось реформационное движение (1560). Объехав Пьемонт и Савойю, Поссевино доложил о положении дел герцогу Эммануилу Филиберту и настоял на применении самых жестоких мер к еретикам. Против протестантов было послано двухтысячное войско, которое сопровождал сам иезуит.

К 1565 году относится процесс во французском парламенте о праве иезуитов преподавать в Парижском университете. Поссевино добился того, что иезуиты «пока» были оставлены в качестве преподавателей университета. По поручению папского двора он основал ряд иезуитских коллегий, в частности коллегию в Авиньоне, и сам стал ее ректором.

В 1569 году, когда Поссевино отправился в Рим, чтобы принять последний, четвертый, обет ордена и вступить в высший класс Общества Иисуса, в Авиньоне распространился слух, что Поссевино имеет секретное поручение ходатайствовать о восстановлении здесь инквизиции. В городе началось волнение, папскому легату кардиналу д'Арманьяку с трудом удалось успокоить авиньонцев.

В 1572–1578 годах Поссевино был секретарем генерала ордена. Папа Григорий XIII, пристально следивший за событиями на севере, в 1577 году отправил Поссевино в Швецию для обращения короля Юхана III в католичество.

Юхан III понимал, что восстановить католицизм в Швеции невозможно без предварительных уступок со стороны папы по нескольким вопросам церковной обрядности. Он передал Поссевино список из 12 пунктов, по которым находил необходимым «исходатайствовать диспенсацию» со стороны Рима для шведской церкви.

В 1578 году Поссевино вернулся в Рим, чтобы добиться скорейшего ответа на требования шведского короля. Папская комиссия нашла возможным удовлетворить пять важнейших пунктов. Поссевино был отправлен обратно к Юхану III, будучи назначенным его папским нунцием в Швеции и апостольским викарием для Руси, Ливонии, Венгрии, Померании и Саксонии. Ему также было поручено разузнать о положении дел в Московии.

По дороге в Швецию Поссевино остановился в Вильно, где встретился с польским королем Стефаном Баторием.

Поссевино посетил также баварского герцога Альбрехта, императора Рудольфа II и позаботился об устройстве для шведов отделений при католических коллегиях в Ольмюце и Браунсберге.

В 1579 году иезуит прибыл в Швецию. Но Юхан III отказался от плана воссоединения шведской церкви с католической. Несмотря на все старания Поссевино король своего решения не изменил, и иезуит вернулся в Рим (1580).

В Риме Поссевино принял русское посольство Шевригина (24 февраля 1581 года). Посольство Иоанна Грозного прибыло к Григорию XIII с просьбой выступить посредником между Москвой и Стефаном Баторием.

Папская курия направила Поссевино в Московию, преследуя свою цель – в ходе переговоров привлечь Ивана IV к антиосманской лиге и таким образом приблизить его к папскому двору, затем постепенно обратить русского царя в католичество и подготовить почву для полного окатоличивания России.

27 марта 1581 года вместе с русскими послами Поссевино выехал из Рима. Остановившись в Венеции, иезуит вел переговоры о вовлечении Венецианской республики в антитурецкую лигу и о возможных торговых отношениях Венеции с Россией. В Австрии, Богемии, Речи Посполитой Поссевино вошел в положение дел и регулярно отсылал донесения в Рим. В Граце (Штирия) дипломат встречался с Кобенцелем, побывавшим в России в качестве посла императора Максимилиана, и имел с ним продолжительную беседу о положении дел в России.

13 июня Поссевино прибыл в Вильно к польскому королю. Баторий сначала без энтузиазма принял посредничество иезуита, считая, что переговоры дадут передышку «московиту» и позволят ему стянуть новые силы в западные области. Но Поссевино увлек Батория картиной той исторической роли, которую ему будет суждено сыграть: заключив мир с Иваном IV, Баторий подготовит почву для объединения восточной и западной церкви и будет

содействовать распространению католичества в северных и восточных областях. Этим же он обеспечит себе поддержку папского престола.

3 июля Поссевино вместе с канцлером Яном Замойским прибыл в Дисну. Поссевино добился у короля разрешения конфисковать в пользу иезуитской коллегии, основанной в Вильно в 1579 году, часть имений, принадлежавших ранее русской церкви.

18 августа Поссевино приехал в Старицу, где в это время находился Иван IV. Посланник вручил царю письма папы и императора Рудольфа, а также подарки и письма к царице и царевичам. Иезуит узнал условия Ивана IV: царь отдает Полоцк с пригородами, Луки, Заволочье, себе же требует 36 замков в Ливонии, в их числе Нарву с пригородами. Поссевино при этом были показаны некоторые документы из архивов, подтверждавшие права русских на Ливонию. Папский дипломат пробыл в Старице около месяца. Иван Грозный несколько раз принимал его, и каждый раз Поссевино пытался начать разговор с ним о вере и объединении церквей, от чего царь упорно уклонялся.

14 сентября Поссевино отправился из Старицы в польский лагерь под Псковом, куда прибыл 5 октября. Положение поляков к этому времени резко ухудшилось. Стойкая оборона защитников Пскова, отсутствие средств на продолжение длительной осады и внутренние раздоры в польском лагере вызывали недовольство у самих осаждающих. Тем не менее требования Ивана Грозного показались Баторию чрезмерными, и он не захотел вести переговоры на таких условиях.

Поссевино тотчас отправил царю очень красноречивое письмо, в котором положение русских нарисовал самыми мрачными красками. Поссевино писал также, что шведский король взял Ивангород и Нарву и, следовательно, может вторгнуться в пределы Московии. Уступка Ливонии, убеждал иезуит, не будет особенно тяжелой для русской стороны, так как он обещает испросить у польского короля право свободного проезда через ливонские земли для послов и купцов.

Вероятно, под влиянием этого письма в наказе своим послам, Дмитрию Елецкому «со товарыщи», русский царь выдвинул более умеренные и невыгодные для русских требования: он соглашался передать польской стороне всю Ливонию, оставив за собой Великие Луки, Невель, Заволочье, Холм и псковские пригороды. Послам также было предписано не поднимать вопроса о Нарве.

Поссевино вместе с польскими послами выехал из псковского лагеря в Ям Запольский, где была назначена встреча послов. Переговоры начались 13 декабря в деревне Киверова Горка в нескольких километрах от Яма Запольского (между Заволочьем и Порховом) и продолжались больше месяца (до 15 января 1582 года). Поссевино проявлял при этом большую активность: вел все заседания, писал протоколы, обменивался письмами с русским царем, польским королем, канцлером Замойским, кардиналом ди Комо, шведским королем и другими, снимал копии со всех документов. Переговоры шли медленно. Несколько раз польские послы в раздражении на неуступчивость русских уходили с заседаний, заявляя, что больше не вернутся. Поссевино старался примирить враждующие стороны и ускорить ход переговоров. Полякам советовал прекратить осаду Пскова, так как это затрудняло перемирие. Говорил о стойкости русских при защите своих крепостей, приводя в пример безуспешную осаду Печерского монастыря войсками Батория. В то же время в письмах к Ивану Грозному он писал о бедственном положении русских.

В ходе переговоров обе стороны старались узнать, до каких пределов послам даны полномочия уступать. Поссевино предложил польским послам первым сделать уступки и этим вызвать на откровенность русских. Такой тактический ход продвинул немного вперед переговоры. Поссевино советовал польскому королю выдавать себя за союзника шведского короля Юхана III с тем, чтобы казаться московским послам более серьезным противником. Вопрос о том, включать ли шведского короля в перемирие, долго обсуждался на заседаниях.

По совету иезуита, переговоры с Юханом III были на время отложены, при этом Поссевино надеялся, что и для заключения мира со шведами московский царь выберет его своим посредником.

Больше всего споров велось о двух крепостях – Себеже и Велиже. В конце концов Велиж уступили польской стороне, Себеж – русской. В разгар споров о титуле царя в перемирной грамоте (поляки хотели титуловать Ивана IV не царем, но лишь великим князем) пришло письмо от Замойского из лагеря под Псковом, в котором он писал, что положение поляков очень тяжелое и он не продержится более 8 дней. Именно это повлияло на ход переговоров, и на двадцать первом заседании перемирие было заключено на 10 лет. К Речи Посполитой переходила вся Ливония, за исключением пяти городов, с ливонскими замками, кроме тех, которые были заняты шведами. Таким образом, почти двадцатилетняя война России за выход к Балтийскому морю закончилась тяжелым для русских Ям-Запольским перемирием. Поссевино интересовала лишь окончательная цель переговоров: заключение перемирия; он стремился казаться миротворцем с тем, чтобы облегчить достижение главной цели посольства: привлечь русского царя к антиосманской лиге и подчинить его апостольскому престолу.

14 февраля Поссевино приехал в Москву. Однако Иван IV по-прежнему уклонялся от обсуждения религиозных вопросов. Поссевино добился лишь разрешения на публичные диспуты о вере, состоявшиеся 21, 23 февраля и 4 марта. Результатом миссии Поссевино было лишь то, что русский царь снарядил посольство в Рим во главе с Яковом Молвяниновым, которое должно было передать папе грамоту с общими словами о любви и братстве.

Посольство Поссевино вместе с посольством Молвянинова прибыло в Рим 13 сентября и оставалось там до 16 октября. Переговоры с папой показали, что вопрос о крестовом походе против турок решить не удается. 4 декабря 1582 года русское посольство вместе с Поссевино прибыло в Варшаву.

С 1582 года и до смерти Батория в 1586 году Поссевино находится в основном в Польше, исполняя обязанности главного инспектора католических семинарий, возложенные на него папой, и получая ежемесячный пенсион в 100 экю.

В конце 1582 – начале 1583 года Поссевино жил в Венгрии, где заканчивал и редактировал свои трактаты «Московия», «Ливония» и «Трансильвания».

Возвратившись из Венгрии в Краков, Поссевино почти неотлучно находился при польском короле. Баторий, несмотря на Ям-Запольское перемирие, начал подготовку к войне с Россией, надеясь успешным завершением войны на востоке укрепить свои позиции в Речи Посполитой. Имея сильную оппозицию в лице литовских магнатов и влиятельной группы Зборовских, Баторий рассчитывал на помощь Святого престола. Поссевино оказался весьма деятельным и усердным помощником польского короля, осуществляя связь с Римом и добиваясь предоставления денежных субсидий Баторию для войны с Россией. Иезуит изобрел даже предлог для нарушения перемирия: истощенная длительной войной Россия постоянно находится под угрозой захвата турками и татарами. Поляки должны прийти на помощь своим славянским братьям для защиты от ислама.

Поссевино удалось войти в полное доверие к польскому королю, который не переставал его хвалить в письмах к папе, кардиналу Фарнезе, Клавдию Аквавиве и др. При этом Поссевино не забывал о проекте объединения церквей в юго-западных областях России. Он установил тесные связи с князем Константином Острожским, посвятив его в свой проект унии, и даже предложил ему созвать в Остроге нечто вроде собора, который выработал бы план объединения церквей. Однако столь активная деятельность Поссевино в Речи Посполитой вызвала недовольство как поляков, в частности Замойского, опасавшегося слишком сильного влияния Поссевино на короля, так и самой Папской курии, рассчитывавшей опереться в походе против турок на объединенные силы польского и русского государств.

После смерти в 1585 году папы Григория XIII генерал иезуитского ордена назначил Поссевино помощником провинциала в Речи Посполитой. В начале 1586 года Поссевино вместе с племянником польского короля Андреем Баторием отправился в Рим, где ему удалось выхлопотать у папы Сикста V субсидию в 25 тысяч скуди для завоевания Московии. Только неожиданная смерть Стефана Батория помешала началу военных действий.

Положение Поссевино усложнилось также из-за неприязненного отношения к нему папского нунция в Речи Посполитой Болоньетти, который считал, что Поссевино превышает свои полномочия инспектора училищ и вмешивается в дела, входящие в обязанность нунция. Об этом Болоньетти постоянно писал в Рим в своих донесениях.

Генерал ордена Аквавива отозвал Поссевино в Рим, мотивируя это тем, что в сложной борьбе партий за избрание нового польского короля он слишком ревностно поддерживал в качестве претендента на польский престол воспитанника иезуитов сына шведского короля Юхана III Сигизмунда, что шло вразрез с политикой Папской курии, отдававшей предпочтение кандидатуре одного из эрцгерцогов дома Габсбургов. Поссевино было предписано удалиться из Кракова в Браунсбергскую коллегию (Восточная Пруссия) и заниматься исключительно просветительской деятельностью.

В 1587 году Поссевино назначили ректором падуанской академии. С этого времени он занимался в основном литературным трудом: писал большие библиографические работы по различным вопросам теологии. Однако даже в это время интерес Поссевино к России не ослабевал. Он пристально следил за событиями на востоке, поддерживал постоянную переписку с иезуитами из окружения Лжедмитрия I.

Поссевино однажды еще раз попытался вмешаться в политику в интересах французского короля Генриха IV (1593), но это вызвало такой гнев со стороны Климента VIII, что он вынужден был бежать из Рима.

Умер Поссевино 26 февраля 1611 года в Ферраре.

Аксель Густафсон Оксеншерна

(1583–1654)

Граф, шведский государственный деятель. С 1609 года – член Государственного совета; канцлер Швеции (1612–1654). Как глава регентского совета (1632–1644) фактически правил страной. Добивался установления гегемонии Швеции на Балтийском море. Заключил Кнередский мир (1613) с Данией и Столбовский мирный договор (1617) с Россией. В результате Тридцатилетней войны притязания Швеции на Балтийское побережье были удовлетворены почти полностью (Вестфальский мир, 1648).

Аксель Густафсон Оксеншерна родился в 1583 году. Он принадлежал к знатной фамилии, представители которой играли заметную роль в истории Швеции. В 1609 году 26-летний Оксеншерна стал сенатором, а с восшествием на престол Густава II Адольфа был назначен государственным канцлером, то есть высшим руководителем внутренней и внешней политики Швеции.

Новому канцлеру сразу пришлось решать сложные задачи, прежде всего во внешней политике. В мае 1612 года датские войска заняли Эльфсборг. Как и в Семилетнюю войну, Швеция оказалась полностью изолированной от Западной Европы. Датский флот атаковал восточные берега Швеции и дошел до Стокгольмских шхер. В такой угрожающей обстановке Оксеншерна выступал за скорейшее прекращение войны. В 1612 году в Кнереде был

заключен договор о мире. Швеция вернула себе крепость Эльфсборг за весьма значительный выкуп, что сильно отразилось на состоянии государственной казны. Пока этот выкуп не был полностью выплачен – а он выплачивался в течение многих лет, – эта важнейшая крепость со всей областью находилась под властью Дании.

Одновременно Швеция продолжала войну с Россией. На этом фронте успехи также сменились неудачами. Московское государство сплотилось, и шведы потеряли поддержку одной из влиятельных русских партий. С 1614 года король Густав-Адольф сам участвовал в русской кампании, поэтому он хорошо разбирался в балтийских проблемах. Благодаря его таланту на долю шведов выпало военное счастье.

В 1617 году Оксеншерна заключил с русскими очень выгодный для Швеции Столбовский мир. Этих условий шведы добивались в своей балтийской политике со времен Эрика XIV, а именно – контроля над выходом русских торговых путей в Балтийское море с вытекающими из этого стратегическими и торгово-политическими преимуществами и перспективами. Добиться столь большого успеха канцлеру помог новый союзник – Нидерланды. Таким образом, Швеция вышла из внешнеполитической изоляции.

Канцлеру еще неоднократно приходилось вести переговоры. В 1622 году он заключил перемирие в Огре с Польшей, затем успешно провел переговоры с Данией (1624). После того как Густав-Адольф перенес войну с Польшей на территорию Пруссии, Оксеншерна был официально введен в должность генерал-губернатора и в 1629 году заключил очень важное для Швеции Альтмаркское перемирие с Польшей сроком на пять лет. Однако канцлер не видел никаких гарантий того, что поляки не используют перемирие для военных приготовлений и не ударят Швеции в спину, как только она начнет войну с империей.

Занятая решением балтийских проблем, Швеция не спешила вступать в так называемую Тридцатилетнюю войну (1618–1648) между Священной Римской империей, стремившейся объединить под своей властью Германию, и другими государствами, выступавшими за «европейское равновесие».

Почему Густав-Адольф все-таки вмешался в Тридцатилетнюю войну, до сих пор остается одним из самых спорных вопросов в истории Швеции.

В мае 1630 года 13-тысячное шведское войско во главе с Густавом-Адоль-фом высадилось на одном из островов Балтийского побережья империи. Шведские войска в короткий срок оккупировали почти все герцогство Померанию вместе с его столицей Штеттином.

6 ноября 1631 года в битве при Лютцене Густав II Адольф погиб. Его единственному ребенку – дочери Кристине – было шесть лет. Никаких подробных указаний об опеке король не оставил, поэтому Аксель Оксеншерна, находившийся в Германии, сразу же принял на себя обязанности главнокомандующего шведскими армиями. В самой Швеции руководство принял на себя Государственный совет, немедленно объявивший о созыве риксдага в феврале 1633 года.

Неожиданный интерес к шведской короне проявил сын польского короля Владислав. Он начал открыто вербовать себе сторонников в Швеции. Упавшая с головы Густава-Адольфа корона манила и датского короля Христиана IV, вознамерившегося женить на юной принцессе своего сына Ульриха.

И здесь решающее слово сказал канцлер Оксеншерна, добившийся от регентского совета официального провозглашения несовершеннолетней Кристины королевой Швеции при живой матери (по всеобщему убеждению, она не могла управлять страной). Он отклонил все предложения претендентов на руку принцессы, в том числе и от принца Бранденбургского.

Вопрос о форме правления вызвал в Швеции много споров. Одержала верх программа Оксеншерны, которая заключалась в следующем: во главе государства должен быть опекунский совет, состоящий из руководителей важнейших государственных учреждений, органи-

зованных за последние десятилетия. Этих учреждений было пять: придворный суд, канцелярия, военная коллегия, адмиральская коллегия и камер-коллегия. К моменту смерти короля не все учреждения имели своих руководителей, и потому в ближайшие задачи Государственного совета входили их выборы.

Результаты выборов оказались поразительны. Суд возглавил брат канцлера Габриель Густафсон Оксеншерна, казначеем стал двоюродный брат канцлера Габриель Бенгтссон Оксеншерна. Сохранили свои посты маршал Якоб Делагарди и адмирал Карл Карлссон Юллениельм. Таким образом, власть в опекунском совете сосредоточилась в руках одной семьи – Оксеншерна. Конечно, для самого канцлера, трезвого и умного политика, и для намеченной им политической программы это имело громадное значение. Склонный к спокойному и систематическому мышлению, гибкий и в то же время упорный, Аксель Оксеншерна без страха стал во главе государства. Как и в 1611 году, дворянство вышло победителем в борьбе за власть, но на этот раз победа досталась в результате ловких маневров, счастливого стечения внешних обстоятельств и выдающихся личных качеств государственного канцлера.

Придя к власти, Оксеншерна корректирует внешнеполитический курс Швеции, последовательно исправляя ошибки, допущенные Густавом-Адольфом. Франция вновь становится привилегированным партнером Швеции. Ришелье продолжает финансирование шведских военных операций в Германии. Оксеншерна постарался рассеять опасения рейнских князей, обещая невмешательство при условии соблюдения ими нейтралитета в войне.

Одним из главных пунктов программы Оксеншерны было довести войну со Священной Римской империей до конца, но при этом возместить принесенные жертвы. Для достижения этой цели требовалось большое напряжение сил. Только пустив в ход все свои дипломатические способности, Аксель Оксеншерна добился успеха.

Канцлер лично отправился в Германию и предпринял все меры, чтобы восстановить Евангелическую унию. В Эрфурте он собрал представителей 12 протестантских городов империи и заручился их поддержкой. Затем прибыл в Хейльбронн (Гейльброн) на общегерманский съезд протестантских князей, куда были приглашены представители Франции, Англии и Голландии. Французские интересы представлял маркиз де Фекьер, кузен «серого кардинала» – отца Жозефа. Он сыграл важную роль в заключении в феврале 1633 года союзного договора между Швецией и крупнейшими протестантскими княжествами. Он же помог Оксеншерне стать фактическим и формальным главой общегерманской протестантской партии в противовес кандидатуре Иоганна-Георга, курфюрста Саксонского, не без оснований подозреваемого Ришелье в тайных намерениях пойти на сепаратную сделку с Фердинандом II.

Но через короткое время положение Швеции в Германии резко ухудшилось. В сражении при Нердлингене в конце лета 1634 года шведские войска потерпели жестокое поражение. Союзники изменили, взаимоотношения с Францией представляли большие трудности, в самой Швеции среди некоторых членов Государственного совета и среди сословий господствовало убеждение в необходимости заключить мир как можно скорее и любой ценой. Но канцлер не хотел, как он выразился однажды, «выводить родину из войны без репутации, уважения, выгоды, дружбы и всего остального».

Оксеншерна приступил к переговорам с кардиналом Ришелье относительно возобновления Бервальдского договора 1631 года. Несмотря на поражение под Нердлингеном, канцлер не отказался от намерений удержаться в Германии, где была дислоцирована шведская армия под командованием генерала Баннера. Он был готов продолжить борьбу, но настоятельно требовал, чтобы в нее включилась и Франция. Завершающая стадия франко-шведских переговоров проходила в Париже, куда с огромной свитой, достойной суверенного монарха, прибыл Оксеншерна.

28 апреля 1635 года в Компьене был подписан договор о союзе между Францией и Швецией. По условиям договора Франция обязывалась разорвать все отношения с Габсбургами и начать военные действия на стороне протестантской коалиции, признавала также законным захват Швецией Майнцского и Вормсского архиепископств. Со своей стороны Швеция обещала восстановить католический культ в захваченных протестантами землях, заручившись обещанием Франции уважать протестантское вероисповедание на территориях, которые могут быть захвачены ею. Обе стороны взяли на себя обязательство не заключать сепаратного мира с Габсбургами.

В июне 1635 года Франция открыто вступила в Тридцатилетнюю войну и отвлекла на себя основные силы императора. Это дало возможность Швеции сосредоточиться на проблемах с Речью Посполитой. Через год после того, как истек срок перемирия с Польшей, никто не мог поручиться, что Владислав IV, примирившийся с царем Михаилом Федоровичем, не попытается отобрать шведскую корону у малолетней Кристины. Оксеншерна, заинтересованный в мире с Польшей, вынужден был пойти на значительные территориальные уступки Речи Посполитой, отказавшись от завоеваний Густава-Адольфа в Польской Пруссии. В результате переговоров в Штумсдорфе (Пруссия) между Швецией и Польшей при посредничестве Франции было заключено новое перемирие (сентябрь 1635 года).

Летом 1636 года канцлер вернулся в Швецию. Используя свой авторитет, он провел через Государственный совет свою внешнеполитическую программу.

В последние годы Тридцатилетней войны значительно обострились отношения между Швецией и Данией, что прежде всего было вызвано завоеваниями Швеции в Балтийском море и оккупация ею земель в Германии.

В начале лета 1643 года в принципе было решено открыть военные действия против соседней страны. В Швеции считали, что ее положение в Германии чрезвычайно благоприятно для нападения на Данию с юга – с единственного направления, откуда морская держава Дания со своим выросшим при Христиане IV флотом действительно была уязвима. Только таким образом можно было лишить военного значения пояс пограничных укреплений, возведенных Данией в июне.

Осенью 1643 года главнокомандующий шведской армией Леннарт Торстенссон, согласно решению Государственного совета, повел свои войска на север из Моравии, где он в то время находился. Дела у шведской армии шли успешно, и к новому 1644 году он был уже в Ютландии. Дания запросила у Оксеншерны мира.

После длительных, проходивших с переменным успехом, переговоров в Бремсебру в 1645 году были выработаны условия мира: Дания принуждена была отказаться от островов Готланда и Эзеля – своих стратегических опорных пунктов в восточной части Балтийского моря; Дания уступала Халланд на 30 лет, что открывало перед Швецией многообещающие перспективы захвата морских путей. Кроме того, Швеция получила еще две области. Так Оксеншерна нанес удар по господству Дании над выходом из Балтийского моря.

За те годы, когда с таким успехом проводилась внешняя политика Оксеншерны в Дании и Германии, где победоносный Торстенссон продолжал вести войну, королева Кристина достигла совершеннолетия и вступила в управление государством. Оксеншерна в качестве ее опекуна сделал все возможное, чтобы она получила прекрасное образование.

Тридцатилетняя война подходила к концу. Переговоры о мире велись в течение многих лет в вестфальских городах Оснабрюке и Мюнстере.

Кристина и Оксеншерна придерживались различных взглядов на политику Швеции в Германии.

Партия Кристины настаивала уже в 1645–1646 годах на прекращении войны с Германией. Среди мотивов, заставлявших Кристину и ее круг стремиться к скорейшему миру в

Германии, отметим два главных – опасения внутренних беспорядков и опасения войны с Польшей.

И все же все эти веские мотивы перевешивались другими, которыми руководствовались канцлер Аксель Оксеншерна, большинство членов Государственного совета и особенно генералитет, противившиеся заключению мира. Они упорно хотели продолжения войны.

Канцлер отлично сознавал опасность внутренних беспорядков. Но он, видимо, считал, что внешняя война не усугубляет эту опасности, скорее удаляет из страны в качестве рекрутов наиболее воинственные элементы.

К тому же сколько-нибудь значительную армию на случай внутренней необходимости шведское правительство могло иметь только при условии внешней войны: за счет иностранных субсидий и за счет оккупированных территорий.

Главное же было в том, что начиная с 1646 года шведская армия в Германии одерживала новые победы под руководством Врангеля. Полное поражение императора казалось неминуемым, стоило лишь немножко еще затянуть войну.

Французский посол Шаню доносил в 1647 году, что «канцлер никогда не имел склонности к миру и не мог расстаться с тем первоначальным планом, который в прошлом он согласовал с покойным королем Густавом-Адольфом в разгар его успехов». Однако поскольку он вел войну с 1635 года в открытом союзе с Францией, речь могла идти уже лишь о разделе власти над Германией между двумя союзными коронами.

В августе 1646 года Швеция еще категорически требовала всю Померанию. Но уже на заседании 10 сентября 1646 года при обсуждении вопроса, продолжать ли настаивать на получении всей Померании, канцлер Оксеншерна, взвешивая все «за» и «против», между прочим, говорил: «Если мы будем требовать слишком многого, то все [союзники] обратятся против нас».

На заседании Государственного совета 5 ноября 1646 года Оксеншерна поставил вопрос о том, что следует делать в отношении курфюрста Бранденбургского: «Он так повысил свой голос, – не следует ли показать ему зубы?» На следующий день, 6 ноября, канцлер после развернутых прений, лишь при слабом сопротивлении королевы, провел новую инструкцию шведским послам в Оснабрюке: предъявить курфюрсту альтернативу – 1) или Швеция с согласия курфюрста получит Западную Померанию с о. Рюгеном, с Воллином, Штеттином и устьем Одера, 2) или Швеция удержит всю Померанию без всякого его согласия, под гарантией императора и империи, с которыми будет заключен мир на этом условии. Но курфюрст Бранденбургский не раз заявлял, что, если шведы будут требовать всю Померанию, он вообще отзовет своих послов с конгресса. Тем более можно было ожидать разрыва переговоров при угрозе, что вся Померания будет взята даже без всякого согласия курфюрста. Фактически снова победил курс Оксеншерна.

Курфюрст вскоре сдался. Шведские послы к 28 января (7 февраля) согласились ограничиться Западной Померанией с некоторыми пунктами из Восточной и устьем Одера. Уже 1 (11) февраля согласованный компромисс был завизирован секретарями обоих посольств. Этот документ и стал в дальнейшем краеугольным камнем Оснабрюкского договора, хотя в нем еще далеко не все вопросы были разрешены (денежные споры, вопрос о территориальной компенсации Бранденбурга и др.).

В июне 1647 года при посредничестве маршалов произошло примирение между Оксеншерной и Кристиной. Хотя каждый продолжал давать собственные указания в Оснабрюк, их позиции в некоторой мере сблизились. С одной стороны, успехи шведской армии в Германии заставили Кристину несколько уступить вожделениям генералитета и Государственного совета. С другой стороны, Оксеншерна в мае – июне 1647 года проявлял больше склонности к подписанию мира, чем перед этим. Причиной этому были военные приготовления польского короля Владислава IV.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.